

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН**

В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев

**Движение Талибан и перспективы
Афганистана и Пакистана**

Москва
ИВ РАН
2014

УДК 321.6(581549.1)
ББК 63.3(5Афг+5Пак)12
Б43
С35

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.
**Движение Талибан и перспективы Афганистана
и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН,
2014. – 216 с.**

ISBN 978-5-89282-616-7

Данная монография выполнена в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «Нация и государство в мировой истории». Это вторая монография авторов по подпрограмме «Современное государство и традиционное общество. Особенности и механизмы взаимодействия на примере Афганистана и Пакистана». Главное внимание в книге уделено наиболее актуальным вопросам современной истории двух соседних государств, которые связаны с исламским радикализмом и диверсионно-террористической борьбой исламистов. В монографии рассматриваются истоки и важнейшие черты функционирования исламистского режима Талибан в Афганистане (1996–2001), причины его краха, перебазирования в Пакистан и возрождения с одновременным возникновением движения Талибан в Пакистане. Авторы используют понятия верхнего и нижнего яруса в политике для анализа текущей истории и перспектив развития Афганистана и Пакистана.

© Белокреницкий В.Я., 2014
© Сикоев Р.Р., 2014
© Институт востоковедения РАН, 2014

ISBN 978-5-89282-616-7

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Этнические, социальные и духовные истоки афганского движения Талибан. Борьба за власть с муджахедами.....	15
Глава 2. Структура власти в Исламском Эмирате талибов. Особенности религиозно-правовой политики.....	54
Глава 3. Исламская экономика талибов. Судебная система. Политика в сфере образования. Репрессии.....	89
Глава 4. Внешняя политика и международные связи ИЭА. Иностранное вмешательство. Разгром и оттеснение талибов из Афганистана в Пакистан.....	123
Глава 5. Превращение пуштунского ареала Пакистана в опорную базу джихадистов. Возрождение афганских талибов. Пакистанское движение Талибан.....	158
Заключение. Перспективы развития ситуации в Афганистане и Пакистане. Судьба государств.	186
Приложение. Документы Исламского Эмирата Афганистан	199
Contents	215

Введение

Данная монография представляет собой вторую книгу, подготовленную в рамках программы Отделения исторических и филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории». Первая книга «Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана» вышла в свет в 2013 г.¹ Главное внимание в настоящей работе авторы решили уделить исключительно актуальному политическому феномену наших дней – подъему радикального воинствующего исламизма. Афганистан был по сути первой страной, где к власти пришли такого рода силы в лице Исламского движения Талибан. Произошло это в середине 1990-х годов в результате победы талибов над идеологически близкими группировками муджахедов, боровшихся за власть между собой после поражения в 1992 г. левodemократического режима. В 2001 г. талибы уступили контроль над страной и переместили центры своего движения в соседний Пакистан. Под влиянием этих событий в Пакистане также возникли талибские организации, так что пламя исламистской революции, которое удалось потушить в одной стране, перекинулось на другую. Воинствующий исламизм в Афганистане и Пакистане нельзя рассматривать изолированно от аналогичных явлений в других странах и регионах арабо-мусульманского мира. Большое влияние на афгано-пакистанскую ситуацию в этом отношении оказали и оказывают транснациональные исламистские группировки. Долгое время ведущей среди них была Аль-Каида, а с 2014 г. наиболее дерзко и в военном отношении мощно действует группировка Исламское государство Ирака и Сирии, воспользовавшаяся ослаблением на этом геополитическом пространстве государственной власти и длительным состоянием гражданской войны.

---

¹ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М., Институт востоковедения РАН, 2013, Издательство МБА, 174 с.

Цепь хорошо известных событий и явлений наталкивает на мысль о прямой взаимосвязи между радикальным исламизмом и особенностями общественно-государственного устройства. Большое значение в связи с этим приобретает характер соотношения институтов современного государства и традиционного общества в мусульманском ареале. Именно он заявлен как ключевой для выполняемой авторами подпрограммы. Ввиду выбранного акцента на текущих общественно-политических процессах нам пришлось отказаться от намерения углубиться в исследование многочисленных конкретных взаимосвязей между государством и обществом в Афганистане и Пакистане. Однако во Введении мы постараемся коснуться некоторых аспектов проблемы современного государства и традиционного общества, проиллюстрировав их на примере двух стран-соседей.

Начнем с того, что такое современное государство и что нужно считать традиционным обществом? В первом приближении и то, и другое представляется достаточно ясным. Однако при попытке уточнить эти понятия сталкиваешься с известными трудностями. Если говорить о первом из них, то часто современным называют государство, существующее в нынешнюю эпоху, в период после окончания Второй мировой войны. В то же время определение «современное» применяется для характеристики государств, возникших в Новое время. Их современность объясняется феноменом появления в Западной Европе политических образований нового, гражданского типа, отличающегося от феодально-подданнического. Основу сосуществования таких государств заложил Вестфальский мир, заключенный по окончании Тридцатилетней войны (1618–1648). Более чем 350-летний период господства Вестфальской системы международных (в узком смысле межгосударственных) отношений отмечен многочисленными переменами как во внутреннем устройстве государств, образующих ядро мирополитической системы, так и в характере их внешних связей. Крупные сдвиги произошли на рубеже XVIII–XIX вв. в период французских войн, сначала революционных, потом наполеоновских. После создания Венской системы в Европе в 1815 г. ускорилось распространение власти европейских держав на азиатский и африканский континенты, сложилась обширная система колониального господства. Метрополии при этом относились к типу национальных, гражданских в своей основе государственных образований, внутри

которых не наблюдалось кардинальных различий между центром и периферией (отличительная черта империй). Заметим также, что традиционные верхние слои в европейских государствах были вынуждены потесниться, уступив часть привилегий представителям «третьего сословия» – буржуазии, а затем и выразителям интересов нижних пролетарских групп и слоев.

Между тем, западноевропейские державы, образуя с завоеванными морским путем колониями одну, хотя на первых порах и весьма рыхлую политическую систему, дали основания для теоретических (умозрительных) представлений о территориально дезинтегрированной империи (вторичных империях Нового времени). В такой имперской модели принципиальным представляется экономический разрыв между оторванными друг от друга центральными (находящимися в Европе) и периферийными, азиатскими и африканскими, территориями, усиленный политической подчиненностью колонизованных областей и этнорасовой дискриминацией их населения.

Глубокую эволюцию претерпело современное государство в XX веке вследствие индустриализации и связанного с ней влияния профсоюзов, рабочих крупных промышленных предприятий, политических организаций фабричного пролетариата. Под воздействием этих сил происходит демократизация государства с одновременным усилением роли госаппарата и различных его профессиональных корпораций. Иными словами, наблюдается бюрократизация власти.

Для новейшей постиндустриальной стадии экономического развития центров и периферии мировой экономики характерно уменьшение степени концентрации рабочих и инженерно-технических работников, происходит их рассредоточение, и замена роботами рабочих, техников, других лиц квалифицированного труда. В результате наблюдается снижение политической роли организованных отрядов трудовых масс, их политических организаций и представителей. На первое место по влиянию в современном государстве и соответствующем ему гражданском обществе все более выходят силы, опирающиеся на представителей финансового и промышленного капитала, лоббирующие интересы магнатов бизнеса в наиболее прибыльных сферах материального и нематериального производства. Особое значение при этом имеют приоритеты энергетических, военных и наукоемких отраслей, которые

зачастую не способны успешно функционировать без узаконенной поддержки государственных и надгосударственных, интернациональных структур.

Если теперь обратиться к другому понятию – традиционному обществу, то и здесь легко обнаружить несколько сменяющих друг друга волн перемен. Первая крупная волна охватывает позднеревную и раннюю средневековую историю (две тысячи лет, с 500 г. до н. э. до 1500 г. н.э)², которые можно отнести к эпохам первичной, но далеко, понятно, не неизменной традиционности. При этом европейское (западноевропейское) общество преобразовалось в современное (модерное) как благодаря внутрорегиональному, ограниченному Европой, взаимодействию, так и внешним контактам, в первую очередь с расположенными по соседству мусульманским и православным ареалами.

Что касается Восточных (восточноевропейских, евразийских, азиатско-тихоокеанских) обществ-государств, то они в основном сложились также к рубежу Нового времени, т. е. к середине второго тысячелетия н. э. При этом на Востоке можно увидеть последовательную смену разных духовных и культурных влияний, а также изменений в хозяйственном укладе жизни всего или большей части населения. Во внутренних районах Евразии внешние воздействия носили нередко косвенный (релейный) характер (передавались по принципу реле, через посредника или цепь посредников), но чаще навязывались силой, путем прямого политического подчинения и принудительного насаждения.

Вторая крупная волна перемен «обрушилась» на традиционные азиатские общества, относимые большинством отечественных теоретиков к «большой феодальной формации»³, вследствие попадания их в орбиту «восходящего Запада», иными словами, под влиянием распространяющегося из Европы колониализма. Заметим,

---

² Известный автор такой периодизации американский историк У.Мак-Нил назвал эту эпоху «евразийским культурным равновесием», см.: *Мак-Нил У.* Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев–Москва, 2004.

³ Видный отечественный ученый Л.И.Рейснер отмечает в связи с этим: «Главным аргументом в пользу принятия концепции «большой феодальной формации» мы считаем то, что средневековое общество любой страны или региона при всей специфичности своего исторического бытия имеет по меньшей мере одну особенность общетипологического характера: оно является вторичной общественно-экономической формацией, которой исторически предшествовали и в складывании которой сыграли огромную роль цивилизованные, классовые общества древнего мира». *Рейснер Л.И.* Цивилизация и способ общения. М., 1993, с. 101.

что континентальные районы материка, как правило, испытывали влияние колониализма на такт позднее, чем прибрежные.

Примером вторичной традиционности континентального типа предстает афганское общество, возникшее в середине XVIII в. в рамках отколовшейся от ослабевшей Персидской империи военно-племенной по происхождению административно-государственной структуры с центром первоначально в Кандагаре, а затем в Кабуле (к востоку от Ирана). Общество в рамках первого афганского государства формировалось крайне медленно, оставаясь раздробленным на областные группы, подвластные шаху афганской (пуштунской) династии Дуррани⁴. Население этой «сырой империи», поддерживаемой ежегодными грабительскими походами в Индию (на плодородные земли бассейна Инда и двуречья Ганга и Джамны), состояло в основном из пуштунского военно-племенного общества и подвластных ему групп скотоводов и земледельцев, в основном непуштунских по языку и обычаям. За развалом первоначальной афганской государственности в конце XVIII – середине XIX вв. последовала ее стабилизация в виде территориально сократившегося эмирата. В 1830–1880-х годах редко заселенные и малодоступные области нынешнего Афганистана оказались «яблоком раздора» между наступавшей с востока на запад колониальной Англией и продвигавшейся в противоположном направлении императорской Россией. Ближние соседи Афганистана (государство сикхов в Пенджабе, белуджские и синдские княжества Индского региона, Каджарская империя персов, Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства Средней Азии) в течение растянувшегося на 70–80 лет пульсирующего англо-русского соперничества попали в полную или частичную зависимость от превосходивших их в военном и экономическом отношении внерегиональных держав.

Афганистан со столицей в Кабуле (в южных предгорьях Гиндукуша) тоже не избежал этой участи. По договорам 1855, 1880 и 1893 гг. кабульские правители уступили часть своих «исконных» территорий Британской Индии и согласились вести внешние дела только через англо-индийскую администрацию. Эмир Афганиста-

---

⁴ Подр. см. например.: *Ганковский Ю.В.* Империя Дуррани. М., 1958; *История Афганистана с древнейших времен до наших дней.* Отв.ред. Ю.В.Ганковский. М., 1982, с. 125–190.

на⁵ получал от англичан «за послушание» ежегодную субсидию и мог при желании пользоваться их советами и услугами. Но стремления к этому первый «современный» правитель Афганистана «железный эмир» Абдуллахман-хан не проявлял. Он был заинтересован в заимствованиях преимущественно в военной сфере, будучи озабочен главным образом последовательным и не без труда достававшимся расширением подчиненной ему территории и наведением порядка на ней – ожесточенной борьбой с бесконечными мятежами⁶. При нем, в 1880–1890-х гг., Афганистан приобрел нынешние границы и современные территориальные очертания.

Но даже ограниченная по масштабам устроительная деятельность эмира привела на рубеже XX в. к появлению прообраза современного государства в «сердце Азии». Между тем, афганское общество оставалось по большей части вполне традиционным, хотя поневоле и взаимодействующим с некоторыми государственными структурами. Попытки более решительных преобразований, принятые королем Амануллой в конце 1920-х годов, натолкнулись на сопротивление влиятельных консервативно настроенных слоев общества (духовных лидеров и вождей племен) и завершились откатом. На первом этапе после Второй мировой войны попытки модернизации возобновились и с конца 1950-х годов стали приносить заметные результаты. Однако форсированная модернизация, последовавшая за государственным переворотом в апреле 1978 г. оказалась отринутой им, несмотря на прямую поддержку пришедших к власти «народных демократов» со стороны СССР, одной из двух сверхдержав тогдашнего мира.

С рубежа 1970–80-х годов Афганистан вступил в полосу затяжного вооруженного конфликта, который можно представить себе как противостояние открытого внешнему воздействию государства и замкнутого общества. В 1979–1992 гг. афганское государство было советизированным по идеологии и политическому устройству. В начале XXI в. его сменила вестернизированная государственная система, которую тоже напрямую, вооруженным путем и экономическими вливаниями, поддерживали извне. Ориентированному

⁵ Смена титула афганского правителя произошла в 1820-х годах, а в английском языке позднее за ним закрепился титул короля.

⁶ Из последних отечественных работ, касающихся этой темы см: *Коргун В.Г.* История Афганистана XX век. М., 2004. Гл.1.; *Арунова М.С., Лалетин Ю.П.* Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М., 2010, с.160–197 и др.

на Запад режиму государственной власти рядоположенным оказалось общество, сохраняющее свои основные традиционные черты. Важной его составной частью стали радикальные исламисты, отвергающие всякий модерн как недопустимое в исламе новшество. Вероятно, часть из них на деле стремилась осуществить «вхождение в современность» иным путем, исходя из представлений об «идеальном прошлом». Но экстремистски настроенные исламисты не хотели, по-видимому, и этого, добиваясь архаизации права и быта под лозунгом возврата ко временам «праведных халифов» и построения всеобщего халифата.

Нечто похожее происходит отчасти ныне и в соседнем Пакистане. Общество в этой стране возникло вслед за созданием государства в 1947 г. Тогда колониальная Индия распалась на два независимых доминиона – Индию, где мусульмане были в меньшинстве, и Пакистан, где они преобладали. Территориально Пакистан состоял из двух «кусков» – западного и восточного, разделенных массивом индийской земли. Эмиграция населения, последовавшая за разделом, привела к почти поголовному отъезду из Западного Пакистана индусов и сикхов, составлявших значительную часть верхних и средних слоев населения, и замену их переселенцами-мусульманами. В 1971 г. Исламская Республика Пакистан (с 1956 г.), распалась на западный регион, ставший Пакистаном в нынешних границах, и восточный – Бангладеш.

Почти стопроцентно мусульманское по составу население «второго» Пакистана создало благоприятную почву для проведения военными, незаконно захватившими власть в 1977 г. политики исламизации. Насажение исламских законов «сверху», через государственный аппарат и в суннитском варианте, вызвал трения между суннитами и шиитами (15–20% мусульман). Превращение страны в «прифронтовое государство», использовавшееся Западом для борьбы с «коммунистами» в Афганистане стало серьезной внешней причиной радикализации традиционно настроенных кругов.

Модернизация Пакистана существенно опережала аналогичный процесс в Афганистане. В отличие от афганского пакистанское государство унаследовало современную британскую модель управления с блоками парламентаризма и развитой судебной системой. Вместе с тем, будучи окраинным регионом Британской Индии, имевшим для нее преимущественно военно-стратегич-

ческое значение, Пакистан отличало слабое развитие транспорта, фабричной промышленности, городов и среднего класса. Несколько отставал он от Индии в целом с точки зрения грамотности населения, его образования, профессиональных качеств и гражданской активности. Все это в немалой степени обусловило авторитарный характер государства и более косную структуру общества.

Попытки модернизации предпринимались в Пакистане на протяжении всего периода его существования. Причем делались они неизменно при поддержке Запада, прежде всего, США. Однако и Пакистан, как и Афганистан, не избежал на этом пути кризисов и откатов. Наиболее глубокий из них поразил страну в 1970-х годах: в начале десятилетия, как выше отмечалось, государство раскололось надвое, а в конце – вступило на путь исламизации и необъявленной войны с соседней страной.

Существенно, что Пакистан отличает от Афганистана неоднородный, разноуровневый модус (мера) развитости. Наиболее экономически и социально развитыми являются северные и центральные районы крупнейшей провинции Панджаб, а также некоторые прибрежные районы южной провинции Синд. В этих ареалах располагаются многомиллионные современные города – столица Исламабад, примыкающий к ней Равалпинди, культурно-исторический и промышленный центр Лахор, морские ворота страны, один из крупнейших в мире по населению мегаполис Карачи. Основная ирригационно-земледельческая зона Пакистана охватывает на севере Панджабскую равнину, а на юге – Синдскую низменность. Производительность полеводства, базовой отрасли пакистанской экономики, достаточно высока, и значительная часть хозяйств в районах поливного земледелия (орошается 20 млн. га) ведется на рентабельной коммерческой основе.

Вместе с тем, клин обрабатываемых земель в Пакистане составляет, по последним данным, 27 млн. га., чуть больше четвертой части общей площади в 80 млн. га (около 800 тыс.кв.км.). Вне зоны земледелия, в том числе искусственно орошаемого, остаются обширные пустынные и гористые районы к западу от долины Инда – южные округа Панджаба, прилегающий к ним Верхний Синд, провинции Белуджистан, Хайбер-Пахтунхва (Хайберско-пуштунская). Вместе с высокогорной полосой пуштунских племен по границе с Афганистаном и областью Гилгит-Балтистан на севере близ границ с Китаем (официально до сих пор – это спорная

территория бывшего княжества Джамму и Кашмир) перечисленные области образуют отсталый, крайне бедный ареал, мало чем отличающийся от афганского.

Афганистан принадлежит к категории наименее развитых государств мира. Его национальный доход на душу населения по паритету покупательной способности валюты составлял в 2013 г. всего 1100 долл. США (далее – долл.; оценка Мировой книги данных ЦРУ США) По этому показателю он занимал 216 место среди регистрируемых ООН государств и отдельных территорий. Обрабатываемая площадь в Афганистане не превышала 12% всей территории страны в 650 тыс. кв.км., и только 40% из нее была орошаемой. В Афганистане есть достаточно крупные города, но нет городских агломераций пакистанского типа и размера. Впрочем, и население двух государств несопоставимо – несколько более 30 млн. чел. в Афганистане и 190–210 млн. в Пакистане.

При этом по агрегатным показателям душевого национального дохода Пакистан превосходит соседнюю страну в три раза (3100 долл.), занимая, вместе с тем, очень низкое, 176-е место, в мировой классификации государств и территорий по величине этого показателя. Расчеты по официальному курсу обмена валют свидетельствуют, что у Пакистана душевой доход в 2013 г. равнялся всего 1278 долл. Впрочем, Индия ушла вперед ненамного – 1418 долл., тогда как Афганистан отставал примерно вдвое – 650 долл.

Несмотря на различие в уровнях дохода, Афганистан и Пакистан представляют собой во многом единый регион, сходный по большинству ключевых показателей, как природно-экологических, так и социально-экономических. Исключительно близким, особенно вдоль границы между государствами, растянувшейся на 2,5 тыс. км., предстает этнический, клано-племенной и конфессиональный состав населения.

Еще раз подчеркнем, что современному государству в этом двуедином ареале противостоит во многом традиционное общество. Можно говорить о двух ярусах сложившейся общественно-государственной системы. Верхний ее ярус состоит из современных структур, концентрирующихся вокруг государственной власти, армии, крупных городов, больших экономических объектов – заводских и фабричных, торговых и транспортных, коммерческих пригородных ферм. На нижнем ярусе сохраняется традиционный уклад жизни, быта, хозяйственной деятельности. При этом в его

рамках тоже происходят изменения, но не коренного, а паллиативного, гибридного свойства.

Сочетание современного и традиционного укладов на примере экономики Индии и ряда других стран, в том числе Пакистана, были в свое время обстоятельно и убедительно рассмотрены в нашей литературе⁷. Поэтому речь не идет об открытии нового феномена. Развитием прежнего подхода является применение двухъярусной модели для описания политических и идеологических реалий.

В пяти главах монографии подробно рассмотрен феномен выхода движения Талибан, опирающегося на нижний общественно-политический ярус в Афганистане, на авансцену политической жизни. Читатель сможет представить себе пройденный талибами путь к установлению своего господства почти на всей территории страны, а также познакомиться с их представлениями, идеологией, особенностями введенной ими судебной-правовой системы. Содержание книги дает представление об этапах становления власти талибов и о внутренней и внешней политике режима Талибан. Авторы постарались показать специфику жесткой тоталитарно-религиозной диктатуры, установленной талибами, сравнив ее с аналогами в афганской истории. Поэтому немалое место в работе уделено некоторым общим историко-культурным явлениям, характерным для Афганистана, которые оттеняют исключительность режима Талибан. В монографии выявлены также причины возникновения такой силы, как пакистанские талибы, охарактеризованы основные периоды в ее эволюции. Определенное внимание в книге уделено воздействию на ситуацию в регионе внешних сил, как глобальных, так и региональных. В заключительном разделе оцениваются перспективы изменений ситуации в Афганистане после запланированного вывода оттуда в конце 2014 – начале 2015 гг. основной части иностранных войск, приводятся возможные сценарии эволюции на период в ближайшие два года и последующие пять лет. В рамках этих прогнозов мы касаемся будущего двух стран и строим предположения о вероятности талибанизации Афганистана и фрагментации Пакистана.

---

⁷ См.: Экономика Индии. Общая характеристика. Отв. ред. Г.К.Широков. М., 1980; Традиционные структуры и экономический рост. Отв. ред. Г.К.Широков. М., 1984. Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Отв. ред. В.Г.Растяжников, Г.К.Широков. М., 1995.

Глава I. Этнические, социальные и духовные истоки афганского движения Талибан. Борьба за власть с муджахедами.

С момента появления в 1994 г. движения Талибан в Афганистане (*талибан* – мн. ч. от *талиб*, ищущий подлинных знаний – здесь и далее в скобках прим. авт.) под сомнение была поставлена сама возможность принадлежности участников этого военизированного движения к ученикам религиозных школ. Вот, например, что писала афганская эмигрантская газета «Навайи бамдад», выходящая в 1990-х годах в Индии: «Кто такие талибы? – вопрошала газета, – Где они постигали законы шариата? Обучались ли они только религиозным наукам или же помимо этого изучали социально-политические и экономические науки? В каких медресе они учились стрелять, водить танки, управлять самолетами и изучали воинскую стратегию?»¹.

И надо признать, основания для подобной постановки вопроса были. Начнем с того, что на определенном этапе к талибам примкнула значительная часть бывших офицеров афганской армии, многие из которых уже имели опыт участия в «священной войне» на стороне муджахедов в 1979–1992 гг. Пополнению способствовало то, что после падения народно-демократического режима М. Наджибуллы в конце апреля 1992 г. армия фактически развалилась, и офицерский корпус разошелся по «национальным квартирам»: узбеки ушли к А. Р. Дустому, таджики – к Б. Раббани и А. Ш. Масуду, хазарейцы – к А. А. Мазари и М. Акбари, а часть офицеров-пуштунов, в основном членов фракции «Хальк» во главе с бывшим министром обороны Ш. Н. Танаем, скрывавшимся под именем муллы Рашида, вначале примкнули к Г. Хекматъяру, а потом перешли на сторону талибов. Таким образом, многие профессиональные военные-пуштуны, в основном получившие обра-

---

¹ Навайи бамдад, октябрь-ноябрь 1995.

зование за рубежом (в Турции, Советском Союзе, Индии, США), примкнули к талибам. Они, кстати, оказались невостребованными администрацией Исламского Государства Афганистан (ИГА) во главе с президентом Б. Раббани (находился у власти в Кабуле в 1992–1996 гг.)². Неслучайно в числе причин боевых успехов талибов эмигрантская проталибская газета «Муджахид вулус», выходившая в Норвегии, указывала на наличие в составе Талибан бывших офицеров афганской армии, составивших, вместе с «истинными муджахедами», боевое ядро движения³.

Исключительно важно и то, что определенная часть военных в организации Талибан была представлена отставными офицерами-пуштунами из пакистанской армии и Межвидовой войсковой разведки (МВР) Пакистана. Учитывая роль последней в деле формирования движения Талибан, о чем подробнее будет сказано ниже, в этом не было ничего удивительного.

Сошлемся на мнение, на наш взгляд объективное, известного афганского журналиста А. Х. Мобареза. «Основа движения Талибан, – отмечал он, – несомненно афганская. Но то, что на него оказала влияние пакистанская МВР, тоже не вызывает сомнений, так как она имела давние связи с большинством исламских *танзимов* (группировок *муджахедов*, участников *джихада*, «священной войны» 1979–1992 гг.), с одними более тесные, с другими менее»⁴.

Подчеркнем, однако, что существует достаточно свидетельств тому, что костяк Исламского движения Талибан (официальное название на пушту – Да Афганистан да талибано ислами тахрик) все-таки составляли талибы и муллы из афганских медресе, уже имевшие боевой опыт участия в джихаде, а также талибы – дети беженцев, прошедших военную подготовку в медресе, действовавших в лагерях для беженцев на территории Пакистана, и даже успешных повоевать в составе муджахедских танзимов.

В подтверждение участия мулл и талибов в военных формированиях муджахедов сошлемся на отечественного автора В. Н. Спольникова, который отмечал, что по этническому составу группировка

² Талибан: из медресе к власти (Талибан: аз мадраса та хокумат). Вашингтон, ноябрь 1995.

³ Муджахид вулус. № 10–11, январь-февраль, 1995.

⁴ Мобарез А.Х. Правда и анализ политических событий Афганистана (1973–1997). От падения монархии до появления талибов (Хакайек ва тахлили вакайаи сиасийи Афганистан (1973–1997). Аз сокути салтанат та зохури талибан). Пешавар, 1997, с.173

М. Наби Мухаммади Движение исламской революции Афганистан (ДИРА) была полностью пуштунской и подчеркивал, что в ее «среднем и низшем руководящем звене много мулл и учащихся богословских школ»⁵. По свидетельству афганского автора А. Ульфата, среди боевиков ДИРА было много «мулл низшего разряда (т. е., по существу, талибов, учеников и выпускников религиозных школ), которые не боятся смерти»⁶. Преподаватель Американского университета в Каире Л. Гудзон, не раз посещавший районы, подконтрольные талибам, также подтверждал, что «большинство талибов – это учителя и ученики религиозных школ, многие из которых воевали против советских войск»⁷.

А по наблюдению известного пакистанского журналиста и аналитика А. Рашида, в большинстве своем талибы состояли из пуштунов, родившихся и выросших в Пакистане и получивших образование в пакистанских медресе. Их семьи продолжали проживать в Пакистане и после 1992 г. Хотя родным языком для талибов был пушту, для многих вторым языком общения стал не дари (фарси, афганский или кабульский персидский), как распространено у пуштунов, родившихся в Афганистане, а урду, национальный язык Пакистана⁸.

Наконец, газета «Мизан», издававшаяся посольством ИГА в Индии утверждала, что «талибы – это ученики пакистанских медресе, находящихся под контролем пакистанской религиозной партии Джамиат-е улама-е ислам (ДУИ)⁹».

Исследуя социальный состав талибов, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, отмечаемое многими исследователями этой проблемы и, на наш взгляд, несомненно, оказавшее влияние на формирование мировоззрения талибов. Талибы в подавляющем большинстве – представители маргинальных слоев населения как Афганистана, так и Пакистана. Вот что пишет о та-

⁵ Спольников В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987, с. 95.

⁶ Цит. по Спольников В.Н. Афганистан: исламская оппозиция – истоки и цели. М., 1990, с. 63.

⁷ Афганистан. № 13, ноябрь 1997, с. 53.

⁸ Rashid A. Pakistan and the Taliban//W.Maley ed. Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban. Lahore 1998, p. 72–73. Рашид. А. Пакистан и Талибан (Пакистан ва Талибан) в сб. Афганистан – Талибан и мировая политика (Афганистан – Талибан ва сиасатхайи джахани). Мешхед, 1377 (1999), с. 110. Перевод с английского на дари вышеуказанного сборника.

⁹ Мизан. 15.01.1997.

либах афганский политик, ученый и поэт С. Лаек в предисловии к книге афганского ученого В. М. Вазира «Судьба Афганистана и восточные пуштуны (1880–1980)»: «Религиозные студенты (талибы), которые становились муллами после завершения религиозного образования в медресе, большей частью были выходцами из беднейших, угнетенных и несчастных семей в племени, пределом мечтаний которых было достичь статуса имама в мечети»¹⁰.

Анонимный автор проталибской брошюры «Талибан: из медресе к власти», также характеризует талибов афганских медресе как простых деревенских парней, «никогда не видевших ни Пакистана, ни Кума», далеких от «дьявольских искушений западной цивилизации»¹¹, выросших в бедности и воспитанных в духе обычаев и традиций, бытующих среди пуштунских племен. Причем в большинстве своем талибы были выходцами из племен гильзаев, наиболее отсталых жителей горного восточного Афганистана (района большой Пактии, *Лойя Пактия*). Между тем, в руководстве движения наиболее широко были представлены пуштуны из другой племенной конфедерации – дуррани. Они отличались более высоким уровнем образования, прежде всего религиозного, и населяли юго-восточный район страны, известный как «большой Кандагар» (*Лойя Кандагар*)¹².

Мало чем отличались по своему социальному статусу от своих афганских «братьев» пакистанские участники афганского движения Талибан – среди них также преобладали «дети из семей с низкими доходами»¹³. Подтверждение этому тезису находим в той же книжке «Талибан: из медресе к власти», где талибы пакистанских медресе (как афганцы, так и пакистанцы по своей государственной, гражданской принадлежности) характеризуются следующим образом: «Наибольшее число учеников пакистанских медресе составляли сыновья беднейших слоев общества, а поскольку медресе предоставляли талибам пищу и кров, учеба в них была единственным источником существования для большинства талибов. Это вынуждало их в годы учебы переносить физические и моральные

¹⁰ Вазир В.М. Судьба Афганистана и восточные пуштуны (1880–1980) (Ды Афганистан бархлик ва хатидз паштаны (1880–1980)). Пешавар, 1998, с. 18.

¹¹ Талибан: из медресе к власти. с. 16.

¹² Abbas H. The Taliban Revival. Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier. New Haven and London, 2014, p. 127, 136.

¹³ Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., 1998, с. 109.

трудности, проходить военную подготовку. В результате их жизненным кредо становилась «священная война» со всеми, кто не разделял их религиозно-политических взглядов»¹⁴.

На начальном этапе, в 1994, отчасти 1995 гг., когда вектор политических амбиций талибов еще четко не обозначился, их появление в Афганистане было восторженно встречено большинством населения. Даже президент ИГА Бурхануддин Раббани, видимо, рассчитывавший использовать эту новую силу в борьбе со своим главным противником среди муджахедов Г. Хекматъяром, заявил, что «движение Талибан – это национальное афганское движение и даже назвал его «оплотом благоденствий»¹⁵. Генерал А. Р. Дустом во время своей поездки в Лондон в январе 1996 г. (т.е. до взятия талибами Кабула в сентябре того года) в интервью корреспонденту Би Би Си сказал: «Талибы – это афганский народ и наши пуштунские братья... Мы не отделяем талибов от нашего народа, они часть нашей нации»¹⁶.

Особое рвение проявляла на первых порах афганская эмигрантская пресса, отражавшая позицию пуштунских националистических кругов, которая постоянно публиковала панегирики в адрес талибов. Пытаясь привлечь к ним симпатии населения, появление исламских радикалов трактовалось, как некое чудо, называлось не иначе, как «восхождение», самих талибов величали «милосердными», «благородными». Народ убеждали, что их «божественная» миссия заключается в том, чтобы вызволить, наконец, Афганистан из «дьявольского круга несчастий».

По мере того, как политические ориентиры движения Талибан приобретали все более определенные черты, в афганском обществе, в том числе и в афганской диаспоре, нарастали процессы конфронтации и поляризации, в результате чего эмиграция оказалась расколотой по политическому и этническому признаку на два лагеря: антиталибский, и в основном непуштунский, и проталибский (пуштунский). И в то время как движение Талибан и так называемый Северный альянс (объединение оппозиционных талибам сил, базировавшихся в основном на севере страны) принялись с помощью оружия выяснять, кому должна принадлежать верховная власть в Афганистане, их пропагандистские службы вместе со

---

¹⁴ Талибан: из медресе к власти. с. 19–20.

¹⁵ Афганистан. № 14, март 1998, с. 84.

¹⁶ Вафа. 31.01.1996.

своими союзниками в эмиграции развернули самую настоящую пропагандистскую войну. При этом, если сторонники талибов продолжали превозносить их в качестве «ангелов-избавителей» от «ненавистного» режима Б. Раббани и сил других муджахедов-неталибов и называть «подлинно национальной силой», «самыми афганскими афганцами», «настоящими пуштунами» и самыми «благочестивыми мусульманами», то их противники, в свою очередь, не скупилась на нелестные эпитеты, называя их «исчадием ада», «пакистанскими наемниками», «агентами МВР» и т. п., осуществившими прямую агрессию против Афганистана. Так, антиталибская эмигрантская газета «Омид», анализируя причины падения г. Герат (главного центра на западе Афганистана) в 1995 г. поместила заявление официальных властей Исламского Государства Афганистан, в котором утверждалось, что город был взят 5-тысячной армией «пакистанских милишей (милиция), переодетых талибами» и группировкой талибов, переброшенных из Кветты (пакистанский город, административный центр провинции Белуджистан) под Герат¹⁷. Другая эмигрантская газета «Вахдати милли» прямо заявила, что Кабул был захвачен не афганцами, а пакистанцами, причем не пуштунами, а панджабцами (основная этническая группа пакистанского населения), которые, «отрастив длинные бороды и переодетшись в афганскую национальную одежду, в составе 1,5-тысячной группировки талибов проникли в Афганистан»¹⁸.

Противники талибов из числа сторонников Северного альянса в эмиграции утверждали, что талибы – это пакистанцы, что, видимо, должно было предполагать наличие у них пакистанских паспортов. В свою очередь, сторонники талибов доказывали, что все они этнические пуштуны, волею судьбы оказавшиеся в Пакистане, которые теперь, независимо от их гражданства, объединились и поднялись против тех, кто решил узурпировать вековую власть пуштунов.

Сторонники талибов, кроме того, утверждали, что значительная часть семинаристов, образовавших ядро движения Талибан – это молодое поколение афганских пуштунов, бежавших в Пакистан после переворота 1978 г. (Апрельской, или Саурской, революции, совершенной военными и членами Народно-Демократической партии Афганистана) и начала гражданской войны. Эта категория талибов родилась и выросла в лагерях для беженцев, там же

---

¹⁷ Омид. № 177, 11.10.1995.

¹⁸ Вахдати милли. № 6, 26.09.1997.

училась в медресе и принимала участие в боевых действиях в составе муджахедских вооруженных формирований.

В силу этого обстоятельства многие из них, владея языками пушту и урду, не знали языка дари. Не случайно уже упоминавшаяся газета «Навайи бамдад» упрекала талибского губернатора Герата (муллу Яр Мухаммада) в том, что он не знал языка дари и общался с местным дари- (фарси-) язычным населением через переводчика. Более того, по свидетельству А. Рашида, «многие из талибов имели пакистанские паспорта (*тазкира*), так как долгие годы жили в лагерях для беженцев»¹⁹. Так что для сторонников талибов даже наличие у талибов пакистанских паспортов, еще не являлось доказательством их «инострannого» происхождения.

Истина, как обычно, лежит где-то посередине. Начнем с того, что среди талибов, помимо пуштунов, встречались представители (хотя число их было крайне невелико) других этнических групп, населяющих Афганистан: таджиков, узбеков, хазарейцев, нуристанцев, пашаев и др.²⁰. Кстати, этим фактором любила оперировать проталибская пропаганда, опровергая критику талибов в панпуштунизме и пуштунском шовинизме и подчеркивая многонациональный (полиэтнический) характер движения²¹.

В то же время очевидно, что в рядах талибов воевало немало иностранцев. По сообщениям международных СМИ, среди них были граждане не только Пакистана, но также выходцы из арабских и центральноазиатских государств, а помимо того, из Китая (Синьцзян-Уйгурского автономного района), Союза Мьянмы (Бирмы) и стран Юго-Восточной Азии. В рядах талибов сражались, как впоследствии выяснилось, и некоторые граждане США и России.

Наиболее многочисленная группа «иностранцев» была всё же представлена пакистанцами. Эмигрантская газета «Гиндукуш», в 1990-е годы издававшаяся в Москве, ссылаясь на источники, близкие к правительству ИГА, указывала, что на стороне талибов сражалось от 4 до 5 тысяч пакистанцев – учеников медресе, расположенных в пуштунских регионах страны²².

---

¹⁹ Афганистан – Талибан и мировая политика, с. 110.

²⁰ См: Босин Ю.В. Афганистан: полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М. 2002.

²¹ Муджахид в улус. № 16, апрель 1997.

²² Гиндукуш. 09.08.1999.

Согласно А.Рашиду, после первых успехов движения Талибан «тысячи молодых афганских пуштунов, обучавшихся в медресе СЗПП и Белуджистана, хлынули в Кандагар, а вслед за ними последовали и добровольцы-пакистанцы из медресе всех четырех провинций Пакистана»²³.

Поэтому среди талибов наряду с пуштунами оказались многочисленные представители других этнических групп, населяющих Пакистан. Эмигрантский журнал «Афганистан», выходивший в Пешаваре (главном городе пакистанской Северо-Западной пограничной провинции, с 2010 г. – провинция называется *Хайбер-Пахтунхва*, т.е. хайберско- [в честь известного горного перевала] -пуштунская), писал, что в тюрьмах Панджшера (район Афганистана, служивший оплотом власти основной боевой группировки Северного альянса во главе с талантливым полевым военачальником таджиком из долины Панджшера Ахмад Шахом Масудом) содержались взятые в плен пакистанские боевики разных национальностей, а вышеупомянутая «Гиндукуш», со ссылкой на пакистанскую газету «Нейшн», сообщала о случаях передачи родственникам на афгано-пакистанской границе тел погибших в Афганистане пакистанских граждан²⁴.

Между тем, проникновение жителей Пакистана в Афганистан продолжалось. Поток добровольцев из числа учащихся пакистанских медресе заметно усилился осенью 1999 г. Группами от 20 до 80 человек они тайком перебирались через границу, чтобы по призыву лидера талибов муллы Мухаммада Омара, присоединиться к его отрядам и принять участие в «джихаде» против сил А. Ш. Масуда²⁵.

Заметим, что участие иностранных наемников и добровольцев в афганской войне – явление далеко не новое. По данным эмигрантского журнала «Пайами зан», издававшегося в Кветте, в годы «джихада» («священной войны») против народно-демократической власти в Афганистане и поддерживающих ее советских войск) на стороне муджахедов (т.е. участников этой войны) сражались многочисленные отряды иностранных наемников и добровольцев. Назывались такие трудно проверяемые цифры, как 5000 саудов-

²³ *Rashid A. Pakistan and the Taliban*, p. 81 ; *Рашид А. Афганистан – Талибан и мировая политика*. с. 123.

²⁴ См. Афганистан. № 13, ноябрь 1997, с. 6; Гиндукуш. 9.08.1999.

²⁵ Гиндукуш. 19.08.1999.

цев, 3000 йеменцев, 2000 египтян, 2800 алжирцев, 400 тунисцев, 370 иракцев и 200 ливийцев²⁶.

Завершая тему наемников, хотелось обратить внимание на одно обстоятельство. Казалось бы, афганцы должны были приветствовать «братьев по вере», сражавшихся в их рядах в годы «священной войны». Но отношение к ним было далеко не однозначным.

По мнению многих афганцев, арабские наемники «ловко и хитро» пробравшиеся в ряды афганских муджахедов, не внесли какого-либо существенного вклада в движение сопротивления, но зато пользовались «богатými материальными возможностями» и всячески пытались внести раздор и разлад в движение. «С появлением талибов, – отмечает, например издание «Даридз», – они примкнули и к ним»²⁷.

В контексте нашего исследования существенно заключить, что хотя в движении Талибан принимали участие представители различных этнических групп, подавляющее большинство составляли афганские пуштуны, главным образом из южных и восточных регионов Афганистана, а также пакистанские пуштуны из «полосы свободных племен» (официальное ее название – Территория племен федерального управления, ТПФУ), и, кроме того, из тогдашней СЗПП и северных округов Белуджистана.

Таким образом, в движении Талибан участвовали разнообразные по профессии и недавнему прошлому, но в целом достаточно однородные в социальном отношении слои афганского населения. Помимо этнонациональной общности их объединяло сходство религиозных убеждений и политических взглядов. Лидеры и участники движения, побуждаемые разными мотивами, будь-то жажда власти или наживы, стремление «выбиться в люди» или религиозный фанатизм, оказались объединенными под «белыми знаменами талибан» и впервые в истории Афганистана попытались установить на большей части его территории средневековый по существу репрессивно-теократический режим под названием Исламский Эмират Афганистана (ИЭА).

Касаясь духовных истоков движения талибов, нельзя не затронуть коротко историю проникновения ислама в Афганистан и последующую исламизацию местного населения.

---

²⁶ Пайами зан. № 44, октябрь 1996, с. 21.

²⁷ Даридз. № 1, декабрь 1995.

Первая волна ислама достигла пределов нынешнего Афганистана в VII–VIII вв. н.э. Уже в 652 г. помимо иранского Хорасана под влиянием приверженцев новой монотеистической религии пророка Мухаммада оказалась ныне афганская область Герат, а затем, вероятно, и некоторые соседние с ней территории.

О религиозной жизни в Афганистане после завоевания его арабами известно не так много. Некоторые афганские исследователи считают, что мечети, муллы и талибы появились в Афганистане с первой волной ислама. Что касается системы религиозного образования, то, по мнению академика В. В. Бартольда, становление ее в том виде, в каком она существует в Афганистане и сегодня (мечеть – мулла – медресе – талиб) относится к более позднему времени, точнее к X веку, когда «на крайнем востоке мусульманского мира, в Туркестане» под влиянием практики, осуществлявшейся буддийскими монастырями, возникли при мечетях школы-медресе, располагавшие «кельями для студентов и аудиториями для чтения лекций»²⁸.

В течение веков, на территории современного Афганистана возникали и разрушались государства, менялись правители, но система религиозного образования, заложенная в средние века, продолжала крепнуть и развиваться. Каждый из мусульманских правителей, желая прославить и увековечить свое имя, строил мечети и медресе, многие из которых становились подлинными шедеврами исламского зодчества²⁹.

Поэтому к нашему времени в Афганистане уже существовала разветвленная система религиозного образования, включавшая в себя мечети, частные и государственные медресе, суфийские *ханаки* (обители суфиев). К 1978–1979 г. в Афганистане, по оценочным данным, насчитывалось примерно 15–20 тысяч городских и сельских мечетей, при большинстве из которых функционировали большие и малые медресе. При общей численности населения, оцениваемого на тот период в 15–16 млн. человек, лица духовного сословия, занятые в мечетях и медресе, превышали, ориентировочно, 120 тысяч (вместе с семьями от половины до одного миллиона). Причем вся эта огромная армия кормилась за счет добровольных взносов местного населения.

---

²⁸ Бартольд В.В. Ислам. Петроград, 1918, с. 52.

²⁹ Достаточно упомянуть мечети и медресе, созданные в Герате в эпоху Тимуридов царицей Гоухаршад и султаном Хусейном Байкара.

Вот, например, как описывал положение духовенства до апреля 1978 г. эмигрантский журнал «Азад Афганистан»: «На территории проживания пуштунских племен в Афганистане муллы в мечетях получали содержание (*хокук*), размер которого определялся племенной *шурой* (советом). Каждый мусульманин обязан был летом и осенью передавать в мечеть долю урожая, называемую *рад* (отдача) или *имамати* (доля имама) в виде пшеницы, кукурузы и т. п. Сверх этого предводители племен (*хань* и *малики*) и зажиточные крестьяне передавали мечетям различные виды добровольных пожертвований, называвшиеся *сарсайа* (милостыня, раздаваемая при разговении), *закат* (налог в пользу бедных), *шукрана* (подношение мулле) и *хайрат* (милостыня, раздаваемая на похоронах), а также обеспечивали мулл и талибов одеждой»³⁰.

Нужно подчеркнуть, что афганское духовенство (богословы и служители культа, религиозные учителя и судьи) всегда занимало в обществе особое место. Лица духовного сословия были блюстителями исламских норм, порядков и ценностей, как правило, выступали против каких-либо нововведений, объявляя их греховными (*бида*) и расценивая как подрывающие моральные устои общества. Духовные люди считали для себя идеалом времена «праведных халифов» (*салаф-ас-салихин*).

Хотя в исламе, особенно суннитского направления, не существует церковной иерархии, в том виде, в каком она есть в христианстве (за исключением некоторых направлений протестантизма и православного расколичества), тем не менее, в реальной жизни в Афганистане издавна сложилась фактическая религиозно-социальная пирамида. Наиболее влиятельной и привилегированной прослойкой афганского духовенства считались богословы-улемы, имамы соборных мечетей, главы суфийских орденов, верхушка подготовленные для применения мусульманского закона (*шариата*) судьи. В следующую категорию входили рядовые работники шариатских судов – *кази*, *муфтии*, *мухтасибы* и др. Наконец, замыкала эту иерархическую лестницу самая бедная, но и самая многочисленная категория: деревенские муллы, талибы сельских медресе, *чари* и *кари* – служки и чтецы в мечетях.

При этом следует учитывать, что в отличие, скажем, от иранского шиитского духовенства, афганское духовное сословие в целом не было богатым и могущественным. Афганским эмирам, начиная

---

³⁰ Азад Афганистан. № 1, апрель-май 1999, с. 102.

с Абдуррахман-хана (годы правления 1880–1901) удалось подорвать их экономическую базу. Эмир Абдуррахман, сумевший создать централизованное квазисовременное государство, монархию азиатского типа, сумел лишить лидеров духовного сословия и собственных источников доходов от *вакуфов* (*вакфы*, земельные владения духовенства, освобожденные от уплаты налогов в госказну), а также традиционных привилегий в виде доходов от *заката* и всех других видов *садака* (милостыни, пожертвований на богоугодные цели) и стремился превратить улемов и мулл в обычных государственных чиновников, получающих жалование. Более того, эмир хотел также ограничить их возможности исполнять религиозные функции, беря на себя некоторые обязанности первосвященника (имама), что делали впоследствии и его сын Хабибулла-хан (1901–1919) и внук Аманулла-хан (1919–1929).

Член Лондонского королевского географического общества А. Гамильтон, посетивший Афганистан в годы правления эмира Хабибуллы-хана упоминает о том, что тот совмещал «дела государственные с делами духовными». Наблюдая за таким непривычно полным совмещением, он отмечает, что «первый раз в истории Афганистана глава светской власти исполнял обязанности муллы (имама) на пятничной службе в мечети (центральной) Идгах»³¹.

Не было среди афганской религиозной элиты, если не считать знаменитого исламского реформатора Сайида Джамалуддина Афгани (1839–1909), и крупных идеологов и политических деятелей общемусульманского масштаба. Были авторитетные пиры различных суфийских орденов из семейно-родственных кланов Моджаддиди, Гилани, Тагави, Ваэзи и др., но известность их ограничивалась пределами Афганистана и его ближайших мусульманских соседей.

Вместе с тем, афганские улемы и муллы всегда оказывали влияние на умонастроения своего народа. Деревенский мулла был для простых афганцев источником информации, интерпретатором социально-политических новостей, а главное, признанным наставником и советником, сопровождавшим сельчанина от рождения до смерти. Его духовным указаниям и наставлениям они беспрекословно подчинялись. При этом в мирное время роль и значение религиозных кругов в масштабе всей страны были менее заметны. Но в кризисные периоды они играли, как правило, консолидирующую

³¹ Гамильтон А. Афганистан. С-Петербург, 1908, с. 307.

роль в обществе, становились организаторами сопротивления иностранному вмешательству или «безбожной» политике руководства страны.

Эту особую роль религии и духовенства в Афганистане отмечал, в частности, уже упомянутый А. Гамильтон, пришедший на основании своих наблюдений к выводу, что ислам и муллы – это «...единственный очаг, откуда могут подняться мятежные элементы»³².

Добавим, что если правом издания *фетвы* (религиозного установления) о *джихаде* (священной войне) обладали высшие улемы (по некоторым канонам, этим правом обладал лишь правоверный правитель, олицетворение «исламского государства»), то реализацией ее на деле выступали простые муллы. Так, сигнал к оппозиционным действиям против правительства НДПА поступил от духовных лидеров. По одним данным, фетву о начале джихада издал 26 января 1979 г. один из видных членов суфийского ордена кадирийя Гүльджан из Тагаба, а по другим, фетву выпустил сам глава ордена С.А. Гилани, или С. Моджаддиди – пир другого крупнейшего ордена накшбандийя³³. Но, поднимая массы на борьбу с собственным «безбожным» правительством или против иностранной интервенции, высшим духовным лицам не надо было долго искать исполнителей их призывов. Под рукой всегда была хорошо организованная и дисциплинированная масса выпускников и семинаристов религиозных школ, которые и составляли ядро сил сопротивления тем, кого религиозные лидеры, превращаясь «по совместительству» в политических, считали «врагами ислама».

Но вернемся к талибам. Как правило, учениками религиозных школ становились дети лиц, принадлежавших к низшему звену духовного сословия или выходцы из бедных семейств, для которых учеба в медресе была не только единственной возможностью получить образование, но и прокормиться. Обычно в школу поступали дети 8–10 лет, срок обучения длился 10–12 лет, так что к концу обучения это были юноши 18–20 лет и даже старше. Заметим, что в медресе могли учиться и девочки, но обучение было отдельным. По достижении ими 9–10 лет они переходили под опеку жены гла-

---

³² Там же, с.238, с. 115.

³³ Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan. L., 1995, с. 280.

вы медресе – *биатун* (госпожи), которая занималась их дальнейшим воспитанием³⁴.

Религиозные школы, где обучались тысячи молодых людей, всегда представляли собой опору мусульманского духовенства, источник силы, которую они зачастую использовали для достижения своих корпоративных целей. Всякий раз, когда власть угрожала экономическим основам существования высшего духовенства, оно поднималось на борьбу, мобилизуя своих последователей против тех, кто хотел нарушить установленный веками уклад жизни. Так было и в период правления Амануллы-хана, так случилось и с приходом к власти НДПА, которая, начав земельную реформу, подорвала экономическую базу племенных вождей и руководителей кланов (ханов, маликов), а также крупных землевладельцев и зажиточных крестьян, и тем самым лишила традиционных источников существования мечети и медресе.

Не удивительно, что с началом гражданской войны в Афганистане медресе (школы и семинарии) стали основным поставщиком бойцов для джихада против «коммунистического» кабульского режима. Впоследствии религиозные школы как в Афганистане, так и на территории Пакистана, в том числе и особенно часто в лагерях для афганских беженцев, стали основным резервом для формирования движения Талибан.

Недаром в начале 1997 г. газета «Шариат» – главный печатный орган ИЭА подчеркивала, что талибское движение «зародилось в просвещенной атмосфере мечети, медресе и ханаки»³⁵.

Многие медресе, действовавшие в Афганистане, были хорошо известны далеко за его пределами. В числе таких учебных заведений можно назвать «Дар уль-улуме арабийя», «Мадрасайи Абу-Ханифа», медресе при мечетях «Пули Хишти» и «Шахи ду шамшира» в Кабуле. Следует также упомянуть крупнейшие такие крупнейшие религиозные заведения, как «Дар уль-мадарес» и «Мадрасайи джам'е Шариф» в Герате, «Мадрасайи Асadiyah» в Мазари-Шарифе, «Мадрасайи Мухаммадийя» в Кандагаре, «Наджм уль-мадарес» в Джелалабаде, «Мадрасайи Захир-шахи» в Маймане, «Дар уль-улуми рухани» в Пактии и др.³⁶

³⁴ Подр. см.: Валвалджи А. Взгляд на социальную специфику афганского общества// Азад Афганистан, № 2, июль-сентябрь 1999, с. 62–76.

³⁵ Шариат. 9.01.1997.

³⁶ Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan, p. 187.

Из истории этих медресе известно, что традиционно занятия в них шли по классической программе, включавшей в первую очередь заучивание Корана и молитв; изучение *хадисов* и *тафсиров* (комментариев к Корану); основ мусульманского права (*фикх*) и логики. Кроме того, большое внимание уделялось изучению арабского языка, а также заучиванию стихов Саади, Хафиза, Биделя и других персоязычных поэтов. По свидетельству А.Валвалджи, автора статьи «Взгляд на социальную специфику афганского общества», в медресе в пуштунских районах в спокойные времена короля Мухаммада Захир-шаха (1933–1973) обязательным было также изучение творчества классика пуштунской литературы Рахман-Баба и таких произведений, как «Рашид уль-байан», «Сейф уль-молук», «Юсуф-о-Зулейха» и др. В районах компактного проживания узбеков и туркмен изучалась, помимо этого, еще и поэзия Навои и Физули³⁷. Для получения высшего религиозного образования афганские выпускники медресе обычно отправлялись за рубеж, так что система религиозного воспитания испытала на себе влияние различных школ ислама.

Самым известным среди населения Афганистана центром религиозного обучения была знаменитая духовная семинария «Дар уль-улум Деобанд», Основанная в 1867 г. в местечке Деобанд в колониальной Индии, она положила начало религиозному направлению деобанди. Приверженцы этого направления (школы) в Пакистане имеют свою парламентско-политическую партию Джамиат-е улама-е ислам (ДУИ, Сообщество исламских богословов). Созданная в 1948 г. партия ДУИ традиционно имела опору и пользовалась электоральной поддержкой среди пуштунов пакистанского Северо-Запада. Считается, то улемы-деобанди оказали самое сильное влияние на формирование религиозных взглядов талибов, в первую очередь руководящего звена движения Талибан. Например, в уже цитированной брошюре «Талибан: из медресе к власти», утверждалось, что талибы – правоверные сунниты (ахле *соннат ва джамаат*, т.е. люди сунны и согласия), являющиеся приверженцами деобандской школы, в основе учения которой лежит признание «четырех доказательств», или «четырех наставников»³⁸, то есть принцип признания равенства и законности всех четырех канонических суннитских *мазхабов* (религиозно-правовых до-

---

³⁷ Азад Афганистан. № 2, июль-сентябрь 1999, с. 62–63.

³⁸ Талибан: из медресе к власти. с. 16.

ктрин) шариата – ханифитского (ханафитского), маликитского, шафиитского и ханбалитского³⁹.

Современная американская исследовательница деобандской школы Б. Д. Меткаф подтверждает, что суннитские улемы-деобанди в одинаковой степени признавали равенство и законность всех четырех суннитских мазхабов и, будучи ханифитами, были приверженцами идеологии установления общих норм и всего исламского кодекса шариата⁴⁰.

Однако, на наш взгляд, попытка проталибских пропагандистов представить их в качестве правоверных мусульман, признающих все четыре юридических толкования суннизма, преследовала совершенно определенные цели: во-первых, доказать, что они не религиозные радикалы, наподобие членов распространенной в XIX в. в Индии фундаменталистской организации Тарика-и Мухаммадия (Путь Мухаммада), не признававших ни одного из четырех суннитских мазхабов⁴¹, а во-вторых, убедить, в первую очередь пуштунское население, что талибы – это «славные продолжатели» религиозных взглядов и традиций «настоящих» пуштунов, таких как знаменитый пуштунский поэт и военачальник XVIII в. Хушхаль-хан Хаттак, заявлявший о признании всех четырех мазхабов суннитского толка.

Более того, есть мнение, что талибы «превзошли» в своем радикализме принципы деобандского течения. Так, А. Рашид, подтверждая тот факт, что талибы были тесно духовно связаны с ним и получали от ДУИ финансовую помощь, отмечает, что руководство талибов предало забвению традиционные ценности Деобанда, не зная и не желая знать какие-либо религиозные теоретические тонкости⁴². «В отличие от своих духовных предшественников из Деобанда, отмечала газета «Гиндукуш» – нынешние талибы мало

³⁹ *Мазхабы (фикхи)* названы по именам своих основателей – Абу Ханифа Нумана (699–767), аш-Шафии 767–820), Малики ибн Анаса (716–795) и Ахмада ибн Ханбалия (780–855) Ислам. Краткий справочник. М., 1983, с. 111; The Concise Encyclopedia of Islam. L., 1989, p. 250.

⁴⁰ *Metcalf B.D. Islamic Revival in British India: Deoband, 1860–1900.* p.20. См. также *Olesen A. Islam and Politics in Afghanistan.* p. 59 (прим.20) и *Binder L. Religion and Politics in Pakistan.* Berkeley and Los Angeles, 1963, с. 32–33.

⁴¹ Основатель и идеолог организации Саед Ахмад Барелви проповедовал эгалитаристские идеи раннего ислама, опираясь на традиции суфийских орденов //Энциклопедия Пакистана. М., 1998, с. 111.

⁴² *Rashid A. Pakistan and the Taliban,* p. 75.

знакомы с исламом, историей Афганистана и даже с Кораном и шариатом... потому они очень ограниченные и жестокие люди»⁴³.

Разветвленная сеть медресе находившихся под влиянием улемов-деобанди издавна существовала в соседнем Пакистане, который можно в определенной степени считать «колыбелью» афганских талибов. Религиозно-политическая организация деобандцев вышеупомянутая ДУИ в 1980-х годах после смерти бесспорного ее лидера Муфти Махмуда разделилась на две организации (фракции). Одну из них возглавил сын М. Махмуда Фазлур Рахман, другую – Сами уль-Хак. Оба они носили традиционные для религиозных кругов Пакистана почетные титулы *маулана* («наш господин»; тот же титул носили и некоторые афганские богословы). ДУИ Ф. Рахмана сосредоточилась преимущественно на парламентско-политической борьбе. Фракция С. уль-Хака объединяла в основном улемов, занятых воспитательной, просветительской и пропагандистской деятельностью. Маулана С. уль-Хак стоял во главе наиболее крупной и известной духовной семинарии, действовавшей на территории «полосы племен» (ТПФУ) «Дар уль-уламе Хакканийя». Расположенная в местечке Акорахаттак (в районе традиционного обитания известного своим историческим прошлым пуштунского племени хаттак) и названная в честь основателя, отца Сами уль-Хака Абд уль-Хака, семинария широко известна как место обучения почти всех руководителей афганского движения Талибан.

Впрочем, не только эта семинария, но и другие, такие как «Джаме Ашрафийя», по существу стали «альма-матер» не только для талибов, но и для их предшественников из числа муджахедов времен борьбы с «безбожным» Кабулом. Так, семинарию в Акорахаттаке заканчивали лидер Исламской партии Афганистан (ИПА) маулави Юнус Халес (она откололась от другой партии с тем же местным названием Хезб-е ислами Афганистан, которую с момента основания в 1970-х годах возглавлял Гульбедин Хекматъяр) и один из наиболее известных полевых командиров, принадлежавших в годы «джихада» к ИПА Ю. Халеса Джалалуддин Хаккани (о нем подр. см. Гл 5).

Нет ничего удивительного в том, что, захватив Кабул, потом и большую часть Афганистана, талибские власти испытывали особое отношение к «Дар ул-уламе Хакканийя» и другим деобандским

⁴³ Гиндукуш. 27.11.1999.

школам «полосы племен». В 1998 г. и.о. министра информации и культуры ИЭА маулана А.Муттаки во главе делегации талибов специально выезжал в Пакистан для участия в торжественной церемонии «дастарбанди» («повязывание чалмы») по случаю очередного выпуска студентов.

Следует подчеркнуть, что с началом гражданской войны в Афганистане в 1978–79 гг. и начавшимся массовым исходом афганцев в Пакистан, в дополнение к уже действовавшим медресе в пакистанском пуштунском поясе стали создаваться так называемые «афганские медресе». Эти медресе были чаще всего начального типа и располагались, как выше упоминалось, в лагерях для беженцев, содержащихся, как правило, за счет бюджета ООН и международных благотворительных организаций. Характерно, что средства на содержание беженцев, способствуя выполнению благородной миссии, одновременно создавали условия для воспитания талибов-джихадистов.

Отметим еще одну любопытную деталь. По утверждению анонимного автора брошюры «Талибан: из медресе к власти», студенты «пакистанских» медресе в отличие от учеников «афганских» медресе, помимо обязательных религиозных знаний и военной подготовки, получали определенные сведения из области социально-экономических и политических наук, и изучали английский язык, что впоследствии, по утверждению автора указанной выше брошюры, позволило им занять руководящие посты в администрации Исламского Эмирата Афганистан, поскольку их «образовательный уровень был выше, чем у их коллег из афганских медресе»⁴⁴. Такое наблюдение видимо, в полной мере соответствует действительному положению дел. Так называемые «афганские медресе», как правило, были учебными заведениями начального цикла, в то время как «пакистанские» – как начального, так и более продвинутого вида, соответствующего уровню среднего и отчасти даже высшего образования.

По сведениям из разных источников, в середине и конце 1990-х годов на территории Пакистана действовало огромное число медресе, контролировавшихся различными религиозными силами, хотя большинство их них принадлежало деобандскому направлению. По данным на 1995 г., опубликованным в пакистанском журнале «Ньюслайн», в Пакистане насчитывалось 2500 медресе, в которых

---

⁴⁴ Талибан: из медресе к власти. с. 16–21.

обучалось 225 тыс. учеников (талибов)⁴⁵. Согласно российской «Энциклопедии Пакистана», в 1997 г. в Пакистане действовало 5,5 тыс. медресе, насчитывавших более 200 тыс. обучающихся, в том числе 100 медресе с преподаванием военных дисциплин⁴⁶.

А в 1999 г., в соответствии с данными, опубликованными «Гиндукуш» со ссылкой на пакистанскую газету «Ньюс», только в одной провинции Панджаб действовало 2419 религиозных школ, в основном финансирувавшихся из-за рубежа, из которых 928 медресе (38 %) контролировались улемами-деобанди, 1216 (50 %) находились под эгидой школы барелви (более умеренное течение среди суннитского духовенства, наиболее распространенное в непустунских ареалах Пакистана); 175 медресе (7%) принадлежали улемам-фундаменталистам мировоззренчески близким к саудовским ваххабитам, но не идентичным с ними – это так называемые индо-пакистанские ваххабиты школы *ахле хадис* («людей предания») и примерно 100 медресе (4%) находились в ведении шиитских организаций⁴⁷.

Впрочем, анализируя источники формирования мировоззрения талибов, следует еще раз подчеркнуть, что наиболее сильное влияние на их религиозные и политические взгляды, несомненно, оказала школа деобанди и такая религиозно-политическая организация Пакистана, как Джамиат-е улама-е ислам (ДУИ) Не случайно, эмигрантская газета «Афган миллат» называла её в числе верных друзей и союзников талибов и считала наиболее влиятельной среди них партией. Она, впрочем, в числе других сил, оказавших существенное влияние на умонастроение талибов, называла и другую пакистанскую организацию, Джамаат-е ислами (ДИ, Исламское общество), которую в отличие от ДУИ (партии так называемых «традиционалистов») относят к «фундаменталистским», т.е. призывающим к преобразованиям на базе обращения к фундаменту, к истокам ислама, в соответствии с популярным учением Сайида Абул Ала Маудуди⁴⁸.

⁴⁵ Там же, с. 19.

⁴⁶ Энциклопедия Пакистана, с. 109.

⁴⁷ Гиндукуш. 19.08.1999. См: Милославский Г.М. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран в кн: Ислам и политика. М.,2001, с. 76–85.

⁴⁸ Афган миллат. 25.05.1999. О маулане Сайиде А.А. Маудуди, основанной им партии ДИ, его теории и влиянии, написано много. В отечественных исследованиях об этом см. напр.: О.В.Плешов. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003, с. 40–44; Ислам и политика. М.,2001, с. 231–237.

Таким образом, к моменту возникновения движения Талибан в медресе, действовавших на территории Пакистана, скопилась достаточно большая масса фанатичных молодых людей, готовых принять участие в джихаде против «неверных». Не воспользоваться таким «горючим материалом» было бы непростительной ошибкой, и отцы-основатели этого движения, кто бы они ни были, пакистанская военная разведка [Inter-Service Intelligence, которую правильно называть «разведкой, общей для всех видов войск», или Межвидовой войсковой разведкой (МВР)], либо «истинные муджахеды», типа Ю. Халеса и М. Наби Мухаммади, не преминули использовать этот шанс каждый в своих собственных интересах. Впрочем, и сами по себе будущие руководители талибов имели свои идеалы, цели и интересы, и было бы неверно рассматривать движение лишь как чью-то креатуру.

Как только движение Талибан набрало силу, эмигрантские издания, выступавшие в их поддержку, стали проводить тезис о том, что талибы – это совершенно самостоятельная и независимая сила, ничего общего не имеющая с прежними муджахедами и что если талибы и участвовали в «священной войне» в составе военно-политических группировок, то затем они полностью порвали всякие отношения с ними.

Вопрос о генетических связях движения Талибан с феноменом исторически ему предшествовавшим, который можно условно охарактеризовать как движение муджахедов сохраняет определенное значение. Он позволяет представить себе из каких муджахедских кругов выростала организация талибов, почему она явилась наследницей не всех, а лишь части «борцов за веру», в чем идейно-политические и религиозно-этнические отличия талибского и муджахедского движений, и наконец, каковы перспективы возможного соединения, полного или частичного, двух исламистских «потоков».

Исторически такое соединение уже имело место. Не случайно, в октябре 1996 г., вскоре после того, как талибы захватили Кабул, выбив оттуда отряды, верные сохранявшему свой пост президенту Исламского Государства Афганистан Б. Раббани, лидер талибов мулла Омар в интервью «Исламскому агентству Афганистана» подчеркнул, что талибы с огромным уважением относятся к тем муджахедам, кто внес большой вклад в дело победы над режимом НДПА и не изменил «идеалам джихада». В то же время он, раз-

умеется, предъявил «особые претензии» к таким деятелям муджахедского движения, как Б. Раббани, Г. Хекматъяр, А. Р. Саяф, А. Ш. Масуд⁴⁹.

Вслед за этим заявлением талибская пресса также принялась делить муджахедов на «подлинных» и «фальшивых». Нетрудно было догадаться, что в разряд «псевдомуджахедов» включались все противники талибов, с которыми его вооруженные отряды вели затяжную позиционно-партизанскую войну начиная с осени 1994, причем особенно активно на первом этапе в весенне-осеннюю кампанию 1995 и 1996 гг. Помимо уже упомянутых Б. Раббани, Г. Хекматъяра, А. Р. Саяфа, в список противников и изменников вошли лидеры хазарейцев (А. А. Мазари, М. А. Мохсени) и узбеков (А. Р. Дустом). Ко всем такого рода «муджахедам» талибы демонстрировали самое враждебное отношение.

При этом талибы никогда не критиковали ни Ю. Халеса, ни М. Наби Мухаммади. В печатные органы талибов время от времени просачивались сообщения, лишь подтверждавшие, что разрыв отношений талибов с прежними «братьями по оружию» носил выборочный характер. По иному можно сказать, что среди муджахедов произошел раскол по их отношению к талибам. Еще летом 1995 г., когда сила талибов еще не была известна и они знали как удачи, так и поражения в столкновениях с правительственными войсками ИГА, М. Н. Мухаммади, глава ДИРА, видный деятель бывшей муджахедской «семерки» (альянса семи партий, штаб-квартиры которых находились в Пакистане) опубликовал в кабульской газете приветственную телеграмму своему бывшему полевому командиру, воевавшему в годы джихада против режима НДПА руководителю талибов мулле Омару. В нем он поздравлял Омара с взятием войсками талибов провинций Фарьяб, Бадгис и Сари-Пуль. Эта телеграмма – одно из подтверждений того, что будущий глава талибского режима был непосредственно и тесно связан с одной из военных и партийно-политических группировок муджахедов⁵⁰.

Следует таким образом подчеркнуть, что борьба талибов за преобладание в Афганистане велась против своих бывших союзников из числа муджахедов-исламистов. Причем в едином фронте муджахедов (борцов за веру), имевших во время джихада общие

---

⁴⁹ Тулуйи афган. 30.10.1996.

⁵⁰ Хива. 25.05.1997.

опорные базы в Пакистане, постепенно наметился и со временем углублялся раскол по отношению к талибам. В первый период после их появления, как отмечалось выше, и президент ИГА таджик Б. Раббани, руководитель партии Исламское движение Афганистана (Джамаат-е ислами Афганистан) и узбекский военачальник Абдур Рашид Дустом «включали» талибов в систему противоборствующих сил, имеющих между собой скорее тактические, нежели принципиальные, стратегические разногласия.

Не случайно, в начале 1997 г. лидер ИПА Ю. Халес обратился с призывом ко всем «лидерам муджахедов», старейшинам племен, руководителям шиитской общины, ко всем афганцам, желающим установления в Афганистане исламской формы правления, присоединиться к талибам, а тех, кто этого не сделает, он объявлял сторонниками «безбожников»⁵¹.

Соответственно и руководство талибов с течением времени все откровеннее демонстрировало свои симпатии к Ю. Халесу и М. Н. Мухаммади. Показательно, что когда талибы решили провести в июне 1997 г. очередные переговоры со своими противниками из Северного альянса, то в качестве наиболее доверенных и достойных посредников они выбрали именно Ю. Халеса и М. Н. Мухаммади.

Перед тем как отправиться на переговоры с «северянами», оба этих лидера посетили Кабул, где были с почетом приняты тогдашним премьер-министром муллою М. Раббани и вице-премьером муллою М. Х. Ахундом. Во время пребывания в столице они встречались также с другими высокопоставленными чиновниками, известными улемами, старейшинами племен, полевыми командирами. По сообщениям кабульской прессы, Ю. Халес и М. Н. Мухаммади высоко оценили успехи властей ИЭА и призвали народ еще больше сплотиться вокруг них⁵².

Наконец, в мае 1999 г. власти Исламского Эмирата публично признали, что раньше большинство улемов и талибов в основном входили в две политические партии: ДИРА (Движение исламской революции Афганистана, лидер М. Наби Мухаммади) и ИПА (Исламская партия Афганистана, лидер Юнус Халес) и многие из них в период джихада были полевыми командирами отрядов этих партий.

---

⁵¹ Афганистан. № 14, март 1997, с. 86.

⁵² Кабул таймс. 23.06.1997.

И хотя талибы долгое время официально отрицали свою прямую связь с муджахедами, совершенно очевидно, что руководящее звено движения Талибан по сути дела было «вторым изданием» муджахедов и вышло из рядов их вышеназванных группировок (а отчасти и партии Г.Хекматъяра).

Для подтверждения этого приведем дополнительно несколько примеров, которые помогут понять, кто составлял основу руководства движения Талибан. Маулави А. Х. Муджахед в период «джихада» (так в Афганистане принято до сих пор называть время борьбы с народно-демократическим режимом) возглавлял политотдел ДИРА (на дари – Харакат-е инкилаб-е ислам Афганистан). А. Х. Муджахед получил религиозное образование в деобандском медресе в районе «Нью-Таун» в Карачи, владел английским языком. Талибы хотели бы видеть его на посту постоянного представителя ИЭА в ООН. Маулави А. А. Хаттак, член редколлегии официоза талибов газеты «Шариат», в 1980-е годы был членом редколлегии газеты «Нидайи хакк», издававшейся в Кабуле организацией Худдам аль-фуркан (Служители Корана), которую возглавлял пир суфийского ордена Накшбандийя Ибрагим Моджаддиди (брат Себгатуллы Моджаддиди, одного из наиболее авторитетных лидеров муджахедов, временного президента ИГА в 1992 г.). Маулави Р. Зурмати, один из авторитетных талибских улемов, в годы джихада был главой комитета по информации и культуре в ДИРА.

Вопрос доказательств связей талибов, особенно его руководящего звена, с лидерами муджахедов, имеет принципиальное значения, помогая разобраться в истоках их мировоззрения и понять, какое влияние на талибов оказали их «отцы-командиры».

Нужно заметить, что упоминавшиеся уже не раз руководители муджахедских группировок (танзимов) Г. Хекматъяр, Б. Раббани, А. Р. Саяф, Ю. Халес, М. Н. Мухаммади с конца 1970-х годов начали создавать в лагерях для афганских беженцев (Насербег, Сурхаб и др.) сеть религиозных (медресе) и светских школ (мактаб). Существенно, что в Афганистане для любого религиозного авторитета всегда считалось престижным делом и чуть ли не священным делом иметь собственную богословскую школу и своих последователей-мюридов. Поэтому лидеры муджахедов, особенно имевшие религиозные, часто суфийские титулы (пир, ахунд, маулана, шейх и т. п.) и собственные медресе в Афганистане и претендовавшие на

роль духовных пастырей, не могли пройти мимо огромного числа молодых людей, оказавшихся в лагерях для афганских беженцев.

Разумеется, в ситуации, когда в Афганистане шла «священная» война против «безбожного» режима в Кабуле, каждый из этих религиозных авторитетов, создавая медресе, рассматривал талибов в первую очередь как резерв для пополнения своих боевых отрядов и поэтому стремился воспитать их в духе собственной религиозно-политической идеологии и личной преданности.

К 1988–1989 гг., по данным афганского ученого, члена афганской Академии наук Шабаханга, приведенным в его книге «Возрождение культурных институтов Афганистана», в лагерях для беженцев силами так называемого «переходного правительства» Афганистана, сформированного в Пакистане в 1988 г. представителями семи муджахедских партий⁵³, было создано 1608 медресе и мактабов, где обучалось более 40 тыс. молодых афганцев, причем 1057 учебных заведений действовали в Северо-Западной Пограничной провинции, 349 – в провинции Синд и в районе Исламабада и 202 – в Белуджистане⁵⁴.

По его же сведениям, медресе, созданные лидерами муджахедов, были трех видов: в одних, наряду с обязательными религиозными дисциплинами, изучали современные социально-политические науки, в других изучали только религиозные предметы, в третьих – готовили чтецов Корана⁵⁵. Однако, в условиях, когда в Афганистане шла война, программы обучения талибов, несомненно, приобретали всё более целенаправленный и идеологизированный характер, включали в себя всё больше элементов военной подготовки.

При этом талибы этих «афганских медресе» воспитывались, проходили индоктринизацию в соответствии с направлением, которому следовал организатор той или иной сети религиозных учреждений. Так, учащиеся медресе, патроном которых был один из создателей первой в Афганистане исламской фундаменталистской организации Мусульманская молодежь Г. Хекматьяр, впоследствии лидер ИПА (Хезбе Ислами), близкий по взглядам к египет-

---

⁵³ См. об этом, в частности: В.Н.Спольников. Афганистан: исламская контрреволюция, с. 73–96.

⁵⁴ Шабаханг. Возрождение культурных институтов Афганистана (Баззасийи нехадхайи фархангийи Афганистан). Пешавар, 1995, с. 36.

⁵⁵ Там же, с. 35.

ским (и в целом арабским) Братьям-мусульманам, находились под влиянием идеологии последних.

Похожее мировоззрение формировалось у талибов религиозных школ, основанных Ю. Халесом. Он был первым переводчиком на пушту работ известного своим радикализмом египтянина Сайида Кутба и одним из основателей фундаменталистской группировки Тавабин (Последователи). Труды С. Кутба, казненного в 1966 г., превратили его после смерти во влиятельного апологета наиболее воинствующего исламизма⁵⁶. И, как уже отмечалось, многие талибы оказались связаны именно с этим крайним направлением джихадизма через сеть медресе Ю. Халеса.

Талибы, воспитывавшиеся в школах, созданных главным образом в пакистанском Белуджистане М. Н. Мухаммади (мюридом, т.е. последователем пира И. Моджаддиди и близким другом главы пакистанской ДУИ М. Махмуда) придерживались, очевидно, более умеренных взглядов, связанных с наследием как суфизма, так и деобандской школы.

В школах, основанных в Пакистане лидером Исламского союза освобождения Афганистана (Иттефак-е ислами бара-йе азад-е Афганистан) Абдур Расулом Саяфом, выпускником каирского университета «Аль-Азхар» и приверженцем течения ваххабитов, талибы, несомненно, должны были находиться под влиянием этого направления, официального в Саудовской Аравии. Улемы оттуда были весьма активны и старались придать деобандскому направлению в исламе более строгий и радикальный ваххабитский оттенок⁵⁷.

Существует немало доказательств того, что саудовцы не жалели средств, чтобы приобщить талибов к идеям ваххабизма. Сошлемся на слова известного французского специалиста по Афганистану и исламскому радикализму О. Руа: «В лагерях и городах тысячи молодых афганцев получают образование в Пакистане по программам, спонсируемым Западом, или в ваххабитских медресе»⁵⁸. Интересно, что, как отмечала газета «Гиндукуш», даже в ряде медресе, действовавших под эгидой деобандской школы, преподаватели-улемы, весьма слабо разбиравшиеся в ее учении, в конце концов,

---

⁵⁶ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004, с. 30–32.

⁵⁷ Пайами зан. № 44, сентябрь 1996, с. 22.

⁵⁸ Roy O. The New Political Elite of Afghanistan// The Politics of Social Transformation in Afghanistan, Iran and Pakistan. Syracuse, 1994, p.94.

по незнанию и под влиянием щедрого финансирования со стороны Саудовской Аравии, стали приобщать своих учеников к идеологии ваххабизма⁵⁹.

Более того, к 1985 г., с помощью некоторых лидеров муджахедов в Пешаваре, помимо религиозных школ, были основаны три «университета» (т.е. высшие духовные семинарии, *дар уль-улам*), которые были, однако, не столько образовательными учреждениями, сколько политическими центрами, пропагандирующими взгляды соперничавших между собой военно-политических группировок муджахедов⁶⁰.

Как сложилась судьба религиозных школ, созданных лидерами муджахедов, после окончания джихада точно неизвестно. Скорее всего, после свержения режима президента М. Наджибуллы в 1992 г., они столкнулись с финансовыми трудностями ввиду общего сокращения интереса к Афганистану на Западе и в арабском мире. Не исключено, что их деятельность заметно уменьшилась либо вовсе прекратилась. Так, по некоторым сведениям, упомянутые выше «университеты» переместились из пакистанского Пешавара в афганский город Джелалабад. Попытки некоторых религиозных школ перейти на платное обучение провалились, так как афганские беженцы, оставшиеся в Пакистане, в большинстве не располагали средствами, чтобы оплачивать учебу своих детей⁶¹.

В конце концов, видимо, все «афганские» медресе постигла участь школ М. Н. Мухаммади. Они очень скоро попали под влияние «пакистанских» медресе, а те в основном, как уже отмечалось, опирались на традиции деобандской школы. И не случайно, именно деобандская традиция стала господствующей для талибов-наследников и одновременно соперников муджахедов.

Что касается религиозных школ на территории Пакистана и в его северо-западных регионах, то они в 1990-е годы продолжали быстро размножаться. В 2001 г., по информации журнала «Ньюслайн», ссылающегося на данные министерства внутренних дел Пакистана, в стране функционировало 20 тыс. медресе (3 млн. учеников), из которых 6 тыс. (700 тыс. талибов) принадлежали улемам-деобанди и их политической организации ДУИ. Большая часть медресе Северо-Запада контролировалась богословами,

⁵⁹ Гиндукуш. 27.11.1999.

⁶⁰ Шабаханг. ук.соч., с.37.

⁶¹ Там же, с.43–44.

следующими традициям Деобанда, а они включали нетерпимость к ересям в лоне ислама, в частности, к шиизму, к отклонениям от догм раннего ислама в понимании приверженцев учения. Именно из этих школ, по словам журнала, «выходили наиболее воинственные кадры талибов»⁶².

История появления на афганской политической сцене вооруженных отрядов движения Талибан и их борьбы за власть с правительством провозглашенного в апреле 1992 г. Исламского Государства Афганистан и другими силами, принадлежавшими к лагерю муджахедов, в достаточной степени освещена в отечественной⁶³ и зарубежной⁶⁴ научной литературе. Выше мы уже также касались некоторых эпизодов этой борьбы. Затронем другие выше не освещавшиеся темы и моменты, прежде всего внешние факторы талибо-муджахедского противостояния.

К лету 1994 г., времени первых известий о появлении движения Талибан, обстановка в Афганистане оставалась крайне нестабильной. Режим муджахедов, существовавший к тому времени два года не сумел установить мир и спокойствие в стране. Продолжались боевые действия между различными группировками муджахедов, боровшимися за передел власти, страна фактически оказалась расколотой, фрагментированной на ряд больших и малых автономных и полуавтономных регионов. С победой над «коммунистами» Афганистан вступил в фазу «псевдофеодальной» раздробленности.

Углублявшиеся разногласия в стане муджахедов привели к тому, в декабре 1992 г., второй президент ИГА глава Исламского общества Афганистана (Джамаат-и ислами Афганистан) Бурхануддин Раббани, нарушив договоренности о сменяемости президента раз в полгода, отказался уйти в отставку. Это усугубило раскол в стане муджахедов. Часть группировок, в основном по большей части непештунских, поддержала Б. Раббани, который утверждал, что его

---

⁶² Newsline. №5. November, 2001, p. 42–43.

⁶³ В первую очередь следует указать сборники: Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996; Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998; Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, вышедшие под редакцией А.Д. Давыдова.

⁶⁴ См. сборник на языке пушту: Афганистан — Талибан и мировая политика (*Афганистан — Талибан ва саясатхайе джахани*) и другие газетные и журнальные публикации на пушту и дари, используемые в данной книге. Из работ иностранных неафганских авторов упомянем вновь книгу *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban* под редакцией австралийца У. Малей, а также работы А.Рашида, Б.Рубина, Т.Барфильда, К Дэвиса и др.

уход в отставку вызовет полную анархию. Часть других муджахедских танзимов, состоявших главным образом из пуштунов, отказала ему в доверии.

Выход из тупика надеялись найти власти Пакистана, где до того, еще в 1988 г., образовалось временное правительство муджахедов в изгнании (кабинет «пешаварской семерки»)⁶⁵. В марте 1993 г. в том же Пешаваре было заключено соглашение между основными группировками исламистов. Пост президента был оставлен за таджиком-исламистом Б. Раббани, а должность премьер-министра была предоставлена лидеру Хезб-е ислами Г. Хекматъяру. Однако войска премьер-министра не смогли войти в Кабул. Между ними и частями министра обороны коалиционного правительства муджахедов сторонника Б. Раббани «льва Панджшера» А. Ш. Масуда начались бои. Парадоксально, но именно в период борьбы за власть между президентом и премьер-министром одного государства его столичный город подвергся самому беспощадному разрушению⁶⁶.

Такая ситуация, понятно, не устраивала главных спонсоров муджахедов – Пакистан, Саудовскую Аравию и США, которые в течение более десяти лет оказывали им мощную морально-политическую и военно-финансовую помощь в борьбе против режима НДПА и поддерживавшего его советского воинского контингента и поэтому рассчитывали с приходом к власти муджахедов на стабилизацию обстановки в стране. За этим должны были бы последовать политические и экономические дивиденды, укрепление в частности своего влияния в стратегически важной стране, имеющей широкий выход на оставшуюся вне советской геополитической системы Центральную Азию.

Особое недовольство внешних спонсоров, в первую очередь Пакистана, вызывало то обстоятельство, что в ходе развернувшейся междоусобной борьбы правительство Б. Раббани и силы, концентрировавшиеся на севере страны, все больше склонялось к сотрудничеству с государствами, которых «тройственный союз спонсоров» считал своими соперниками в регионе. Подобное развитие событий никак не вписывалось в планы пакистанских властей, которые, по свидетельству А. Рашида, пришли к выводу, что «...

---

⁶⁵ Сикоев Р.Р. Талибы (религиозно-политический портрет). М., 2002, с. 84.

⁶⁶ Подр. см. Rubin B.R. The Fragmentation of Afghanistan. New Haven and London, 1995.

президент Раббани в своем сближении с противниками Пакистана – Россией, Ираном, Индией – перешел все границы»⁶⁷.

Потому-то Исламабад а также Эр-Рияд, т.е. Королевство Саудовской Аравии (КСА), явно симпатизировали Хекматъяру, делая вид, однако, что готовы добиться примирения и с Б. Раббани как с представителем близких в идейно-политическом и религиозно-мировоззренческих сил. Пакистан реально поддерживал Хекматъяра, щедро финансируя его борьбу с «проиранским таджикским правительством» Б. Раббани. Как отмечает австралийский политолог А. Сейкал, «Хекматъяр был взлелеян и поддержан пакистанской Межвидовой войсковой разведкой в надежде на то, что после падения коммунистического режима он придет к власти и обеспечит стратегические интересы Пакистана в регионе»⁶⁸. Однако ставка на Г. Хекматъяра не оправдалась. Его отряды, надолго увязнув в бесконечных стычках с правительственными войсками, так и не смогли взять Кабул, а сам он заслужил ненависть жителей Кабула за ракетные обстрелы столицы. Для Исламабада, как полагал А. Рашид, «к 1994 г. стало совершенно ясно, что Хекматъяр не в силах не только захватить Кабул, но даже не способен объединить и поднять пуштунов против господствующего режима таджиков»⁶⁹.

Это разочарование в Хекматъяре, скорее всего, разделяли и США. Именно поэтому они приветствовали появление новой силы в лице талибов. По мнению американского эксперта Р. Маккензи, Вашингтон рассчитывал на то, что талибы поставят заслон попыткам России и Ирана укрепить свое влияние в Афганистане. Кроме того, США и его союзники по НАТО рассчитывали, что движению Талибан удастся покончить с охватившей Афганистан анархией и междоусобицей, Запад, как выяснилось впоследствии, наивно полагал, что талибы ликвидируют лагеря для подготовки исламских террористов, покончат с наркобизнесом и создадут условия для возвращения во власть бывшего короля М. Захир-шаха. Американская администрация никогда не сбрасывала его со счетов. Наконец, все это должно было открыться для Пакистана, тогдашнего верного союзника США, путь в Центральную Азию⁷⁰.

---

⁶⁷ Афганистан – Талибан и мировая политика, с. 131.

⁶⁸ Там же, с. 49.

⁶⁹ Там же, с. 113.

⁷⁰ Там же, с. 145.

Кроме того, к середине 1990-х годов у США появился и некоторый экономический и связанный с этим геополитический интерес к ситуации в регионе. Речь идет о зародившемся проекте американской корпорации Юнокал («Объединенной нефтяной компании Калифорнии») по транспортировке нефти и природного газа из Туркмении через Афганистан в Пакистан. В проекте предполагалось участие саудовской компании Дельта, а на незначительных партнерских ролях и других международных компаний, в том числе российского Газпрома. Несмотря на последний момент, едва ли не главной целью проекта была транспортировка ценного углеводородного сырья в обход России и Ирана. Первоначально надежды выиграть тендер на строительство трубопроводов имел и другой международный концерн во главе с аргентинской компанией Бридас (с участием опять же американской Шеврон), однако всем этим планам не суждено было сбыться из-за политической ситуации в Афганистане.

Подчеркнем также, что Саудовская Аравия, связывавшая определенные политические и экономические ожидания с приходом к власти в Афганистане тех муджахедов, которым она помогала, не могла допустить к тому же усиления влияния Ирана в этой стране. Напомним, что Саудовское Королевство до Исламской революции в Иране в 1978–79 гг. занимало неофициально место религиозного и геополитического лидера в исламском мире. В ее городе, Джидде, располагалась штаб-квартира самой крупной и влиятельной ассоциации мусульманских государств. То была возникшая в 1969 г. Организация Исламской конференции (в 2011 г. переименована в Организацию исламской солидарности). Приход к власти в Иране шиитского духовенства, выступавшего с лозунгами «экспорта исламской революции», создания «всемирной исламской общины под эгидой Ирана» заставил Саудовскую Аравию почувствовать явную угрозу своим позициям в радикализирующемся мусульманском мире. Отношения между двумя странами особенно обострились после скандала, вызванного действиями иранских паломников в Мекке в 1982 г., когда саудовские власти были вынуждены выслать из страны их руководителя М. Хоэниха. В ответ на это иранское руководство обвинило правящую королевскую династию в «сговоре со сверхдержавами и Израилем» и поставило вопрос о

передаче мусульманских святых мест под контроль выборного международного исламского центра⁷¹.

Поэтому, когда Исламабад решил поддержать альтернативную муджахедам силу, которая могла бы противостоять укреплению позиций Ирана в Афганистане, Саудовская Аравия с готовностью поддержала Пакистан. Она рассчитывала, что победа талибов не только поможет осуществлению вышеупомянутого трубопроводного проекта, но и изолирует Иран, резко уменьшив его роль в мусульманском ареале.

Безусловно всё же, что более других в успехе новой силы в Афганистане был заинтересован Пакистан. Исламабад с начала гражданской войны в соседней стране, к тому времени уже более 15 лет, принимал прямое, хотя и по возможности не афишируемое участие в ее делах. За поддержку муджахедов, предоставление своей территории миллионам беженцев, строительство там лагерей для них Исламабад получал немалую материальную компенсацию, по разным оценкам составившую за 1980-е годы 4–6 млрд. долл., а по ряду оценок, – в общей сложности 12 млрд. долл. Но и потери Пакистан как государство и общество нес тоже большие. Исламабад рассчитывал в случае победы муджахедов привести к власти в Кабуле угодное ему правительство, которое бы содействовало решению застарелых проблем Пуштунистана и «линии Дюранда» – источника постоянной напряженности в отношениях между соседними государствами с момента возникновения Пакистана в 1947 г. Они не раз приводили к возникновению конфликтных ситуаций (кризис 1955 г., чуть не приведший к войне; разрыв дипломатических отношений в 1961–1963 гг.)⁷².

Напомним, что «проблема Пуштунистана» досталась Пакистану в наследство от Британской Индии как результат подписания договора о границе между британскими владениями в Индии и Афганистаном от 12 ноября 1893 г. Его тогда подписал в Кабуле, находясь под давлением финансовых и политических обстоятельств, эмир Абдурахман, а также секретарь по иностранным делам колониальной английской администрации в Британской

---

⁷¹ Сикоев Р. Хадж как средство «экспорта исламской революции». — Научно-информационный бюллетень «Восток и современность». М., 1984, с. 83–93.

⁷² Подр. см.: Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М., 2003; Паничкин Ю.Н. Эволюция пакистано-афганских отношений (1947–2010 гг.) Рязань, 2014.

Индии М. Дюранд. Пограничная линия, получившая название «линии Дюранда» рассекла надвое территорию расселения пуштунских племен (об этом подробнее см. ниже гл. 5). Ни одно из афганских правительств не признавало «линию Дюранда» в качестве официальной границы с Пакистаном (хотя вплоть до 1930-х годов не оспаривало ее в отношениях с Британской Индией)⁷³. Между тем, признание границы для Исламабада означало бы и решение другой проблемы. Исходя из спорности статуса границы, которую признает в качестве легитимной международное сообщество, но не признает Кабул, последний не отказывается от претензий на вмешательство во внутренние дела Пакистана. Не раз он выступал в качестве защитника интересов пуштунов, проживающих в соседней стране, особенно в высокогорной племенной полосе. Признание границы, как полагали в Исламабаде, решает и пуштунскую проблему – Кабул не станет после этого поддерживать попытки некоторых, правда не слишком влиятельных пуштунских националистов Пакистана на особый статус или даже независимость Пуштунистана.

Афганистан для Пакистана имел большое значение еще по одной совершенно новой причине. Распад СССР в 1991 г. и появление пяти независимых государств в Центральной Азии открыли, казалось, широкие перспективы для ряда региональных государств, не имевших ранее прямого выхода на азиатские республики СССР. Пакистан, испытывавший серьезные экономические трудности, старался не упустить возможности для налаживания торгово-экономических контактов с центральноазиатскими странами.

Можно считать, что в середине 1990-х годов эта цель становилась едва ли не более актуальной для Исламабада, в какой-то мере отодвинув на второй план решение проблем, связанных собственно с Афганистаном. Вопрос для Исламабада состоял в том, как технически решить задачу выхода на рынок Центральной Азии в условиях афганской междоусобицы, иными словами, как обеспечить безопасность транспортных путей через Афганистан, отделявший как буфер Пакистан от государств региона. Вопрос состоял не только в безопасности, но и в стоимости перевозок. Было хорошо известно, что отряды муджахедов различных группировок контролировали

---

⁷³ См. там же и кроме того: Энциклопедия Пакистана, с. 65; *Темирханов Л.* Восточные пуштуны. М., 1987, с.74–83.

отдельные участки шоссейных дорог, проложенных по Афганистану и занимались поборами (вымогательством).

В Исламабаде решили опробовать южную трассу: из Пакистана в Туркмению по маршруту Кветта-Кандагар-Герат-Кушка и попытались использовать новые формирования из числа молодых афганцев-учеников медресе. Идея использования талибов как новой афганской силы под контролем пакистанцев принадлежала, как считается, министру внутренних дел генералу в отставке пушту ну Н. Бабару. Опираясь на поддержку премьер-министра Беназир Бхутто, он, как будто, в обход министерства обороны, армии и МВР снарядил отряд из грузовиков с товарами для переправки в Туркмению. Авантюра отставного генерала не удалась, но показала, что молодые афганцы, в основном, если не исключительно пуштуны, под руководством более опытных командиров могут вступать в бой с отрядами местных вооруженных группировок и встречают понимание и поддержку со стороны населения, уставшего от распрей между муджахедами, мародерства и грабежей.

Отметим, что весной 1994 г. в Исламабаде было заключено новое соглашение между ведущими политическими силами Афганистана – президентом Б. Раббани и премьером Г. Хекматъяром. Однако и это исламабадское соглашение не дало результата. Вооруженные отряды, верные президенту и премьеру, продолжали войну на истощение, главным образом в районе Кабула, оставляя вне своего контроля остальную часть территории. К осени 1994 г. в правящих кругах Пакистана, не без борьбы и сомнений, утвердилось мнение о необходимости отказать в безусловной и преимущественной поддержке Хекматъяру и перенести часть усилий на помощь талибам. Межвидовая войсковая разведка, ключевой игрок на афганском направлении, видимо, была одним из последних ведомств, согласившихся на этот план, ибо поддерживала с Хекматъяром давние связи. Но выбор был сделан и талибы, спонтанно возникшие летом 1994 г, начали действовать, благословляемые Исламабадом, как самостоятельная сила на арене военно-политической схватки в Афганистане.

Характеризуя роль внешних факторов, следует подчеркнуть, что своему «появлению на свет» афганское движение Талибан было во многом обязано тому, что в середине 1990-х годов интересы Пакистана, США и Саудовской Аравии совпали. При этом естественно сложилось определенное «разделение труда» – Пакистан

брал на себя обязанность подготовить боеспособную армию талибов, Саудовская Аравия предоставляла деньги, а США оказывали политическую поддержку⁷⁴.

Что касается внутренних факторов, приведших к успеху движение Талибан, то здесь необходимо вновь коснуться ситуации, сложившейся после апреля 1992 г, когда муджахеды вошли в Кабул и покончили с властью правительства М. Наджибуллы. Его поддерживала в тот момент лишь группа сторонников, состоявшая из бывших «коммунистов–народных демократов» и некоторых либеральных патриотически настроенных деятелей (НДПА к тому времени была переименована в партию Отечества – Ватан). Вслед за падением режима началась, как выше отмечалось, междоусобная борьба, принявшая во многом межэтнический характер и усугубившая расслоение «борцов за веру», т.е. муджахедов, на этнорегиональные фрагменты. При этом естественно произошло разделение на верх и низ. Если некоторые «жирные куски пирога» достались удачливым и обладавшим большей военной силой лидерам ряда танзимов и их окружению, то значительная часть простых бойцов-муджахедов оказалась обделенной. Они не получили ни важных постов в новой администрации Исламского Государства Афганистан, ни земельных наделов, ни городской собственности, ни других источников доходов. Простые муджахеды, среди них будущие талибы, были крайне недовольны тем, что их вчерашние «братья по оружию», в первую очередь лидеры партий-группировок и их сподвижники, заняли высокие государственные посты, поселились в оставшихся от прежнего режима роскошных виллах, стали ездить на шикарных автомашинах и пользоваться телефонами спутниковой связи. В не раз уже цитированной проталибской брошюре «Из медресе к власти» лидеры муджахедов и их ближайшие соратники обвинялись в том, что, придя к власти, они первым делом занялись так называемым «справедливым дележом трофеев», пуская в ход «когти и зубы» и растаскивая национальное достояние по своим вотчинам⁷⁵.

Итак, тем простым муджахедам-талибам, которым «не повезло», не оставалось ничего другого, как отправиться в свои родные дома или в медресе в Кандагаре, Гильменде, Пактии, Забуле, Урузгане и других провинциях юга и востока страны или же возвратиться в лагерь для беженцев в Пакистане, где оставались их родные. По-

---

⁷⁴ Афганистан — Талибан и мировая политика, с.171.

⁷⁵ Талибан: из медресе к власти. с.11–12.

следнее было даже предпочтительнее, так как в лагерях они могли получать гуманитарную помощь.

Из числа таких недовольных «молодых пуштунских львов» вскоре выделилась группа, в которую вошли бывшие полевые командиры среднего и низшего звена, в основном, как уже отмечалось, из танзимов, группировок Ю. Халеса и М. Н. Мухаммади. В состав этой группы входили Мухаммад Омар, Мухаммад Раббани, Мухаммад Гаус, Мухаммад Хасан, Вакиль Ахмад (Мутаваккиль), Баурджан, Нуреддин Тураби, Ихсанулла Ихсан и др. Всего около 30 бойцов. Известно, что какое-то время группировка муллы Мухаммада Омара пыталась найти сильных союзников среди муджахедов и предложить им свои услуги в качестве боевой организации. При этом этнический состав группы не являлся основным фактором при выборе союзников и покровителей. Выше уже упоминалось о первоначально благожелательном отношении к ядру будущего движения Талибан со стороны Б. Раббани. Объясняет такое отношение тот факт, что в начале сентября 1994 г. посланник муллы Омара Мухаммад Раббани с несколькими сопровождающими прибыл в Кабул, где был принят тогдашним президентом ИГА. Президент, видя в талибах союзников в борьбе с Хекматъяром, обещал им всяческую поддержку. Об этом прямо свидетельствуют слова Б. Раббани, сказанные весной 1998 г. в Пешаваре на встрече с членами своей организации Исламское общество Афганистана (ИОА). Б. Раббани рассказал, что «талибы ...обратились ко мне с просьбой о помощи и я выделил им определенные средства из госбюджета. Однако позже они отступили от своих целей и стали орудием иностранцев»⁷⁶. Характерно, что это заявление Раббани сделал, выступая в главном городе пакистанской Северо-Западной пограничной провинции, не стесняясь того, что Пакистан примет упоминание об иностранцах на свой счет и, видимо, полагая, что оно будет отнесено к арабам из Аль-Каиды.

Известно, что первое столкновение талибов с отрядом муджахедов, принадлежавших к Хезб-е-ислами (Исламской партии Афганистана, ИПА) Г. Хекматъяра, произошло 11 или 12 октября 1994 г. в афганском пограничном пункте Спинбулдак. По одной версии, отряд талибов численностью около 200-300 бойцов был перебросен через пакистанско-афганскую границу на пакистанских автобусах из пограничного пункта Чаман в Спинбулдак, а атака талибов

---

⁷⁶ Афганистан. № 14, март 1998, с. 84.

была поддержана артиллерийским огнем пакистанских пограничников. Талибы разбили отряд муджахедов и захватили большой склад вооружений и боеприпасов в военном лагере «Паша», принадлежавшем ИПА⁷⁷. По другим сведениям, которые кажутся нам более правдоподобными, талибы двигались по дороге из Кандагара в сторону Спинбулдака с целью захватить этот стратегический пункт и, разбив силы Хекматьяра, завладеть оружием⁷⁸.

29 октября 1994 г. автоколонна из 30 пакистанских грузовиков, вышедшая из Кветты и направлявшаяся в Туркменистан, была перехвачена в местечке Тахти-Пуль в 35 км от Кандагара полевыми командирами муджахедов. Талибы нанесли им поражение, освободили захваченный караван, взяли в плен командиров и публично казнили их. 2 ноября «джин из Спинбулдака», вырвавшийся на волю, захватил без особого сопротивления древнюю столицу Афганистана – Кандагар.

Существует версия, что талибы просто купили город за 1,5 млн. долл. у командующего силами муджахедов генерала муллы Накибуллы, подчинявшегося президенту Б. Раббани⁷⁹. Даже после сдачи Кандагара президент, все еще надеявшийся использовать талибов в своих целях, направил своим командирам, сообщившим ему о сдаче города, приказ: «Подчиняться Накибулле и сотрудничать с талибами!»⁸⁰.

После взятия Кандагара началось победное шествие талибов прерывавшееся, впрочем, не раз относительными или несомненными неудачами и возвратными маневрами. После захвата Кандагара число талибов возросло до 2–3 тыс. чел., а к началу января 1995 г. к движению присоединилось еще около 12 тыс. талибов из афганских и пакистанских медресе⁸¹. Следующим стратегически важным регионом, которым завладели талибы весной 1995 г., был Запад с главным городом Гератом, находящимся недалеко от границы с Ираном.

При этом без покровительства и прямой помощи Пакистана движение Талибан вряд ли смогло бы одержать верх над соперни-

⁷⁷ Афганистан – Талибан и мировая политика, с.71–72, 75.

⁷⁸ Abbas H. The Taliban Revival. Violence and Extremism on the Pakistan-Afghanistan Frontier. New Haven and London, 2014, p. 143.

⁷⁹ Афганистан – Талибан и мировая политика., с.76.

⁸⁰ Там же, с.77.

⁸¹ Там же, с.76, 123.

ками на первом этапе своего победного марша⁸². Представляется, что только МВР и профессиональные армейские офицеры пакистанской армии могли в короткий срок превратить анархичную массу талибов, готовых довольствоваться локальным успехом в Кандагаре и предпочитавших действовать партизанскими методами, в организованную и боеспособную армию, силу которой признавали даже их противники. Так, хекматъяровская газета «Шахадат», непосредственно после разгрома талибами отрядов ИПА под Чарасиабом в октябре 1995 г., признавала (желая, видимо, оправдать свое поражение), что талибы в тот момент были мощной военной силой, располагавшей достаточным вооружением и обладавшей высоким моральным духом⁸³.

Завладеть Кабулом «сходу» уже осенью 1995 г., или зимой 1995–96 гг. талибам не удалось. Зимой, как это часто бывает в Афганистане в холодное время года, наступило военное затишье, время переговоров, перемирий, собрания и перегруппировки сил. Весной-летом следующего года, оправившись от ряда военных неудач и попыток договориться с отдельными группировками муджахедов, подразделения движения Талибан, получив подкрепление из Пакистана (новые группы учащихся из медресе и присоединившихся к ним волонтеров, в том числе профессиональных пакистанских военных) группировки талибов стали теснить правительственные войска под командованием А. Ш. Масуда не только с юга от Кабула, но и с севера.

Туда они вышли, разбив союзников правительственного тандема Раббани-Масуд из числа узбеков, таджиков и хазарейцев. Продвигаясь к столице, талибы преодолевали сопротивление противостоящих им группировок, действуя как силой, так и убеждением, совмещенным с подкупом. Им подчинялись один за другим крупные провинциальные города центра и севера страны. Осознав, наконец, серьезность угрозы со стороны талибов и разуверившись в Пакистане, летом 1996 г. Г. Хекматъяр перешел на сторону правительства и, войдя в Кабул, занял пост премьер-министра. Однако это не спасло положения. Силы Хекматъяра, состоявшие из пуштунов, растаяли при приближении к ним талибов. Переход его пуштунов на сторону Талибан заставил министра обороны и ко-

---

⁸² Там же, с. 169.

⁸³ Шахадат. 12.10.1995.

ман্দующего правительственными войсками А. Ш. Масуда оставить Кабул и укрыться в долине Панджшера⁸⁴.

27 сентября 1996 г. талибы вступили в Кабул, предав его разграблению и сводя «старые счеты». Не считаясь с нормами международного права, они ворвались на территорию представительства ООН, где с 1992 г. укрывался, будучи не в состоянии покинуть страну, бывший президент М. Наджибулла, зверски убили его и его брата, выставив трупы на всеобщее обозрение.

С захвата Кабула и его окрестностей формально начинается тот период в истории Афганистана, который можно назвать талибским. После ряда успешных наступательных действий талибы на время овладели северными провинциями страны, в том числе и ее главным центром Мазари-Шариф, оплотом сил узбекского генерала А. Р. Дустома. Однако контроль над горным таджикским северо-востоком оставался в руках сохранивших боеспособность сил А. Ш. Масуда. Туда переместился президент ИГА Б. Раббани, не признававший лишения его президентских полномочий.

Фактическая фрагментация страны не была преодолена в течение всех последующих пяти лет (1996–2001), на протяжении которых власть талибов распространялась на большую часть территории Афганистана. Талибы установили в этот период полный контроль над Кабулом, превратив другой крупный город пуштунского ареала Кандагар в свою вторую столицу. Между тем, их военные действия не прекращались. Им противостояла довольно рыхлая коалиция антиталибских сил, за которой постепенно закрепилось название Северный альянс (Альянс известен также как Объединенный фронт, притом, что официальное его название Национальный исламский объединенный фронт спасения Афганистана – Джабха-йе моттахеда-е ислами-йе мелли барайе нежат-е Афганистан).

Особенно тяжелым для талибов был 1997 г. Осенью они были вытеснены с севера, из Мазари-Шарифа, узбекскими войсками. Захватив в плен сотни талибов, узбеки безжалостно казнили пленных. Это помогло создать вокруг талибов ореол мучеников. Их ряды пополнили новые добровольцы из пуштунских районов Афганистана и Пакистана. Денежную помощь талибам оказал вернувшийся в Афганистан после шестилетнего отсутствия Усама бен Ладен (о нем и его роли в судьбе талибов см. ниже) В 1998 г. талибы сумели взять реванш за поражение на севере. Они захватили

---

⁸⁴ Abbas H. The Taliban Revival, p. 145.

Мазари-Шариф и жестоко расправились с противником, главным образом шиитами-хазарейцами. Под их горячую руку попали и ряд иранских дипломатов и журналистов. Иран стянул войска к границам с Афганистаном, но межгосударственный конфликт удалось разрешить. Между тем, талибы продолжали теснить войска своих противников и к 2001 г. установили контроль над почти всей территорией страны. Оставшиеся неподконтрольными их власти 10% приходились на крайний северо-восток – долину Панджшера и горные таджикские земли, где сосредоточились силы А. Ш. Масуда. Талибам так и не удалось сломить их сопротивление, более того, они «нависали» с севера над Кабулом. Летом 2001 г. А. Ш. Масуд вынашивал планы наступления на талибов. Но сработал подковырный ход по уничтожению Масуда. Он был убит в результате теракта 9 сентября 2001 г.

А уже через месяц началась операция войск США и их союзников в Афганистане, завершившаяся быстрым разгромом режима Талибан. Значительную роль в успехе интервенции западных сил, последовавшей в отместку за подготовленный Аль-Каидой с афганской территории террористический акт 11 сентября, сыграла поддержка действий против талибов со стороны Северного альянса.

Таким образом, весь семилетний этап борьбы движения Талибан за преобладание в Афганистане распадается на три отрезка: первый – с осени 1994 до осени 1996 г., второй до осени 1998 г. и третий – до осени 2001 г. В течение первого периода произошло становление талибов и приход их к власти в Кабуле и других крупных центрах страны. Второй этап отмечен осечкой 1997 г. и возвращением инициативы в борьбе с муджахедами в следующем году. Третий период прошел под знаком затяжной войны с тесным противником при ослаблении внутреннего единства и силы режима и усиливающимся кризисом его внутренней политики (об этом см. ниже, гл. 4).

Глава 2. Структура власти в Исламском Эмирате талибов. Особенности религиозно-правовой политики.

Появление талибов в Афганистане вызвало в мировой прессе и в печатных изданиях афганской диаспоры немало суждений и прогнозов относительно их роли в конфликте, конечных целей и планов на будущее. Одни авторы утверждали, что талибы не являются самостоятельной политической силой, а лишь военным авангардом, прокладывающим путь к трону бывшему королю М.Захиршаху.

Другие, явно выдавая желаемое за действительное, доказывали, что талибы вообще не претендуют на власть, а их «освободительная миссия» будет завершена, как только они наведут порядок в стране и передадут власть законно избранному правительству.

«С обеспечением единства страны, — говорилось в брошюре «Талибан: из медресе к власти», — и созданием условий для передачи власти через Лойя Джиргу избранному народом правительству дело талибов будет завершено»¹.

Третьи выражали сомнение в профессиональных способностях талибов справиться с управлением государством и настойчиво призывали их передать власть «технократам», находящимся в эмиграции.

Весьма показательна для оценок того времени статья, опубликованная в лондонской «Гардиан» и перепечатанная затем эмигрантской газетой «Гиндукуш», вышедшей, как уже отмечалось, в Москве. В материале под названием «Бесполезная власть молодых мулл над развалинами Кабула», написанном сразу после взятия талибами столицы в сентябре 1996 г., в частности, утверждалось, что молодые бойцы в белых чалмах, в основном выходцы из афганской деревни, возомнившие себя муллами и маулави, вряд ли су-

---

¹ Талибан: из медресе к власти. с.33.

меют управлять такими большими городами как Кабул, не говоря уже обо всей стране»².

За прошедшие после взятия Кабула первые годы многие из упомянутых выше прогнозов не сбылись: талибы не стали орудием возврата бывшего монарха во власть; им удалось захватить большую часть территории Афганистана и объявить о создании нового в истории этой страны государственного образования — Исламского Эмирата.

На начальном этапе своего появления в стране руководство талибов, излагая свою позицию в отношении будущего государственного устройства, предпочитало отделяться общими декларациями о намерении построить в Афганистане «подлинно исламское государство», установить «справедливый исламский строй», «вернуться к временам праведных халифов» и т.д.

Первый реальный шаг по пути формирования своей власти талибы предприняли задолго до занятия ими Кабула. 3 апреля 1996 г. (по другим сведениям, 4 апреля) в Кандагаре, по утверждению талибов, в присутствии 1500 (более 1200) представителей афганского духовенства, лидер талибов мулла Мухаммад Омар Ахунд был провозглашен «повелителем правоверных» — *амир уль-муминин* (титул халифа). В истории Афганистана это был второй случай присвоения такого титула. Впервые афганское духовенство удостоило этим званием в 1834 г. эмира Дост Мухаммад-хана, собиравшегося начать войну с сикхами (государством Ранджит Сингха в Панджабе, завладевшим к тому времени исконной пуштунской областью Пешавар)³.

Провозглашение муллы Омара «повелителем правоверных» сопровождалось торжественным обрядом. Мулла вошел в мечеть, где по преданию хранилась часть одежды пророка Мухаммада и поднявшись на крышу мечети надел ее на себя. Собравшиеся принесли присягу верности⁴.

По утверждению одного из участников кандагарского собрания маулави Ихсануллы, воодушевление присутствующих было настолько велико, что «когда 1,5 тысячи выдающихся духовных

---

² Гиндукуш. 19.12.1996.

³ См. напр.: Энциклопедия Пакистана, с.209.

⁴ The Taliban and the Crisis of Afghanistan. Ed. Crews R.D., Tarzi A. Cambridge (MA), 2009, p.195.

лиц присягали на верность новому амиру, то у них из глаз текли слезы»⁵.

Между тем, о новом «повелителе правоверных», которого про-талибски настроенные деятели в эмиграции стали величать «яркой звездой западных пуштунов» и даже «великим вождем», было известно к тому времени, да и сегодня тоже, очень немного. Мулла Омар крайне редко встречался и встречается с журналистами, да и то с весьма ограниченным кругом, не разрешает себя фотографировать. По утверждению отставного афганского генерала Р. Сафи, издававшего в то время в Лондоне бюллетень на пушту «Ды вулус гаж» («Голос народа»), подобное поведение лидера талибов объяснялось не его «гордыней», а исключительно «скромностью», тем, что это был «настоящий мусульманин, сострадательный и милостивый человек»⁶.

Согласно тем скудным сведениям, которые просочились в афганскую эмигрантскую печать, Мухаммад Омар происходил из кандагарских пуштунов незнатного происхождения. Родился в семье сельского муллы, по одним данным в местечке Панджвайи, недалеко от Кандагара, по другим, в деревушке Сангихисар, где окончил медресе и даже какое-то время был имамом местной мечети. Согласно другой информации, М. Омару не удалось получить полного религиозного образования из-за начавшейся войны с «неверными», поскольку ему пришлось «отложить в сторону книги и взять в руки автомат»⁷.

По одной из версий, в годы «священной войны» он сражался в отрядах лидера Движения исламской революции Афганистана (ДИРА) (см выше) маулави М. Наби Мухаммади, по другой — был командиром отряда муджахедов из Исламской партии Афганистана (ИПА) маулави М. Юнуса Халеса, действовавшего в провинции Урузган. В ходе боев был ранен, лишился одного глаза. Говорили, что именно маулави Ю. Халес, известный религиозный авторитет, оказал наибольшее влияние на формирование мировоззрения будущего лидера талибов.

Если верить воспоминаниям бывшего посла режима Талибан в Пакистане А. С. Зайфа, освобожденного из американской тюрьмы Гуантанамо в 2005 г., решение образовать движение Талибан было

---

⁵ Вафа. 16.04.1996.

⁶ Вафа. 31.12.1995.

⁷ Там же.

принято в мечети близ Кандагара 33 собравшимися богословами во главе с муллой Абдурауфом Ахундом. Это не противоречит вышеприведенным данным о спонтанном выступлении молодых учеников медресе в двух округах провинции Кандагар. Собрание поддержало действия талибов и поставило перед собой ограниченную задачу – очистить дороги от грабителей и положить конец рэкету на созданных муджахедами проверочных пунктах. Мулла Омар был выбран на должность руководителя после долгих консультаций. В то время он преподавал в деревенском медресе, но имел за плечами боевой опыт, которым и воспользовался для атаки во главе группы сподвижников на Спинбулдак⁸.

По информации газеты «Гиндукуш», ссылающейся на лондонскую «Гардиан», лидер талибов в начальные годы их борьбы за власть с муджахедами (да и позднее) почти не выезжал за пределы Кандагара, предпочитая общаться со своими подчиненными по спутниковой связи. Каждое утро он принимал доклады своих представителей по всей стране и давал им указания⁹.

Присвоение «брату-муджахеду» мулле Мухаммад Омару Ахунду титула «амир уль-муминин», который прежде всего ассоциировался с военным управлением, четко обозначило вектор политических амбиций верхушки движения Талибан, направленный на создание в Афганистане военно-теократического режима.

Получив из рук духовенства титул «повелителя правоверных», лидер талибов стал верховным вождем мусульманской общины, по крайней мере, на контролируемой ими территории, и сосредоточил в своих руках всю полноту политической, военной и даже религиозной и судебной власти, хотя формально две последние принадлежали Высшему совету улемов и духовенства, и двум Верховным судьям.

Заметим, что тенденция к концентрации в руках суверена всех ветвей власти была традиционно присуща и прежним афганским правителям. Вот что писал по этому поводу И. М. Рейснер в своей книге «Независимый Афганистан»: «Верховная власть принадлежит эмиру. При Абдур Рахмане и Хабибулле эмиры, как указывалось, приняли титул «царя ислама» и присвоили ряд чисто религиозных функций, обычно осуществляемых в мусульманских суннитских странах наиболее уважаемым богословом *шейх-уль-*

---

⁸ Abbas H. The Taliban Revival, p. 139–140.

⁹ Гиндукуш. 9.01.1997.

исламом. Эмир вместе с тем является верховным главнокомандующим, в качестве судьи он служит не только высшей апелляционной инстанцией, но лично разбирает все дела политической важности... Смертные приговоры могут приводиться в исполнение только с утверждением эмира»¹⁰.

Далее, переходя ко времени правления эмира Амануллы-хана, И. М. Рейснер подчеркивал: «Сам эмир выступает не только в качестве светского государя, но и религиозного главы, духовного владыки — имама» и цитировал строки из первого фирмана Амануллы: «Не с легким сердцем я возлагаю на себя это тяжелое бремя имамата (духовное руководство) и эмирата (светская власть)»¹¹.

Но если при прежних правителях исполнение ими религиозных функций носило скорее формальный характер и, более того, никоим образом не давало повода считать Афганистан теократическим государством, то талибы решили довести дело объединения светской и религиозной власти в руках «повелителя правоверных» до логического завершения.

Начиная с момента его провозглашения «повелителем правоверных» бывший полевой командир муджахедов, бывший провинциальный мулла Омар стал величаться титулом «Его Высокопревосходительство, повелитель правоверных, хаджи, муджахед...» (*али-кадр, амир-аль-муминин, аль-хадж, муджахид...*). Во всех печатных изданиях, выходивших на подконтрольной талибам территории, публиковались сообщения о проходивших по всей стране собраниях полевых командиров, улемов, старейшин племен и простых муджахедов, на которых они единодушно приветствовали избрание муллы Омара «повелителем правоверных» и приносили ему присягу на верность. Заметим, что талибские религиозные авторитеты трактовали присягу не как политический акт, а скорее как добровольно взятую на себя религиозную обязанность каждого истинно верующего подданного.

При этом, одновременно с провозглашением Мухаммада Омара «повелителем правоверных», кандагарское собрание улемов объявило президента Б. Раббани «неспособным» управлять «исламским народом Афганистана»¹². Вполне очевидно, что в ответ тогдашний Верховный суд Исламского Государства Афганистан

---

¹⁰ Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 87.

¹¹ Там же, с. 183.

¹² Замана. 26.06.1997.

объявил джихад талибским улемам (тем самым фактически причислив их к кафирам, неверным), и одновременно подтвердил полномочия президента Б. Раббани как легитимного правителя¹³.

Реакция на избрание муллы Омара «повелителем правоверных» была, понятно, неоднозначной. У противников талибов она вызвала раздражение и недоумение. Глава суфийского ордена Накшбандий и один из видных лидеров муджахедов (первый временный президент ИГА) Себгатулла Моджаддиди заявил, например, следующее: «Избрание кого-то «повелителем правоверных» в нынешнее время выше моего понимания. Присвоение титула «амир уль-муминин» было естественным во времена праведных халифов или позднее. Такой амир являлся повелителем всех мусульман мира, которые присягали ему на верность. Талибы могли объявить своего лидера кем угодно — эмиром или президентом Афганистана, но никак не «повелителем правоверных»¹⁴. Будучи авторитетным богословом-суфием С.Моджаддиди занимал в то время пост председателя так называемого «Координационного совета», выступавшего против талибов. Заявление было им сделано в интервью Би Би Си, напечатанном в газете «Вафа».

Со своей стороны, талибы утверждали, что присвоение титула «повелитель правоверных» — это вполне законный акт. Более того, они заявляли, что были бы совсем не против, чтобы весь мусульманский мир признал их лидера муллу Омара в качестве своего главы (халифа). Соответственно звание *амир ал-муслимин* должно было трактоваться куда как более широко, означая главу всех правоверных мусульман-суннитов. Понимая, что такая ситуация еще далека от реальности, талибы проявляли скромность. Когда муллу Омара спрашивали о том, кого надо считать его «правоверными», он скромно отвечал, что будет рад быть главой тех мусульман, кто признает в нем предводителя¹⁵.

Важнее для тогдашнего момента было то, что пропагандистский аппарат талибов прилагал немало усилий, чтобы внедрить в сознание афганских масс необходимость беспрекословного повиновения «повелителю правоверных» и новым властям. В различного рода лозунгах и призывах, почти ежедневно появлявшихся на первых полосах талибских газет, население призывали повиновать-

---

¹³ Мизан. 15.01.1997.

¹⁴ Вафа. 16.04.1996.

¹⁵ The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 198.

ся начальству, взамен обещая место в раю. Вот один из образцов подобных «пророческих наставлений» (*иршади набави*): «Бойтесь Бога, молитесь пять раз в день, соблюдайте пост, раздавайте милостыню, повинуйтесь своим эмирам и вы попадете в рай».

Спустя шесть месяцев после провозглашения муллы М. Омара «повелителем правоверных», в сентябре 1996 г. талибы овладели столицей Афганистана Кабулом и объявили, что отныне Афганистан будет официально именоваться Исламским Эмиратом Афганистан (ИЭА). Подобный шаг талибов означал, что они создали новую форму государственного устройства, которое можно рассматривать как воплощение идеи теократического государства, где достигается органическое единство между религией и властью, правосудием и мечетью.

Напомним, что о своем намерении создать в Афганистане «подлинно исламское государство» неоднократно заявляли и лидеры муджахедских военно-политических группировок. В своих программных документах они декларировали намерение установить после свержения «безбожного режима коммунистов» исламский строй, где конституцией был бы Коран, а гражданам были бы обеспечены социальная справедливость, равенство перед законом и другие права. Наиболее радикально настроенные предводители муджахедов, такие как Г.Хекматъяр, выступали за создание халифата с выборным главой государства, «вначале в пределах границ одной страны, а затем в рамках мусульманского мира и в конце концов — во всемирном масштабе»¹⁶. Характерно при этом, что реальная угроза оказаться захваченным талибами, которая нависла над Кабулом летом 1996 г., заставила Хекматъяра, как отмечалось выше, примириться с президентом Б. Раббани и А. Ш. Масудом, войти в город и занять пост премьер-министра. Это не спасло, а может быть лишь ухудшило положение, но продемонстрировало явное разочарование друг в друге Хекматъяра и его пакистанских покровителей. Не случайно после взятия Кабула талибами Хекматъяр уехал не в Пакистан, а в Иран.

Хотя, таким образом, муджахеды и талибы добивались по существу одних и тех же целей, но методы их были разными. Талибы были настроены более радикально и решительно. Это отражалось в их установках на создание «чисто исламского государства». «Основы нашего исламского строя известны, — писала их газета

---

¹⁶ Спольников В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987, с. 108.

«Анис», — мы хотим ислам, хотим Коран, исламскую чадру; мы требуем уважения и почтения; мы хотим шариат и хотим видеть Афганистан счастливым, гордым, независимым и процветающим»¹⁷.

Концепция Исламского Эмирата, этого нового государственно-го образования, появившегося, впрочем, почти на два десятилетия позже своего иранского, правда, не правоверного, а шиитского аналога, в трактовке талибской религиозно-политической элиты была чрезвычайно проста и сводилась к следующему. Ислам не указывает какой-то конкретной формы государственного устройства. Единственное, чего требует ислам — это создать такой общественный строй, который бы обеспечил благополучие людей. Поэтому нет никакой необходимости изобретать какие-то новые государственные формы. Существует образец для подражания — «первое исламское государство, созданное в Медине пророком Мухаммадом», в котором он одновременно был и духовным пастырем и главой государства¹⁸.

Что же касалось перспектив создания парламента (*шуро*) и его функций в Исламском Эмирате, то талибское руководство склонялось к тому, чтобы этот орган представительной власти, если он и будет когда-либо сформирован, обладал бы только консультативно-совещательными функциями, а никак не законодательными. Талибские идеологи утверждали, что каждому мусульманину уже ниспосланы божественные указания в виде шариатского свода законов, и его обязанность лишь беспрекословно следовать этим «вечным и неизменным законам Аллаха», а не пытаться изменить их, поскольку «несовершенный человеческий разум не обладает ни правом, ни могуществом изменить их»¹⁹.

Одно время муссировался тезис о том, что в скором времени талибы представят народу новую конституцию, над проектом которой работают улемы из Саудовской Аравии и Пакистана. И действительно, после взятия талибами Кабула к ним приезжала делегация пакистанских улемов-деобанди из Джамиат-е улама-е ислам (ДУИ). Она, как будто, должна была оказать помощь в составлении проекта Основного закона, однако вернулась домой ни с чем.

Никакого проекта Конституции так и не было разработано и обнародовано, а разговоры на эту тему мало-помалу прекратились.

---

¹⁷ Анис. 30.10.1996.

¹⁸ Анис. 17.07.1997.

¹⁹ Анис. 26.05.1998.

Пакистанский журналист Н. Зехра, опубликовавший свои впечатления от поездки в Афганистан весной 2000 г. в газете “Ньюс”, утверждал, что, по мнению талибов, к тому времени уже стоявших во главе страны более четырех лет, «Священный Коран уже является Конституцией Афганистана»²⁰.

А последний министр иностранных дел в правительстве талибов Вакиль Ахмад Мутаваккиль в интервью радио «Пайгами афган» («Послание афганца»), перепечатанном журналом «Аинейи Афганистан», подтвердил, что все организации Исламского Эмирата работают вот уже долгое время согласно законам шариата, ибо «шариат был создан раньше, чем любая конституция»²¹.

Такое отношение талибов к конституции можно считать закономерным. Конституция была не нужна, пока контроль талибов над всей страной не был в полной мере установлен. Проведение выборов в этих условиях не могло входить в планы талибского руководства. К выработке конституции не принуждали талибов и внешние обстоятельства, т.к. режим не был признан широким международным сообществом.

Напомним, к тому же, что главные духовные отцы талибов, улемы-деобанди из пакистанской ДУИ в свое время оказали влияние на выработку принципов, положенных в основу конституции Пакистана, настаивая на том, чтобы эти документы базировались на коранических положениях. Однако они никогда не были в полной мере удовлетворены результатами своих усилий в конституционной области и ставили целью не создание конституции, но правление по шариату.

Так, в 1952 г. комитет по выработке принципов конституции Исламской Республики Пакистан под воздействием ДУИ и других происламских партий и организаций страны выдал первому Учредительному собранию Пакистана следующую рекомендацию: «Ни один законодательный орган не может ввести в действие никакого закона, который бы противоречил Корану и сунне»²².

Итак, если законы были от Бога, то талибам оставалось только создать такой механизм власти, который на основе этих законов проводил бы политику, направленную на удержание власти в

---

²⁰ The News. 14.03.2000.

²¹ Аинейи Афганистан. №84, март 2001, с. 65.

²² South Asian Politics and Religion', Ed. D.E.Smith. Princeton, 1966, p. 40–41.

их руках. Они при этом исходили, прежде всего, из своих военно-стратегических и политико-пропагандистских задач.

Впрочем, политика режима Талибан в конституционно-законодательной сфере, как и во многих других областях, отличалась известной двойственностью, наличием более радикальных и более умеренных подходов. К вопросу о конституции режим еще раз вернулся в 1998 г. В июне того года талибы собрали улемов из различных регионов страны на своего рода конституционную ассамблею. Собравшись в королевском дворце в Кабуле, богословы должны были выработать Основной закон. Обнародованный проект закона провозглашал образование Исламского Эмирата как «свободного, независимого и неделимого», при этом он во многом копировал предшествующие конституции. Ассамблея в Кабуле служила целям мобилизации рядов талибов перед стратегически важным наступлением на север, в тогда еще не захваченную область Мазари-Шариф. Дело с принятием конституции и на этот раз не пошло дальше одного торжественного заседания – с одной стороны, отпала в ней жесткая необходимость, с другой, в связи с успехом похода на север в руководстве талибов усилились более радикальные настроения²³.

(Отметим в скобках, что много позднее, находясь, по сути, в эмиграции, в соседнем Пакистане, руководство талибов вернулось к идее разработки конституции. В апреле 2005 г. оно обнародовало ее вариант, текст которого появился в интернете. В приложении мы приводим этот текст с комментариями).

Важно подчеркнуть, что в возникшем в 1996 г. Исламском Эмирате Афганистана сразу сложились два центра власти. Один из них располагался в древнем Кандагаре, в ставке муллы Омара, «повелителя правоверных». Там действовал Высший руководящий Совет Исламского движения Афганистана, состоявший из шести человек, который возглавлял лично Мухаммад Омар.

Другой центр находился в Кабуле, официальной столице Эмирата. Здесь находился аппарат исполнительной власти и правящей бюрократии. В столице действовал Совет министров, во главе со считавшимся вторым человеком в руководстве движения Талибан муллой Мухаммадом Раббани. Правительство в Кабуле состояло из 23 (позднее – 27) министерств, и официально называлось Исполнительным советом (*шурайе сарпарасту*). В него входили все

---

²³ The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 228–229.

члены кабинета. При этом все они, начиная с «премьер-министра» М. Раббани и двух его заместителей (маулави А.Кадира и муллы М.Х.Ахунда) и кончая заместителями министров, были только «исполняющими обязанности» («*сарпараст*»).

Таким образом, из двух образовавшихся центров власти один, в Кандагаре, имел наибольшее значение. Многие зарубежные, в первую очередь западные, аналитики, журналисты и исследователи процесса пятилетнего пребывания у власти в Афганистане движения Талибан зачастую сетуют на то, что второй центр влияния, в Кабуле, так и не сложился. Предполагалось, что М. Раббани является человеком, с которым вполне можно иметь дело. Наибольшим весом в Кабуле обладали, как будто, те руководители талибов, которых впоследствии стали называть «умеренными талибами» и с которыми на новом этапе, после разгрома талибского режима в 2001 г., и его частичного возрождения к концу 2000-х годов, хотели вести переговоры, чтобы привлечь к управлению страной²⁴.

Основная часть руководства движения Талибан демонстрировала, однако, приверженность кораническому принципу, согласно которому вся власть принадлежит Аллаху, а они, осуществляя его волю и поручение, только временно исполняют свои функции управления Эмиратом. Заметим, что ослаблению влияния умеренных руководителей, ориентированных на управление страной, а не на достижение «всемирных» идеологических целей, содействовала, в числе прочих причин, болезнь, а потом отход от дел и смерть в апреле 2001 г. муллы М. Раббани.

Вынужденные не только воевать, но и заниматься делом управления страной, талибское руководство не могло разрушить полностью существовавший при прежних режимах аппарат управления. Оно лишь привело его в соответствие со своими политическими целями, укрепив верхние этажи системы государственной бюрократии преданными им лицами духовного звания. Насколько известно, талибы на первых порах создали только две совершенно новые структуры — министерство по «поощрению нравственности и искоренению порока» (по арабски — *Амр бе мааруф ва нахи аз мункар*) и министерство по делам погибших и беженцев. Новые расширенные функции были приданы также сыскному учреждению Ихтисаб (о нем см.ниже).

---

²⁴ Об умеренных талибах подр. см: The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 230–233.

Чтобы иметь представление о составе кабинета министров, заседавшего в Кабуле в первое время существования Эмирата, назовем некоторые из министерств и их руководителей:

– министерство иностранных дел возглавлял поначалу мулла Мухаммад Гхаус Ахунд-зада;

– министерство обороны — мулла Обайдулла Ахунд;

– министерство внутренних дел — мулла Хайрулла Хайррах;

– министерство информации и культуры — мулла Амирхан Моттаки;

– министерство юстиции — мулла Нурэддин Тораби;

– министерство общественных работ — мулла Аллахдад Ахунд;

– министерство высшего образования — мулла Абдул Салам Ханефи;

– министерство просвещения — маулави Сайид Гиасуддин Ака.

Итак, даже из простого перечня министров видно, что все ведущие министерства возглавляли лица, относимые к духовному сословию и, хотя в результате частых ротаций многие из них переходили на другую работу, их место занимали те же муллы, маулави, маулавы, кари и ахунды. Лица духовного звания возглавляли также все главные ведомства управления, банки, судебные и правоохранительные органы и т.п. Подчеркивая особую роль духовенства в Исламском Эмирате, столичная газета «Анис» писала: «Мы должны молить Всевышнего, чтобы под руководством духовенства в нашей стране навсегда бы установились мир, безопасность и спокойствие»²⁵.

Тезис о нераздельности религиозной и политической власти не просто декларировался талибами, а реализовывался на практике. Приведем еще несколько примеров подбора кадров и назначения новых лиц в формировавшиеся властные структуры (гражданскую бюрократию) Исламского Эмирата. В декабре 1996 г., вскоре после взятия столицы, одним из указов «повелителя правоверных» на ответственные посты не только в центральном аппарате, но и на местах были назначены многие известные среди талибов улемы и муллы. Так, гератский улем (знаток ислама) Дж. Маулави-зада был определен на должность генерального прокурора г. Герата; *кари* (т.е. чтец) *хазрат* (еще один религиозный титул) Мухаммад назначался на пост начальника управления Ихтисаб (политическая полиция) важнейшей восточной провинции Нангархар с цен-

---

²⁵ Анис. 17.07.1997.

тром в Джелалабаде. Должность начальника управления Ихтисаб провинции Кандагар занял кари Хамид Гуль²⁶.

Характеризуя систему высшей власти, созданную поначалу талибами в пределах их Исламского Эмирата, необходимо подчеркнуть такой весьма характерный, на наш взгляд, признак новой власти. Ключ к пониманию ее сущности содержался в словах маулави Абдушукура Хаккани, министра по делам хаджа и вакфов. Указав, что только в Кабуле действует 250 крупных мечетей и подчеркнув важную роль имамов-хатибов в общественной жизни, министр провозгласил, что «в отсутствии *амир уль-муминина* именно они являются его *халифами* (заместителями)»²⁷.

Таким образом, если исходить из слов маулави А. Хаккани, напрашивался вывод: не премьер-министр и не члены «Высшего руководящего совета» могли замещать «повелителя правоверных» в его отсутствие, а только имамы и улемы, т.е. высшая каста афганского духовенства.

Устами маулави, несколько огрубляя, было сказано главное: верхушка духовенства, которая долго мечтала сочетать господство над умами с господством политическим, наконец-то получила такую возможность и не собирались выпускать ее из рук.

Слова министра можно было бы посчитать случайной метафорой, если бы не неоднократные заявления представителей высшего духовенства об их особой ответственности за судьбы Афганистана. Так, в передовице газеты «Шариат» роль клира, мусульманских клириков в «исламской революции», совершенной талибами, характеризовалась следующим образом: «Сословие мулл и улемов страны всегда несло высокую ответственность за претворение в жизнь принципа «следовать добру и избегать зла» и отвечало за сохранность идеологических и теоретических основ страны»²⁸.

Объявив себя хранителями высших моральных принципов ислама, талибское духовенство сформулировало и свое кредо в отношении методов строительства «чисто исламского государства». «Настоящее исламское государство, — писала столичная газета «Анис», — одними проповедями и пропагандой не построишь, и в борьбе со злом и безнравственностью следует прибегать к силе»²⁹.

---

²⁶ Хивад. 26.12.1996.

²⁷ Шариат. 09.01.1997.

²⁸ Там же.

²⁹ Анис. 26.05.1998.

Следуя этому принципу, талибы проводили политику морального и физического террора, стремясь создать в обществе атмосферу страха и неуверенности.

Все вышесказанное дает основание говорить о том, что в пределах Исламского Эмирата талибы создали тоталитарный военно-теократический режим. Об этом свидетельствуют не только такие формальные атрибуты теократии, как провозглашение подвластной талибам территории Исламским Эмиратом, а его главу — «повелителем правоверных», но и концентрация всей исполнительной и судебной власти в руках духовного сословия, а главное — вся практика насильственного насаждения законов шариата³⁰.

В свое время, на спаде политического влияния ислама в мире, выдающийся российский ученый академик В.В. Бартольд высказал мнение о том, что если теократическая идея и сохранилась на мусульманском Востоке, то «...только как идеал, не имеющий ничего общего с действительной жизнью»³¹. А сам ислам останется «только религией без притязания подчинить себе всю государственную и общественную жизнь»³².

Но после Второй мировой войны наступила иная эпоха, постепенного, а затем и стремительного подъема ислама как системы власти, как правящей цивилизации. Пример Ирана с 1970-х годов, а затем и Афганистана, Пакистана и многих других стран, опроверг прогнозы В.В.Бартольда. Практика талибов и других теократических режимов позволяет сделать вывод, что в нынешнюю эру мусульманское духовенство может осуществлять свой политический идеал, способствуя созданию режима религиозно-политической диктатуры в виде теократического государства.

Действия талибов, как и другие подобные тому явления, подтверждают другое положение В.В. Бартольда, казавшееся не слишком реальным в первой половине XX в., а именно то, что теократическая идея может сохраниться и быть эффективно исполь-

³⁰ Об этой особенности режима талибов, явной клерикализации его бюрократического аппарата писали многие. См. в частности, выводы Р. Крюза, одного из редакторов и авторов упомянутого уже выше содержательного сборника статей: *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*, p. 224. Отметим, кстати, что этот американский специалист, известный своими работами по России в Средней Азии, не прошел мимо отечественных исследований по Афганистану, несколько раз процитировав во введении к книге и своей главе изданные Институтом востоковедения РАН книги *Р. Р. Сикоева*. Талибы. Религиозно-политический портрет. М., 2002 и Афганистан. Справочник (под ред. А. Д. Давыдова). М., 2000.

³¹ Бартольд В.В. Соч. т. VI. М., 1966, с. 316.

³² Там же, с. 137.

зованной «... как орудие политических стремлений»³³. Именно это и происходит в конце XX и начале XXI вв. на территории многих стран Ближнего и Среднего Востока, в частности в Афганистане, где талибы под прикрытием исламских лозунгов пытались и пытаются реализовать свои политические устремления и проекты. Объявив в 1996 г. о создании Исламского Эмирата, они затем заявили о намерении создать «Всемирный исламский халифат», видимо, рассчитывая, что центром его станет Афганистан, а они займут в нем господствующее положение.

От оппонентов талибов часто можно было слышать, что военно-политическое и религиозное руководство движения Талибан настолько невежественно, что даже не разбирается в законах шариата, которые оно столь усердно насаждает. «Они суть экстремисты, — характеризовал их эмигрантский журнал «Пайами зан», — имеющие самое ничтожное представление о шариате, который они навязывают афганскому народу»³⁴. В качестве доказательства невежества талибских улемов журнал, например, ссылаясь на председателя суда провинции Фарах маулави Дуст Мухаммада, якобы заявившего во время проповеди в мечети в день «праздника жертвоприношения» («иди курбан») буквально следующее: «Тот, кто в дни праздника поцелует руку своей теще, обязан развестись с женой»³⁵.

Подобные курьезы оппозиционная талибам пресса тиражировала в большом количестве. Так, «притчей во языцах» стало в эмигрантской среде изречение другого талибского деятеля, бывшего в то время губернатором Герата муллы Яр Мухаммада, будто бы сказавшего, что «согласно Корану даже слышать звук женских шагов уже является грехом»³⁶. Комментируя эти слова гератского губернатора, журнал «Асри барайи адалат» замечал, что мулла-губернатор, видимо «ни разу не удосужился прочитать Коран»³⁷.

Не беремся судить о глубине познаний Корана губернатором Яр Мухаммадом, пуштуном, не знавшим персидский (дари, кабули-фарси). Заметим, однако, что он мог бы в подтверждение своих слов сослаться на суру 24 «Свет» Корана, предписывающей жен-

---

³³ Там же, с. 316.

³⁴ Пайами зан. № 44, сентябрь 1996, с. 22.

³⁵ Там же, с. 59.

³⁶ Асри барайи адалат. 1.04.1997, с. 46.

³⁷ Там же, с. 46.

щинам, как им подобает себя вести: «И пусть не бьют своими ногами так, чтобы узнавали, какие они скрывают украшения»³⁸.

Кстати, патрули талибов из пресловутой «полиции нравов», замечая ножные браслеты, выглядывающие из под чадры, «воспитывали провинившихся» женщин ударами палок или плетью³⁹ (подр. об этом см. ниже, гл. 3).

Обвиняя талибов-пуштунов в религиозном невежестве, их противники исподволь проводили мысль, что именно в силу этого талибы зачастую подменяли законы шариата своими пуштунскими обычаями и вели курс на «пуштунизацию» страны. Эмигрантская газета «Омид», издававшаяся в США, прямо обвинила руководство движения Талибан в том, что оно «под видом ислама насаждает среди жителей Кабула и северных провинций свои племенные обычаи»⁴⁰.

В унисон этой газете журнал «Асри барайи адалат», также осуждал талибов за то, что они заставляли народ Афганистана жить «под властью, основывающейся на племенных обычаях, религиозных и культурных»⁴¹.

Далее будет отмечено, что эти обвинения не совсем верны, ибо талибы, хотя и были в большинстве пуштунами, не являлись, как правило, представителями племенной трайбалистской знати, и не придерживались безоговорочно адата, обычного права мусульман распространенного среди пуштунов и закрепленного в их знаменитом кодексе чести «Пуштунвали».

Для доказательства этого тезиса, обратимся к судебной-правовой практике талибов. В качестве примера ограничимся сравнением наказаний, предусмотренных в *шариате* (официальном исламском правовом кодексе) и в *адате* (обычном мусульманском праве) за следующие проступки: прелюбодеяние, убийство и воровство. Шариатские суды Исламского Эмирата Афганистан за прелюбодеяние однозначно карали виновных побиванием камнями до смерти (*раджм, сангсар*). Подобная кара, равно как избивание плетьюми (100 ударов) — все это наказания, предусмотренные мусульманским правом, т.е. шариатом.

---

³⁸ Коран. Изд. 2-е. М., 1986, с. 291, 31 (31).

³⁹ Гиндукуш. 20.11.1996.

⁴⁰ Омид. 11.10.1997.

⁴¹ Асри барайи адалат. 1.04.1997, с. 46.

В то же время согласно «кодексу чести» пуштунов, обманутый муж также имеет полное право убить любовников и не несет за это уголовной ответственности. Его судьбу решает племенная джирга.

В книге известного пакистанского ученого Акбара С. Ахмеда «Спротивление и управление в Пакистане» на примере пуштунских племен Вазиристана приводятся три типичных варианта вендетты по-пуштунски, связанных с обычаем *тор* (букв. «черный», перен. «обесчещенный, опозоренный»), который Акбар Ахмед считает «универсальной моделью для пуштунов»⁴². Согласно обычаю «тор», племенная джирга присуждает убийцу к выплате денежной компенсации родственникам погибших (40–50 тысяч рупий) и лишь в случае неподчинения решению джирги какой-либо из сторон, вовлеченных в конфликт, джирга может принять решение о сожжении дома лица, признанного виновным и изгнании его из племени⁴³.

При этом пуштун может убить обесчестивших его любовников, используя для этого огнестрельное или холодное оружие. Но он никогда не прибегнет к такой форме мести, как сангсар. Для пуштуна месть — это сугубо личное дело, это его семейная драма, и он не устраивает из этого «мусульманское аутодафе» в виде побивания камнями, в то время как в исламе наказание за прелюбодеяние приобретает характер публичного социально-морального действия.

Таким образом, талибы, вопреки приведенным выше обвинениям некоторых антиталибских эмигрантских изданий, старались формально выступать на стороне шариата, действуя против адата. Как отмечал, например, глубоко знающий эту проблему американец афганского происхождения Н.Нойюми, талибы «на бумаге» придерживались более «либеральных» принципов в отношении женщин при решении вопросов, связанных с конфликтами внутри племен. Они выступали против насильственной выдачи замуж вдовы за соплеменника и выдачи замуж женщины в качестве компенсации за оскорбление, как своего рода племенной выкуп. При этом они апеллировали к исламу, шариату, иногда трактуя его нормы весьма произвольно.

За хищение чужого имущества талибские суды применяли в основном наказание в виде отсечения различных частей рук и ног,

---

⁴² Ahmed A.S. Resistance and Control in Pakistan. L., N.Y., 1991, с.153.

⁴³ Там же, с. 153–155.

в зависимости от стоимости украденного и рецидивов совершения преступления.

Обычное право пуштунов также предусматривает целый ряд наказаний за воровство, но они не столь жестоки, как в исламе. Так, согласно «Пуштунвали», человек, совершивший кражу, обязан вернуть потерпевшему стоимость украденного или выплатить штраф, во много раз превышающий стоимость похищенного. В некоторых пуштунских племенах самым суровым наказанием для вора было разрушение его дома и изгнание из общины.

И, наконец, наказание за убийство. Нормы пуштунского адата, также как шариат, различают умышленное и неумышленное убийство. Так же, как в шариате *кисас*, так в «Пуштунвали» действует принцип талиона (*бадаль* – возмездие). Но если обычное право пуштунов оставляет больше простора для улаживания конфликтных ситуаций мирным путем (выплата компенсации за убийство – *хунбаха* («цена крови»); прощение убийцы ближайшими родственниками погибшего (обычай *нынывата* – изгнание убийцы из племени), то талибы предпочли наиболее жестокий вариант. Несмотря на то, что и шариат предусматривает выплату выкупа за убийство (*дийа*) и помилование убийцы родителями убитого, тем не менее, шариатские суды Исламского Эмирата применяли в отношении убийц принцип «кисас», отправляя их на виселицу или устраивая публичные расстрелы. Так, губернатор Герата Яр Мухаммад осенью 1996 г. объявил, что его администрация приняла решение применять в отношении убийц исключительно «исламский закон кисас»⁴⁴. И это не было спонтанным, а тем более единичным решением гератского губернатора. Оно было отражением официальной позиции властей Исламского Эмирата. Для иллюстрации сказанного приведем цитату из редакционной статьи газеты «Иттифаки ислам», в которой, в частности, говорилось следующее: «Исламский Эмират Афганистан, исходя из неотъемлемых прав подданных этой страны, считает кисас важнейшей основой шариатских мер и применяет его для устрашения убийц и преступников или в целях назидания и поучения других, чтобы предотвратить случаи проявления скверных поступков... Поэтому применение предписанных Аллахом наказаний в виде кисаса счи-

---

⁴⁴ Пайами зан. № 44, сентябрь 1996, с. 64.

тается важнейшей задачей и целью органов Исламского Эмирата Афганистан...»⁴⁵.

Когда талибы только начали практиковать на захваченных ими территориях такие виды казни, как побивание камнями или отсечение рук и ног, эмигрантская газета «Муджахид вулус», находившаяся в то время в оппозиции талибам, нередко помещала репортажи и письма своих читателей из Афганистана. В этих материалах, например, утверждалось, что действия талибов представляют собой «религиозный фашизм», ничего общего не имеющий с подлинным исламом, который «никогда не предусматривал столь жестокой и бесчеловечной казни (речь идет о *сангсаре*) для своих последователей»⁴⁶. Далее, та же газета, осуждая практику ампутации конечностей за воровство, утверждала, что в исламе отсечение руки за воровство — наказание известное, а вот отрубание ног — явление доселе неслыханное!⁴⁷

Действительно, хотя в Коране предусматривалось только отсечение рук («Вору и воровке отсекайте их руки») ⁴⁸, однако в дальнейшем мусульманские правоведы — *факихи* — стали решать этот вопрос в зависимости от обстоятельств и предусматривать и другие наказания. Достаточно обратиться к книге «Китаб-аль-харадж» (VIII век), принадлежащей перу ученика основателя ханифитского толка Абу Ханифа, известного мусульманского богослова и правоведа Абу Юсуфа, в которой содержится детальная разработка правовой системы ханифитского толка суннизма, чтобы убедиться, что в ней содержится целый набор жесточайших наказаний, в том числе и побивание камнями и отсечение конечностей (рук и ног)⁴⁹.

К сказанному хотелось бы добавить следующее. После захвата талибами таких крупных городов, как Кандагар, Герат, Кабул оттуда стали поступать сообщения, которые шокировали большинство афганцев, за долгие годы относительного либерализма при монархическом и республиканском строе (1964–1992) отвыкших от диктатора мулл.

Так, например, сообщалось, что стражи порядка из пресловутой исламской «полиции нравов» (Ихтисаб) стали отлавливать на

---

⁴⁵ Иттифаки ислам. 31.05.1998.

⁴⁶ Муджахид вулус. № 228, август 1996.

⁴⁷ Муджахид вулус. № 210, январь-февраль 1995.

⁴⁸ Коран. Изд. 2-е. М., 1986, с. 106; 42 (38).

⁴⁹ Подробнее см. Хрестоматия по исламу. М., 1994, с. 167–201.

улицах Кабула молодых мужчин и насильно обривать им головы, по другой информации — талибские патрули срывали с молодых людей кожаные куртки как одежду, не отвечающую нормам ислама, и тут же уничтожали их. Женщин, как упоминалось выше, наказывали ударами плетью, если блюстителям исламской нравственности удавалось углядеть из-под полы чадры щиколотку, да еще, не дай бог, украшенную ножным браслетом.

Все эти меры власти определяли как борьбу за *тазирият* (букв. «удержание»). «Никто не имеет права совершать поступки, наказуемые по тазириату», — заявил заместитель начальника кабульского управления Ихтисаб маулави И.Балиг⁵⁰.

Подобный произвол талибов не был чем-то необычным, он вполне укладывался в рамки так называемых «назидательных наказаний», хотя и не указанных в Коране, но широко применявшихся в мусульманской юриспруденции.

Известно, что под эту категорию наказаний попадали такие правонарушения, как оскорбление личности, хулиганство, нарушение общественного порядка, азартные игры, легкие телесные повреждения и т.п. Они карались такими мерами, как лишение права носить чалму, насильственная стрижка волос на голове, бороды и кос и т.п.⁵¹

Представляется, что проблема «шариат или адат» была окончательно решена в пользу шариата, когда летом 1998 г. мулла Омар, «повелитель правоверных», издал указ, в котором фактически отменял некоторые из основных положений кодекса чести пуштунов «Пуштунвали»: о левирате, о праве женщины на наследство и об использовании женщины в качестве одной из форм компенсации за умышленное убийство (на некоторые из этих нововведений было указано выше).

В заявлении для прессы, сделанном в Нью-Йорке 21 сентября 2000 г. заместитель министра иностранных дел ИЭА А.Захид, в частности, сказал, что «некоторые суровые обычаи афганского общества, лишавшие женщину права получения наследства, объявлявшие вдове выходить замуж только за родственников покойного мужа или разрешавших использование женщины в качестве предмета компенсации родственникам погибшего, отменены».

---

⁵⁰ Гиндукуш. 18.12.1996.

⁵¹ Садагдар М.И. Основы мусульманского права. М., 1968, с. 124.

«Это были племенные обычаи, — добавил А. Захид, — которые существовали во времена прежних властей и которые они не смогли изменить»⁵².

Действительно, если «Пуштунвали», узаконивая обычай левирата, полностью обходил вопрос наследственного права женщины, а передачу женщины (девушки) в качестве платы за кровь (*хун баха*) родичам убитого считал обычным делом⁵³, то Коран предоставлял женщине право наследования и даже подробно определял долю ее наследства⁵⁴, а хадисы закрепляли за вдовой определенную свободу выбора после смерти мужа («Вдова да имеет более прав над собой, нежели ее опекун»; «Пророк сказал: ни вдова не будет выдана замуж, пока не посоветуются с ней, ни девушка, пока не будет на то ее позволения»)⁵⁵.

Завершая тему о соотношении шариата и обычного права пуштунов в практике талибов, хотелось подчеркнуть следующее⁵⁶. Руководство ИЭА весьма искусно манипулировало в своих интересах как нормами шариата, так и адата. Так, явно под давлением властей, старейшины пуштунских племен в Нангархарской провинции, заявившие о своей полной поддержке талибов, приняли решение «сносить дома тех, кто сотрудничает с антиталибскими элементами» (т.е. применяли практику пуштунского адата, несмотря на направленную против «Пуштунвали» догматику талибов).

Тема соотношения шариата и адата распространяется не только на бытовую, но и на идейно-политическую сферу. Некоторые апологеты талибов (например, автор брошюры «Талибан: из медресе к власти») утверждали, что талибы являлись настолько фанатичными последователями ислама, и сторонниками возможно более широкого применения законов шариата, что даже любовь к Родине

---

⁵² См. Asia-plus. 22.09.2000. http://eurasia.opg.ru/2000.triben_en/109.22.Taliban-UN.html.

⁵³ См. Хадем К. Пуштунвали. Кабул, 1952, с. 180, 189–196; а также Лебедев К.А. Афганский народ — пуштуны. М., 1997, с. 33.

⁵⁴ См. Коран. М., 1986, с. 82–83; Сура 4 «Женщины» 12 (11), 15.

⁵⁵ См. Изречения Мухаммада. “Dawah Academy”, 1995, № 479, № 80.

⁵⁶ Интересные сведения в части применения шариата и адата при решении имущественных отношений в пуштунских племенах можно найти в статье А.Малека «Шариат и обычное право в имущественных (поземельных) отношениях». См. сб. Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996, с. 89–101.

считали лишь частью своей веры, следуя в этом известной заповеди «Любовь к Родине — часть веры».

Все же, на наш взгляд, категоричность утверждений о предпочтении талибами шариата представляются несколько преувеличенными. По мнению многих наблюдателей и экспертов, для религиозного мировоззрения пуштунов в целом (а значит, и для большей части талибов) характерным являлось сочетание двух взаимосвязанных и взаимодополняющих начал — исламского и национально-этнического.

Можно согласиться с тем, что ислам, проникнув на территорию проживания пуштунских племен, наложился на субстрат их племенных обычаев, зафиксированных в кодексе пуштунов «Пуштунвали». В результате, в процессе многовекового сосуществования и взаимовлияния этих двух факторов пуштуны стали придерживаться ислама с элементами народной традиционной религии, т.е. исповедовать ислам в некой синкретической форме. Это отмечали многие исследователи, начиная от Г. У. Беллью в его «Племенах Афганистана» (1880 г.)⁵⁷ и кончая А. Ольсен в ее работе «Ислам и политическая жизнь в Афганистане» (1995 г.)⁵⁸. Указание на этот феномен можно найти и в работах отечественных ученых (А. Д. Давыдов, О. В. Плешов)⁵⁹.

Такой же точки зрения придерживаются и некоторые афганские ученые. Например, афганский историк М. А. Нумйалай в своей книге «Основы социальной истории пуштунов» указывает на то, что религиозное мировоззрение пуштунов основано на двух началах: «пуштунстве» и «мусульманстве». «Сами пуштуны говорят, — пишет историк, — что они наполовину неверующие (*кафиры*). Пуштуны восприняли только часть Корана, то есть такой Коран, который отвечал их интересам и пуштунским понятиям, а тот Коран, который не отвечал этому, не приняли. Пуштуны восприняли исламские обычаи (*равадж*), но не приняли шариат, а обы-

---

⁵⁷ *Bellew H.W.* The Races of Afghanistan. Lahor, б/д., ротاپринтное издание с книги, напечатанной в Калькутте в 1880 г.

⁵⁸ *Olesen A.* Islam and Politics in Afghanistan. Gurzon Press, 1995.

⁵⁹ См. *Плешов О.В.* Движение Талибан: истоки фундаментализма. в сб. Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 39–46; *Давыдов А.Д.* Режим талибов в Афганистане: жесткая исламизация. Там же, с. 47–59.

чай приняли потому, что они были более близкими им, чем законы шариата»⁶⁰.

Весьма любопытную пословицу, бытующую среди пограничных племен, как свидетельство отсутствия религиозного фанатизма у пуштунов, приводит в своей книге «Судьба Афганистана и восточные пуштуны 1880–1980» афганский ученый В. М. Вазир: «То, что есть в Хосте, — гласит эта пословица, — того нет в Коране, а то, что есть в Коране, того нет в Хосте»⁶¹.

По мнению упоминавшегося выше С.Лаека, высказанного им в предисловии к книге В. М. Вазира, для пуштунских племен «не существовало разницы между исламом и «Пуштунвали», оба понятия рассматривались ими как аналогичные»⁶². В результате многовекового сосуществования законов шариата и племенного адата они настолько переплелись между собой, что превратились в смешанную и единую систему — кодекс чести «Пуштунвали», ставший основным регулятором жизни в пуштунских племенах.

Казалось, что исходя из наблюдений и выводов прежних исследователей этой проблемы, напрашивался вывод, что талибы, в подавляющем большинстве выходцы из пуштунских племен, подобно своим соплеменникам, могли оставаться верными исторически сложившемуся синкретизму.

Однако талибы показали себя приверженцами не племенной, но пуританской религиозной идеологии и чаще всего выступали против адата, если он представлялся им противоречащим шариату. Они заявляли о неприемлемости следования по преимуществу племенным обычаям, и их деятельность, по-видимому, содействовала ослаблению обычного племенного права пуштунов. В то же время этой их позицией объясняется тот факт, что талибы не всегда находили понимание и теплый прием в горных пуштунских районах Афганистана. Против них нередко выступали старейшины племен, *ханы* и *малики*, оберегавшие свои традиционные привилегии.

При талибах в какой-то мере развернулся процесс новой исламизации или реисламизации, т.е. внедрения более строгих и, со-

---

⁶⁰ Нумйалай М.А. Ды паштано ды толаниз тарих мобади (Основы социальной истории пуштунов). М., 1997, с.117.

⁶¹ Вазир В.М. Ды Афганистан бархлик ав хатидз паштаны (1880–1980) (Судьба Афганистана и восточные пуштуны /1880–1980/). Пешавар, 1998, с. 215.

⁶² Там же, с. 17; О «Пуштунвали» см. подробнее статьи И.Е. Каткова и Луц Жехака в сб. Афганистан: история, экономика, культура, М., 1989, с. 39–57, 58–72.

гласно мнению руководства движением, более «правильных» норм и правил в религиозно-правовой практике. Талибами насильственно насаждались законы шариата во всех областях общественной жизни, особенно в судебно-правовой сфере. Можно смело утверждать, что в официальной политике режима ислам явно превалировал над этническим фактором, а шариат над адатом.

Впрочем, в действиях талибов шариат и адат нередко безболезненно совмещались – декларируя верховенство шариата, талибы и их духовные руководители не забывали и об адате, особенно когда это им было выгодно. Так, одним из главных принципов «Пуштунвали» законом гостеприимства (*мелмаestia*) они объясняли себе и миру нежелание отказать в покровительстве и гостеприимстве Усаме бен Ладену.

Но в большинстве случаев режим талибов в религиозно-правовой сфере пытался внедрять строго шариатские установки и действовал при этом весьма жестко, особенно когда дело касалось неортодоксальных верований других религий и бытовых традиций.

Так, весной 1999 г. талибские власти издали официальное уведомление о запрете празднования Нового года, Ноуруза, широко отмечаемого в исламском персизированном мире. Согласно вердикту талибских улемов, Ноуруз, традиционно отмечавшийся населением 21 марта, объявлялся «не исламским», а «языческим» обрядом, и на этом основании празднование его не разрешалось. Это была уже не первая попытка талибов отменить празднование Нового года. В марте 1997 г. они уже запрещали отмечать этот праздник, но затем, после неудач того года, из политико-конъюнктурных, по-видимому, соображений, вновь разрешили его.

На этот раз власти предприняли жесткие практические шаги, чтобы воспрепятствовать проведению массовых народных гуляний, связанных с Ноурузом. В новогодние праздники афганцы, как правило, посещали кладбища, а затем отправлялись на лоно природы, где устраивали пикники. Происходившее в день Ноуруза в Кабуле в 1999 г. так описывали пакистанские газеты. Патрули талибов заранее заняли окружающие город высоты и преградили путь тысячам горожан, собравшимся совершить паломничество к местам захоронения своих близких. «Они избивали мужчин и юношей, — сообщала пакистанская газета «Ньюс», — в то время как сотни женщин, закутанных в чадру, и маленькие дети, одетые в свои лучшие одежды, терпеливо ожидали разрешения пройти

к кладбищу». Газета приводила свидетельства очевидцев о том, что «избиение и преследования людей продолжались целый день, но никому так и не позволили пройти к местам захоронения их близких»⁶³.

Как и следовало ожидать, реакция большей части населения, особенно городского, на эти действия властей ИЭА была крайне негативной. Выражая мнение многих афганцев, эмигрантская газета «Даридз», издававшаяся в Индии, указывала на то, что Ноуруз — это древнейший праздник, «воспетый фарсиязычными поэтами». Упоминание о нем встречается еще в трудах таких знаменитых авторов, как Табари, Масуди и Ибн Халдун. В газете отмечалось, что за тысячелетия этот обычай настолько эволюционировал и ассимилировался с исламом, особенно в таких странах как Иран, Афганистан, Индия, что давно уже стал восприниматься как «национальный и мусульманский» праздник⁶⁴.

Без всякого сомнения, Ноуруз, воспетый еще 1000 лет назад Насири Хосровом как «благоуханный» день, не был исконно мусульманским праздником, а достался народам Ирана, Афганистана, Таджикистана в наследие из далекого языческого прошлого. Может быть, поэтому и талибы, так же как прежние (доталибские) власти Афганистана предпочли официально называть день 21 марта «Днем крестьянина» (в правление короля Мухаммада Захиршаха этот же день был объявлен еще и «Национальным праздником посадки деревьев»)⁶⁵.

Массовые мероприятия по случаю Ноуруза были запрещены и в других центрах Исламского Эмирата. Так, по информации той же «Ньюс», в столице северного региона городе Мазари-Шарифе, который только за полгода до того, попал под контроль талибов также отменили традиционную церемонию поднятия шеста с флагом (*джанда*) у мавзолея (мифического) четвертого праведного халифа Али ибн Аби Талиба («Сахи Саиб»), на которую обычно стекались десятки тысяч паломников.

В связи с этим появились различные версии, пытавшиеся найти объяснение столь неожиданному поведению талибов. Согласно одной из них, празднование Ноуруза (21 марта) было запрещено талибами-суннитами на основании того, что будто бы по времени

---

⁶³ The News. 22.03.1999.

⁶⁴ Даридз. № 2, январь 2000.

⁶⁵ Afghanistan: Development in Brief. L., 1970, p. 31.

оно совпадало с избранием четвертым халифом зятя пророка Али бин Аби Талиба, почитаемого шиитами, как носителя «божьей благодати» и признанного ими «абсолютным и непогрешимым» авторитетом в религиозных и светских делах.

Та же «Даридз» подчеркивала, что особую привлекательность и значимость празднику Ноуруза в Афганистане всегда придавал ритуал поднятия шеста с флагом у гробницы Али «Раузайи Шариф» в Мазари-Шерифе, что ассоциировалось в народе с «днем восшествия этого великого мужа на престол халифов»!⁶⁶ На наш взгляд, для подобных действий талибов могли быть как религиозные, так и политические мотивы.

Если решение властей объявить Ноуруз языческим обрядом и на этом основании запретить отмечать его было достаточно прозрачным, то менее понятными на первый взгляд казались мотивы, побудившие талибов пойти на такие непопулярные меры, как запрет обычая посещения кладбищ и отдельных могил и паломничества к гробнице Али.

Прежде чем попытаться объяснить действия властей ИЭА, напомним, что Афганистан — страна, где чуть ли не на каждом шагу сталкиваешься со всякого рода «местами поклонения» (*зиарат-гах*). Обычно это могилы (*мазары*) людей, еще при жизни объявленных «святыми» или могилы *шахидов* («убиенных за веру»), или же места, где по преданиям совершались «чудеса». Не вдаваясь в подробное описание мазаров и ритуалов, совершаемых при них, отметим только главное, на наш взгляд, обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание российский востоковед М. С. Андреев, и которое, по нашему мнению, дает ключ к пониманию действий талибов.

М. С. Андреев, побывавший в 1926 г. в северных районах Афганистана, и выпустивший по результатам полевых исследований книгу «По этнологии Афганистана», считал, что «...сами мазары являются, по-видимому, часто старыми местными языческими святынями, задернутыми со временем приданным им ореолом мусульманских или мусульманизированных верований...», а поклонение им характеризовал, как «смесь мусульманских и языческих верований и обычаев»⁶⁷.

---

⁶⁶ Даридз. №2, январь 2000.

⁶⁷ Андреев И.С. По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, с. 56.

Особо следует сказать о «Рузайи Шариф» — одной из наиболее известных и почитаемых, особенно шиитами, святынь в городе Мазари-Шарифе, где, по преданию, покоится прах четвертого халифа Али. В дни Ноуруза у гробницы по традиции происходила, как указывалось выше, церемония поднятия специального штандарта (джанда). В этот момент у гробницы начиналось в буквальном смысле столпотворение — тысячи паломников, среди которых бывала масса больных и увечных людей, отталкивая друг друга, устремлялись к шесту с флагом, стремясь дотронуться до него, что должно было принести им «чудесное исцеление».

Спустя 40 дней, когда в окрестностях Мазари-Шарифа расцветали алые тюльпаны, джанда опускалась. Массы паломников и жителей города устремлялись на природу. Начинались массовые гулянья, известные под именем «праздника красных цветов, красных тюльпанов». По мнению известного американского афганиста Л. Дюпре, описавшего этот праздник, он также являлся давно забытым языческим ритуалом⁶⁸.

Вероятно, это так. Однако, на наш взгляд, этот обычай, как и многие другие, со временем сильно «омусульманился», причем с шиитским оттенком. М. С. Андреев в уже упоминавшейся книге, описывая праздник в Мазари-Шарифе, отмечал, что красный тюльпан «поэтически считается кровью убитого Хусейна (сына Али), выходящей весной на поверхность земли»⁶⁹.

Возвращаемся к талибам. Разумеется, официальная власть не собиралась объяснять возмущенным жителям столицы и других городов свое решение запретить традиционное паломничество к местам захоронения их близких и других обрядов и обычаев, связанных с Ноурузом. В газете «Аманат» был опубликован комментарий некоего И.Рухани, который, на наш взгляд, проливал свет на политику властей ИЭА. Газета «Аманат», называвшая себя печатным органом «Совета по поддержке Исламского Эмирата Афганистан и народа-муджахеда», издавалась в Канаде и по существу являлась пропагандистским рупором талибов. В этом явно заказном комментарии, «Разъяснение основ фикха», талибский богослов излагал позицию религиозно-политического руководства

---

⁶⁸ Dupree L. Afghanistan. Princeton, , 1937, p. 105–106.

⁶⁹ Андреев М.С. По этнологии Афганистана, с. 79.

талибов по вопросу о культе могил. Суть ее сводилась к следующему. Посещение кладбищ дозволено и даже необходимо, ибо это напоминает человеку о бренности земного существования. «Могилы посещайте, — цитировал Рухани один из «благородных хадисов», — ибо они напоминают вам о загробной жизни — *ахерат*. Однако тут же Рухани приводил изречение Пророка из того же хадиса «Я запретил вам поклонение и паломничество (*зиарат*) к могилам и обращение с просьбами к усопшим — это «великий грех». «Посещая кладбища, — разъяснял далее автор статьи, — можно обращаться с молитвами только к Аллаху и просить его, чтобы он простил грехи усопшим. Но только Аллаху, а не могилам следует поклоняться и только к нему обращаться с мольбой о помощи и заступничестве»⁷⁰.

Таким образом, все становилось на свои места. Талибы, ортодоксальные приверженцы *тоухида* (монотеизма), усмотрели, и, надо сказать, не без основания, в праздновании Ноуруза и связанных с ним обрядов, а также в почитании мазаров и прочих «святых мест» реликт язычества и проявление ереси и политеизма, что с их точки зрения являлось страшным грехом, который следовало искоренять любыми средствами.

Так, талибов не мог не раздражать чрезмерный культ Али, которого хазарейцы, как и подавляющее большинство шиитов, почитают чуть ли не как Бога. «...Хазарейцы чтут Али, — пишет Л. Темирханов, — до такой степени, что считают его богом, недопустимый факт с точки зрения ортодоксальных улемов»⁷¹. Одного этого было бы вполне достаточно, чтобы запретить паломничество к «Благородной гробнице» («Рузайи Шариф») и связанных с этим ритуалов.

В целом же тема осуждения исламом культа могил и поклонения святым местам достаточно хорошо известна. Наиболее полно она освещена в работе И. Гольдциэра «Культ святых в исламе», что

---

⁷⁰ Аманат. 12.06.1998.

⁷¹ Темирханов Л. Хазарейцы (Очерки новой истории). М., 1972, с. 31.

избавляет нас от поиска дальнейших аргументов, объясняющих действия властей Исламского Эмирата⁷².

Тему различных запретительных мер, которыми изобиловала практика талибов, можно продолжить на примере еще одного решения, весьма показательного для религиозной и национальной политики тогдашнего руководства Исламского Эмирата.

В конце 1999 г., когда шиитская община Афганистана собиралась отмечать очередную дату гибели сына халифа Али имама Хусейна (в 680 г.), возведенного шиитами в ранг святого и мученика, власти ИЭА объявили о запрете всех траурных церемоний, связанных с *ашурой* (днем траура по Хусейну).

Были запрещены публичные шествия шиитов, сопровождающиеся самобичеванием, совместные моления мужчин и женщин в молитвенных домах; традиционное посещение кладбищ в период месяца мухаррама и т.п. При этом власти ИЭА акцентировали внимание на том, что шиитская практика самобичевания якобы не совместима с исламом, так как «публичное избивание людей» разрешается лишь по приговору шариатского суда. «Эта практика противоречит исламу, и мы не можем разрешить эти действия» — заявил М. Ш. Хаккани, заместитель начальника пресловутой талибской «полиции нравов». «Всякий, кто осмелится нарушить этот запрет, — пригрозил он, — будет строго наказан»⁷³.

По сообщению пакистанской прессы, решение талибов вызвало возмущение шиитской общины, справедливо усмотревшей в действиях властей явную дискриминацию по религиозному признаку. «Я в шоке, — заявил один из шиитских авторитетов Г. Мохиуддин, комментируя решение властей. — Я действительно шокирован. Ведь даже индусы в Индии позволяют шиитам отправлять свои религиозные обряды. Талибы же лишают нас наших основных прав»⁷⁴.

---

⁷² Позволим здесь привести лишь одну цитату из указанной работы, которой И. Гольдциэр завершил главу «О культе мертвых в язычестве и исламе», поскольку в ней выражена квинтэссенция тех догм, которые определили и другие запретительные меры талибов, о которых речь пойдет ниже. «Моя община, — приводит он приписываемое Пророку изречение, — не может потерпеть четырех обычаев язычества: хвастовства добрыми делами; опорочивание происхождения других людей; веры, что плодородие зависит от звезд, и плача по мертвым» (курсив И. Гольдциэра). Гольдциэр И. Культ святых в исламе. М., 1938, с. 151.

⁷³ The News. 20.04.1999.

⁷⁴ Там же.

Это решение талибов, не в пример запрету празднования Норуза, носило более серьезный характер, поскольку содержало в себе заряд межконфессиональной вражды и бросало вызов всей шиитской общине Афганистана, пусть и немногочисленной (по оценочным данным, шииты составляют не более 19% населения), но политически весьма активной. К тому же, более половины шиитов – это представители отдельной этнической группы хазарейцев.

Не углубляясь в истоки раскола ислама на две основные ветви – суннизм и шиизм – и их многовековое противостояние, отметим, что многие афганские правители-сунниты проводили в отношении шиитов-хазарейцев дискриминационную политику, считая их еретиками и чужеземцами.

По этому поводу эмигрантская газета «Сапида», выходившая в США, замечала, что «после репрессий эмира Абдуррахман-хана шиитов-хазарейцев стали считать связанными с чужеземцами, и всякий раз, когда афганским правителям требовалось надавить на хазарейцев, они наклеивали им ярлык «иранских наемников»⁷⁵. А. Гамильтон в своей книге «Афганистан» приводит следующий эпизод. «Эмир, – пишет он, имея в виду Хабибуллу-хана, – недавно предложил духовенству высказаться формально, в какой мере следует проявлять терпимость к афганским шиитам. Решение было сформулировано так: «Религия суннитов есть единственная правая вера, признаваемая Его Высочеством, как царем Ислама». На этом основании все религиозные церемонии шиитов в Кабуле и во всем Афганистане были воспрещены». И далее А. Гамильтон сообщает: «Поэтому было приказано, чтобы шиитские мечети строились на 5 футов ниже суннитских и чтобы уже выстроенные мечети были соответственно перестроены»⁷⁶.

С установлением власти талибов прошиитские эмигрантские издания выступали с резкой критикой, сравнивая действия талибов с дискриминационной политикой прежних афганских правителей. Так, упоминавшаяся выше газета «Фарьяди ашура» напоминала, что при эмире Абдуррахман-хане и его преемнике Хабибулле-хане разрушались шиитские молельные дома, запрещалось исполнение шиитских проповедей, песнопений и сказаний, а шиитов, подобно

---

⁷⁵ Сапида. № 4, февраль 2000 г.

⁷⁶ Гамильтон А. Афганистан, с. 238–239.

иноземцам-немусульманам, обязали носить унижающую их достоинство красную головную повязку⁷⁷.

Другая эмигрантская газета «Хафт руз», перечисляя претензии шиитов к прежним властям, отмечала, что в отличие от ханбалитского, шафиитского и маликитского толков ислама, шиизм никогда не признавался в Афганистане официальным толком; в шиитско-хазарейских школах не преподавали основ джафаритского (шиитского) фикха, а судебные процессы над шиитами проходили на основе ханафитской, а не джафаритской правовой системы; любой государственный чиновник, даже самый незначительный, мог воспрепятствовать проведению шиитских церемоний по случаю ашуры и т.д.⁷⁸

Напомним, что с приходом к власти муджахедов в 1992 г. шииты-хазарейцы, считавшие себя полноправными участниками джихада, стали выдвигать требования о предоставлении им равных с суннитами прав на участие в органах власти. Их конечные цели были конкретно сформулированы одним из шиитских деятелей в эмиграции, преподавателем Оксфордского университета С. А. Мусави в интервью Би Би Си: «У шиитов есть вековая мечта: добиться признания шиизма, наряду с суннизмом, официальной религией, а также обеспечения равных прав хазарейцев с другими этническими группами»⁷⁹. В начале 1990-х годов представителям хазарейской партии Исламское единство Афганистана (Вахдат) удалось войти во властные структуры муджахедов.

Появление движения Талибан, эскалация военных действий, принимавшая нередко межэтнический характер, было расценено шиитами-хазарейцами как угроза не только их правам и свободам, но и самому существованию. Лидер партии Исламское единство Афганистана М. К. Халили в марте 1997 г. в своем обращении к хазарейцам заявил, что их ожидает самая «тяжелая и кровавая война» с талибами, которые намерены повторить «трагедию» хазарейского народа, постигшую его при эмире Абдурахмане, и призывал население подняться на борьбу с врагами⁸⁰.

---

⁷⁷ Фарьяди ашура. 28.11.1996.

⁷⁸ Хафт руз. 26.11.1997.

⁷⁹ Гиндукуш. 30.01.1998.

⁸⁰ Намейи хабарийи вахдат. 27.03.1997, с. 15. Речь идет о жестоком подавлении эмиром восстания хазарейцев в 1892 г.

Талибы, установив свою власть в Кабуле и намереваясь расширить зону своего влияния на центральные и северные районы Афганистана, поначалу пытались расколоть единство Северного альянса. С этой целью в начале 1997 г. они предприняли ряд явно демонстративных шагов, призванных убедить шиитов в своем миролюбии. О попытках заигрывания руководства ИЭА с шиитской верхушкой хазарейской общины можно судить по следующим фактам.

В марте 1997 г., столичные газеты «Анис», «Хивад» сообщили о встречах представителей шиитов с руководством ИЭА. Так, бывший в то время и.о. премьер-министра ИЭА Мухаммад Раббани лично принял делегацию шиитских авторитетов. Выступая перед ними, М. Раббани заверил их, что правительство Исламского Эмирата борется против любой дискриминации — племенной, языковой, религиозной. Он также заявил, что правительство гарантирует всем народам, проживающим в Афганистане, спокойствие и безопасность и выразил удовлетворение тем, что «шиитские братья» поддерживают свое исламское государство и идут с ним на сотрудничество». В свою очередь, шиитские богословы Зарин Мохтарам, Мохаккак, Аббаси, Хейдари посетили главу правительства ИЭА и заверили его в своей полной поддержке «миролюбивой политики исламского государства»⁸¹. Весь этот обмен любезностями должен был создать иллюзию того, что талибы действительно пришли к выводу о необходимости нормализовать межконфессиональную ситуацию.

В мае 1997 г. в Кабуле на конференции, посвященной осуждению «позорного переворота 7 Саура (Апрельский переворот 1978 г., организованный НДПА), где присутствовала вся верхушка талибов, в числе приглашенных гостей был и аятолла Такаддоси — представитель шиитской общины Кабула.

В мае 1997 г., в очередную годовщину трагической гибели Хусейна в битве при Кербеле в 680 г., столичная газета «Анис» поместила целый ряд материалов, в которых это событие именовалось как «битва истины против лжи, света против мрака» и преподносилось как «восстание против деспотии и антиисламских сил».

---

⁸¹ Хивад, 8.03.1997.

При этом талибские пропагандисты пытались представить дело таким образом, что именно талибы, высоко поднявшие «знамя джихада» и продолжавшие борьбу за освобождение «угнетенных от тиранов», являлись подлинными продолжателями дела Кербелы, уверенно «идущими по пути ислама». В передовице той же газеты «Анис» талибские интерпретаторы событий тех давних лет утверждали, что «главной и основной целью» похода имама Хусейна на Куфу было установление «дозволенного» и самая решительная борьба с «запретным», о чем будто бы Хусейн сказал сам, указав, что выступил в поход на Куфу по просьбе его жителей для того, чтобы оказать народу «помощь и поддержку, и улучшить его положение», избавив от тирании Йезида и ему подобных».

Таким образом, складывалось впечатление, что талибские блюстители «дозволенного и недозволенного», пытались, используя сакральную для всех мусульман личность Хусейна, представить его чуть ли не в роли главного *мухтасиба* (исправителя нравов) и освятить его именем действия созданных властями репрессивно-карательных органов Ихтисаб и Амр бе мааруф ва нахи аз мункар (см. выше).

Заигрывание талибских властей с шиитами оборвалось в 1998 г. В начале августа того года, как выше отмечалось, талибы захватили Мазари-Шариф. Мстя за понесенные год назад жертвы, талибы разгромили генеральное консульство Ирана и убили несколько иранских дипломатов и журналистов. 15 сентября 1998 г. талибы захватили город Бамиан — оплот хазарейцев, где учинили резню. Эти акции до предела накалили отношения с Тегераном и вызвали ожесточенное сопротивление хазарейцев, так что предпосылки для дальнейших гонений на шиитов-хазарейцев и, в частности, для запрета ашуры к концу 1990-х годов созрели.

Безусловно, все эти запретительные меры талибских властей, прикрываемые религиозными аргументами и лозунгами, носили прежде всего политический характер. В истории ислама есть немало свидетельств того, как в борьбе за политическую власть уничтожались памятники-символы или запрещались религиозные обряды.

По свидетельству того же И. Гольдциэра, аббасиды, разрушившие целый ряд шиитских святынь, стремились тем самым «отвра-

тить народ от культа Али, а аббасидский халиф Мутаваккиль даже сравнял «с землей могилу Хусейна», чтобы лишить своих политических противников символа веры и знамени борьбы⁸².

Так что в условиях войны и нестабильной обстановки талибские власти в первую очередь, видимо, опасались, что большие скопления народа в дни Нооруза могут вылиться в форму массового протеста против проводимой ими политики исламизации.

Талибы, рассматривавшие шиитов-хазарейцев как «пятую колонну» Ирана, посчитали ашуру «революционным символом» борьбы за свободу, расценивая публичные акции шиитов как угрозу их «новому исламскому порядку»⁸³.

Не менее суровым было отношение талибов к представителям других неисламских культов, и даже к историческим памятникам доисламской эпохи. На территории Афганистана традиционно проживало небольшое число индусов и сикхов, выходцев главным образом из западной части Панджаба (района Мултана) и других мест Северной Индии. Они почти исключительно занимались посредническими операциями, ростовщичеством и торговлей на городских базарах. Следуя установкам деобандской школы, отказывавшей в праве на равноправное положение в исламском обществе (при шариате) представителям других религий, талибы обязали немусульман Кабула и других городов носить отличительные желтые повязки⁸⁴.

Кстати, это была не первая попытка талибов ввести в действие подобный дискриминационный закон. По сообщению газеты «Муджахид вулус», еще в августе 1996 г. талибы приказали индусам, проживающим в г. Хосте, носить одежду желтого цвета и ежегодно платить в казну 1000 кальдаров в качестве *джизья* (подушной подати, взимавшейся в мусульманских государствах с иноверцев)⁸⁵. Подобные дискриминационные установления талибов явно восходили к известным средневековым законам, дей-

---

⁸² Гольдциер И. Лекции об исламе. с. 157.

⁸³ См. Мотаххари М. Нахзатхайи ислами дар сад сале ахир (Исламские движения в последние 100 лет). Кум, 1985, с. 91.

⁸⁴ Ferguson J. Taliban. The Unknown Enemy. Cambridge (MA), 2010, p. 217. При этом указы руководства ИЭА об обязательном ношении индусами отличительного знака повторяли фирман эмира Хабибуллы, в свое время, в 1929 г., предписавшего «индусам носить желтую головную повязку, а шиитам — красную».

⁸⁵ Муджахид вулус. № 228, август 1996.

ствовавшим в арабо-мусульманских государствах в отношении иноверцев, которым запрещалось носить оружие, ездить верхом на лошади; предписывалось носить особую одежду и отличительные головные уборы, платить особый вид налога⁸⁶.

На завершающей стадии своего правления, в марте 2001 г., талибы пошли на крайне непопулярный в глазах мирового общественного мнения шаг – они разрушили древние высеченные в скалах в районе Бамиана статуи Будды, используя динамит и танковые снаряды⁸⁷. Статуи были отнесены ЮНЕСКО к сокровищам мировой культуры, и их разрушение вызвало едва ли не большую волну возмущения в мире, чем все преступления против человечности, совершенные до того режимом Талибан (см. об этом гл. 3). Нетерпимость, проявленная талибами, к представителям других направлений в исламе (в частности, шиитам), к приверженцам других религиозных верований и немусульманскому наследию демонстрирует не только их крайний радикализм, но и стремление использовать ригоризм и пуританские догмы для мобилизации сил сторонников, поддержания инерционного момента, необходимого радикальному движению в кризисных условиях.

---

⁸⁶ Хрестоматия по исламу. М., 1994, с. 131, с. 133.

⁸⁷ *Abbas H.* The Taliban Revival, p. 112; *Rashid A.* Taliban. Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. New Haven and London, 2010 (Second edition), p. 230–231.

Глава 3. Исламская экономика талибов. Судебная система. Политика в сфере образования. Репрессии.

Назвав подконтрольную им территорию Исламским Эмиратом и начав процесс исламизации, талибы объявили, что отныне жизнь общества будет строиться на принципах «исламской экономики». Что под этим подразумевалось и какой смысл они вкладывали в это понятие, не разъяснялось, и никакой конкретной социально-экономической программы обнародовано не было. Однако периодически в прессе появлялись материалы, разъясняющие религиозно-идейные основы исламской экономики. В частности, газета «Анис» в серии статей «Взгляд на исламскую экономику» писала следующее: «У некоторых сам термин «исламская экономика» вызывает раздражение. Они говорят, что ислам — это идеологическое учение, ничего общего не имеющее с экономическими учениями». «Такого рода ученые и экономисты, — продолжала газета, — ничего не знают о высшей философии ислама, которая различает такие морально-этические субстанции, как честность, стыд, справедливость, гуманизм, жертвенность, с одной стороны, и воровство, предательство, взяточничество, мотовство и т. п. — с другой»¹.

Судя по публичным выступлениям руководства талибов, газетным публикациям и практическим шагам, талибы приняли на вооружение давно и хорошо известную в мусульманском мире так называемую «исламскую социально-экономическую доктрину», основные положения которой в интерпретации их руководства, подкрепляемые ссылками на соответствующие суры Корана и хадисы, можно свести к следующим тезисам.

1. Собственность дается человеку по воле Аллаха, поэтому частная собственность «священна и неприкосновенна».

---

¹ Анис. 27.11.1997.

Исходя из этого принципа, талибы, например, предприняли шаги по возвращению частных владений (домов, земельных участков) их прежним владельцам. Было объявлено, что «незаконно захваченная при прежних режимах силой или обманом, чужая собственность тех, кто эмигрировал из страны, будет возвращена законным владельцам»². По сообщению пакистанской газеты «Ньюс», согласно решениям шариатских судов, «некоторым людям были возвращены их земли»³.

2. Ислам не против накопления капитала, но различает пути, какими приобретает капитал: законным, то есть путем торговли, производства товаров, земледелия, скотоводства и т. п., или незаконным: путем воровства, грабежа, взяточничества, картежных игр, контрабанды, наркобизнеса и т.д.

Тема осуждения нечестных путей приобретения капитала постоянно присутствовала на страницах печатных изданий талибов. В «воспитательных» целях пропаганда постоянно напоминала о тех карах и несчастьях, которые подстерегают нечестных людей. Так, газета «Анис», цитируя высказывание Пророка, якобы сказавшего, что «между человеком и его богатством существует такая же взаимосвязь, как между кораблем и морем», разъясняет это положение следующим образом: так же как кораблю в море постоянно грозит опасность затонуть во время шторма, точно так же человек, наживший свои капиталы нечестным путем, постоянно живет в страхе, опасаясь их потерять.

Особо гневному осуждению подвергался обман при торговле и ростовщичество, что, по мнению талибских улемов, считалось даже более серьезным преступлением, нежели прелюбодеяние. При этом они ссылались, например, на хадис «тот, кто преднамеренно получает барыш на 1 дирхем, должен быть наказан в 36 раз строже, чем за прелюбодеяние»⁴. О том, что подданные эмира, несмотря на все призывы властей, все-таки грешили обманом покупателей, время от времени сообщали печатные издания ИЭА. Газета «Анис» рассказывала о случаях, когда нечестные кабульские торговцы, смешивая рисовую муку с пшеничной, зарабатывали на разнице цен. «В то время, как 7 кг. рисовой муки стоят 50 тыс. афг., а 7 кг. пшеничной — 93 тыс. афг., то на обмане покупателей торгов-

---

² Шариат. 05.08.1998.

³ The News. 17.03.2000.

⁴ Тулуйи афган. 23.09.1997.

цы зарабатывать на разнице цен не менее 43 тыс. афг.»⁵. В связи с этим городская управа Кабула выступила с заявлением, в котором предупреждала торговцев о том, что в случае нарушения порядка они будут наказаны по всей строгости законов шариата.

3. В исламском государстве не должно иметь место ростовщичество. Предоставление денег под процент банком или частным лицом является страшным грехом, за которым последует неминуемое наказание.

Весной 1997 г. в интервью маулави И. Ихсана, тогдашнего руководителя всей банковской системы ИЭА, данного им радио «Шариат», было сказано, что отныне на всем пространстве Эмирата отменяются *суд* и *тактани* — банковские проценты, и ни один государственный или коммерческий банк не имеет права получать прибыль.

Взамен этого новая власть рекомендовала населению использовать «дозволенные шариатом системы: *мозаребат* (партнерство по схеме: капитал — обеспечение рабочей силы и организация производства) и *мошаракат* (создание акционерных обществ с долевым участием партнеров согласно договору и равной доли прибыли), что по утверждению И. Ихсана, позволило бы «и банки сохранить, и получать народу доходы»⁶.

Кроме того, в сельском хозяйстве предлагалось шире внедрять такие формы партнерства, как *мазара*'э и *мосагат*, также основанных на принципе: «капитал — труд» (т.е. выплата обговоренной заранее суммы работодателем работнику за выполнение определенного объема работы)⁷.

4. Аллах даровал богатство людям, утверждали талибские улемы — одним больше, другим меньше. Но тем, кому дано больше, должны поделиться с теми, у кого его меньше или нет совсем. При этом они ссылались на хадис: «У кого есть излишек скота вьючного, пусть отдаст его тому, кто не имеет его; и у кого имеются излишки пищи, пусть отдаст ее тому, у кого ее нет»⁸. Тот, кто не придер-

---

⁵ Анис. 05.07.1997.

⁶ Тулуйи афган. 05.03.1997.

⁷ Подр. см. Харири М.Ю. Ислам ва акайеди иктисади (Ислам и экономические теории), Кум, б. даты.

⁸ Цит. по: Изречения Махаммада, Исламабад, изд. Dawa Academy, International Islamic University, № 195.

живается этого завета, угрожали улемы, рискует навлечь на себя немилость Аллаха.

Талибские идеологи утверждали, что главной заботой властей остается обеспечение социального равенства. Обосновывая широкое применение исламских налогов как регулятора концентрации капитала в одних руках, они говорили, что именно налоги не позволяют капиталу оставаться втуне, а заставляют его владельца активно вкладывать средства в экономику и помогать братьям-мусульманам.

В контексте этого положения власти ИЭА усиленно призывали к благотворительности, к добровольным пожертвованиям и взносам в виде известных исламских налогов (*закат, садака, ушр* (десятина), *сарсайа* и т. п.), которые должны были нивелировать социальное неравенство в обществе, уменьшить разницу между богатыми и бедными. Так, талибская пресса, в частности газета «Тулуйи афган», пропагандировала указ «повелителя правоверных» о раздаче беднейшему населению в виде добровольного пожертвования, садака, 250 млн. афгани, а газета «Анис», призывая эмигрантов делать взносы в экономику, в качестве примера сообщала о том, как один из афганских эмигрантов доктор М. С. Нурзай пожертвовал 10 млн. афгани в пользу сиротских приютов.

Что касается практической деятельности правительства талибов в области экономики, полагаем достаточным ограничиться рассмотрением лишь некоторых ее сторон, поскольку ряд важных вопросов экономической политики талибов затрагивались в работах российских афганистов⁹. Что касается зарубежной литературы, то мы используем ее для освещения важнейших тенденций и особенностей положения дел в экономике при талибах.

Начнем с того, что состояние афганской экономики после многолетней междоусобной войны и фактической раздробленности страны, когда многие полевые командиры превратились в хозяев целых областей, то его нельзя охарактеризовать иначе, как угрожающее. Муджахеды в свое время обвиняли в разорении страны «советского агрессора», однако большинство эмигрантских изданий, отражавших позицию самых различных политических сил, сходились на том, что ущерб, причиненный афганской экономике

---

⁹ См. Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. М., 1999; см. также сб. Афганистан: война и проблемы мира, М., 1998. с. 19–30; 47–59; 31–46.

за годы правления муджахедов, «ничуть не меньше, чем урон, нанесенный агрессией»¹⁰.

Афганский ученый Шабханг в своей книге «Реставрация культурных институтов Афганистана» писал, что муджахеды, ворвавшиеся в столицу, разграбили и уничтожили огромное число культурных ценностей. По данным, приведенным в его книге ущерб, нанесенный Кабульскому университету, составил примерно 50 млн. долларов, а от уничтожения книг только одного книжного издательства «Байхаки» урон достиг 3 млн. долларов¹¹. Эмигрантская газета «Замана», оценивая вред, нанесенный экономике страны в годы междоусобной войны, вообще называла астрономическую цифру в 100 миллиардов долларов¹².

По информации другой эмигрантской газеты «Гиндукуш» в годы «священной войны» полевые командиры, контролировавшие районы, где находились залежи драгоценных и полудрагоценных камней, вели их хищническую разработку, а добытые камни (изумруды, рубины, ляпис-лазурь в Бадахшане, бирюза, аквамарин в Нуристане) контрабандным путем переправляли в Пакистан. «Под видом «свободного предпринимательства» шло разграбление национальных богатств, — писала газета. — Деньги шли не в государственную казну, а в карманы полевых командиров и их людей»¹³.

Более того, в эмигрантских кругах муссировался слух о том, что золотой запас страны в количестве 20 тонн, а также уникальные золотые украшения, найденные при раскопках Тилла-Тепе в Афганистане, бесследно исчезли после падения режима Наджибуллы¹⁴.

Надо признать, что талибы, устанавливая контроль над все большим числом афганских провинций предпринимали ряд шагов, способствующих некоторому оживлению экономики. Так, они, где могли, устанавливали предел произволу полевых командиров (на английском за ними закрепилось наименование *warlords*, «военные лорды»). Командиры, контролировавшие положение дел в том или ином районе страны, обычно беззастенчиво занимались поборами, препятствовали свободе торговли и передвижению товаров. Они устанавливали пропускные пункты, где взимали пошлины и взят-

---

¹⁰ Фарьяди ашура. № 98, ноябрь 1996.

¹¹ Шабханг. Реставрация культурных институтов Афганистана, с. 87.

¹² Замана. № 14, 13.10.1997.

¹³ Гиндукуш. 8.01.1997.

¹⁴ Айнеи Афганистан. № 82, июль 2000, с. 55.

ки. Известно, что к осени 1994 г. только на участке дороги от Спинбулдака до Кандагара протяженностью чуть более 100 км действовало 45 муджахедских блок-постов.

Появление талибов, как отметил видный российский специалист по афганской экономике А. Д. Давыдов, с экономической точки зрения совпало с объективно назревшими «тенденциями к восстановлению дезорганизованного народного хозяйства страны»¹⁵.

На каком-то этапе талибам даже удалось добиться определенного снижения цен, однако удержать инфляцию и стабилизировать цены оказалось им не под силу.

Если к началу 1998 г. курс афгани по отношению к доллару США достигал 30 тыс. афгани, то уже к декабрю 2000 г. в Кабуле 1 доллар стоил 72 тыс. афгани. В результате инфляции, которую талибы объясняли бесконтрольным выбросом на рынок денежной массы — афгани, которые поставлялись правительству Б. Раббани из России, цены на основные продукты питания и другие товары первой необходимости резко возросли¹⁶.

Динамику роста цен за период с 1997–2000 г. можно проследить по следующим данным. В феврале 1998 г. в провинции Лагман цены на основные продукты и товары составляли: 1 *сур* (7 кг.) муки — 52 тысячи афгани; рис (7 кг.) — 60 тыс. афг.; баранина 1 кг — 28 тыс. афг.; говядина 1 кг — 24 тыс. афг.; картофель (7 кг.) — 28 тыс.; сахар (7 кг.) — 96 тыс. афг.; дизтопливо (1 галлон) — 45 тыс. афг.; керосин (1 галлон) — 50 тыс. афг.; бензин (1 галлон) — 70 тыс. афг.¹⁷

Однако в Гератской провинции уже в конце 1997 г. цены были выше. Так, гератский 1 манн (4 кг.) муки стоил 48 тыс.; рис (1 кг.) — 14 тыс. афг.; 1 кг баранины — 30 тыс.; жир пищевой (1 кг.) — 26 тыс. афг.; сахар (1 кг.) — 12 тыс. афг.; чай (1 кг.) — 11 тыс. афг., бензин (1 галлон) — 55 тыс. афг.; дизтопливо (1 галлон) — 27 500 афг.¹⁸

¹⁵ Давыдов А.Д. Традиционный рынок Афганистана. М., 1999, с.200.

¹⁶ Тулуйи афган. 5.03.1997. Купюры афганской валюты для правительства Б. Раббани печатались в России.

¹⁷ Вафа. 22.02.1998.

¹⁸ Вафа. 31.10.1997.

А в Кабуле к концу 2000 г. 7 кг муки обходились покупателю в 107 тыс. афгани, 1 кг сахара — 33 тыс. афг., 1 литр растительного масла — 57 тыс. афг.¹⁹

Примечательно, что талибы, прибегавшие в ходе исламизации общественной жизни к самым жестоким мерам, в сфере экономики повели себя довольно либерально. Они минимизировали свое вмешательство в экономику и, несмотря на гиперинфляцию и рост цен, не пытались декретами и указами, как это случалось в период правления НДПА, безуспешно регулировать цены и торговлю, предоставив это рыночной стихии. Курс на рыночную экономику был обоснован талибскими улемами и подкреплен ссылками на Коран и хадисы. А бесконтрольный разгул цен, на который жаловалось население, был, например, объяснен следующим хадисом: «Рассказывают, что однажды во времена Пророка цены на базаре резко выросли. Сподвижники Пророка обратились к нему с просьбой воздействовать на торговцев и установить приемлемые цены, на что Мухаммад ответил им: «Предопределение и определение цен находится в руках Бога»²⁰.

Разумеется, сказанное вовсе не означает, что в сфере экономических отношений талибы выступали как некая индифферентная сила. Иногда на практике политику властей в налоговой сфере порой можно было сравнить с действиями победителей, наложивших контрибуцию на побежденных. Так произошло, например, в начале 1998 г., когда власти ИЭА, готовясь к решительным боям на севере, приказали закрыть все лавки менял на кабульском базаре на 3 дня, а затем издали указ, в котором потребовали от каждого менялы по всей стране, во-первых, приобрести лицензию на право обмена денег стоимостью 1 млн. афгани, а во-вторых, внести денежный залог в размере 20 млн. афгани²¹.

Более того, помимо известных исламских налогов, талибы изобретали новые формы выкачивания средств из населения. По информации эмигрантской газеты «Вафа», в Нангархарской провинции местное руководство ввело новый продовольственный налог. Крестьянам запретили вывозить в центр провинции город Джелалабад пшеницу и муку без разрешения. Чтобы его получить, крестьяне обязаны были привозить свою сельхозпродукцию в волост-

---

¹⁹ Пульс планеты. 7.12.2000.

²⁰ Тулуйи афган. 21.05.1997.

²¹ Гиндукуш. 22.01.1998.

ную управу, где часть ее в виде *анана* («помощь», «поддержка») изымалась, и только после этого давалось разрешение на вывоз товара²².

При анализе экономической политики правительства ИЭА неизменно возникал вполне закономерный вопрос: за счет каких же внутренних источников, не считая иностранную военно-финансовую поддержку и гуманитарную помощь, руководство ИЭА ухитрилось вести войну, содержать государственный аппарат и даже декларировать намерение поднять экономику?

Известно, что по самым приблизительным подсчетам в период 1995–1997 гг. ежемесячные расходы талибов на военные операции оценивались в 15 млн. долларов²³.

Талибы утверждали, что им удалось наладить фискальную систему и даже в разоренной войной стране собирать налоги. По свидетельству маулави Абдул Баки — начальника налогового управления (*мостуофиат*) в провинции Газни в 1997 г. было собрано налогов на сумму 1,838 млн. афгани, а в 1998 г. эта сумма увеличилась еще на 610 млн. афгани. Объясняя причины роста поступлений налогов в казну, А. Баки объявил это следствием того, что «в стране воцарился мир и наладилась торговля»²⁴.

Однако, несомненно, главным источником доходов правительства ИЭА, как не раз отмечали российские и зарубежные исследователи, стало производство и контрабанда наркотиков²⁵.

Известно, что культура разведения опийного мака и конопли насчитывает в Афганистане не одно столетие. Наркомания существовала в этой стране всегда, но никогда не рассматривалась обществом как социальная угроза и декларируемые властью меры по борьбе с наркоманами, «чарси», не перерастали в решительную кампанию.

О толерантном, если не больше, отношении власть предержащих к наркомании свидетельствует следующий пример из истории. Эмир Хабибулла Гази (Бачайи Сакао) в одном из своих первых выступлений перед народом говорил следующее: «Вы свободны! Мо-

---

²² Вафа. 31.10.1997.

²³ Казем С.А. Афганистан дар телсеме дайрейи шайтанийи мосибат (Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий), Пешавар, 1997, с. 38.

²⁴ Анис. 9.10.1997.

²⁵ См. напр.: Арунова М.Р. Война и наркобизнес в сб. Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 31–38.

жете играть в карты, курить чарс, но берегитесь! — не пейте вина. Если будете пить вино, муллы вас накажут»²⁶.

Настоящий наркотический бум начался в годы гражданской войны, когда лидеры муджахедов, среди которых выделялся глава ИПА Г. Хекматъяр, поставили производство наркотиков на промышленную основу. (Г. Хекматъяр имел собственную фабрику, и, видимо, не одну, по производству героина из опийного мака с помощью химических добавок, прекурсоров). Вот как описывает становление производства героина из афганского опия афганский автор С. А. Казем, автор книги «Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий». В глухих и труднодоступных районах приграничной зоны между Пакистаном и Афганистаном, производство героина было налажено уже к концу 1979 г. «В 1979 г., — пишет С. А. Казем, — иностранцы, в первую очередь, американцы и немцы, как безумные бросились в этот район, ввозя с собой приборы для очистки опиума...». «В то время, — продолжает он, — там действовала лишь одна лаборатория по очистке опиума в районе пакистанского города-базара Ланди-Котала... Однако год спустя это положение изменилось и число лабораторий достигло 22, а к 1987 г. уже действовало 60, а позже — число их подскочило до 100. К 1991 г., — продолжает С. А. Казем, — в Пакистане производилось до 70 тонн героина, который расходился по всему миру»²⁷.

Представляется, что автор цитируемой книги приводит не совсем точные, несколько упрощенные свидетельства, но в целом они отражают тенденцию неуклонного и быстрого роста производства героина в годы «джихада». В этот период в полосе пуштунских племен в Пакистане была создана широкая сеть героиновых лабораторий, появились богатые наркодельцы и их покровители, к числу которых относился, по некоторым сведениям, губернатор СЗПП отставной генерал Фазл-е Хак²⁸. К производству героина из афганского опия и самого опия-сырца надо добавить изготовление гашиша из конопли.

В годы, последовавшие за падением афганского правительства М. Наджибуллы, производство героина стало перемещаться из Пакистана в Афганистан, а возделывание опийного мака в услови-

---

²⁶ Азад Афганистан. № 10, август 1999, с. 50.

²⁷ Казем С.А. Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий, с. 47.

²⁸ Белокреницкий В., Жмуйда И. Пакистан: экономические и политические противоречия//Азия и Африка сегодня, 1986, № 8, с. 31.

ях разрухи и общего хозяйственного упадка возросло и охватило не только южные и восточные провинции страны, но и некоторые другие её районы. К середине 1990-х годов в Афганистане, согласно оценкам ООН, ежегодно производилось до 2–3 тыс. метрических тонн опия и опиатов.

Руководство движения Талибан с момента своего появления не раз заявляло о своей решимости покончить с наркобизнесом. Неприятие талибами наркотиков, как и табакокурения, было частью идейной и пропагандистско-идеологической программы движения Талибан (см. выше).

Вместе с тем, в первые годы войны с муджахедами талибы не могли пойти на непопулярные меры по ограничению посевов и сбора наркосодержащих растений. Помимо опийного мака к ним относилась местная конопля, служившая сырьем для производства гашиша. Будучи крестьянской по сути армией, талибские войска в большой степени зависели от поддержки земледельцев, в том числе бедных и беднейших его слоев, которым зачастую не хватало посевного зерна и средств, способствующих плодородию почвы, для производства достаточного количества пшеницы и других продовольственных и кормовых культур. На первом этапе программные цели борьбы с производством наркотиков оставались лишь декларациями. При этом еще одной причиной их терпимого отношения к выращиванию мака была материальная. Следуя примеру своих противников, талибы негласно облагали сборами крестьян-производителей наркосырья и тем пополняли запасы своей казны. Вырученные деньги шли на содержание войска (выдачу небольшого жалованья талибам), ведение боевых операций и покрытие административных расходов. Нужно иметь в виду, однако, что война талибов с их противниками велась в основном старым оружием, оставшимся со времен джихада. Поставки нового оружия из Пакистана осуществлялись на безвозмездной основе. В наличии такой возможности как пополнение запасов оружия и снаряжения из Пакистана нужно видеть одну из существенных причин успехов талибов, особенно после 1998 г., когда старое вооружение у воюющих сторон пришло в расстройство или полную негодность, а пополнять новое помогали талибам пакистанские военные, а также щедрые пожертвования, поступавшие по частным каналам из арабских стран Персидского залива²⁹. Таким образом, война не стоила

---

²⁹ *Ferguson J. Taliban. The Unknown Enemy, p. 187–188.*

талибам слишком больших средств, вместе с тем, часть из них они получали благодаря наркоторговле.

В последние годы своего правления, в связи с появлением нового существенного для них источника финансирования со стороны Усамы бен Ладена и сторонников Аль-Каиды, руководство Талибан решило проводить более жесткую политику в отношении наркопроизводства. Созданная ими Высшая комиссия по борьбе с наркотиками 8 июня 1998 г. выступила с заявлением о том, что правительство ИЭА приняло ряд практических мер по уменьшению посевов опийного мака и замену его на другие сельскохозяйственные культуры в уездах Шинвар провинции Нангархар, уездах Хакриз, Гур, Майванд провинции Кандагар. Далее в заявлении сообщалось, что 1 июня 1997 г. в присутствии иностранных дипломатов, журналистов и сотрудников ООН талибы сожгли 2 тонны опиума³⁰. Однако все это не привело к кардинальному решению проблемы.

Более того, по подсчетам ООН (ее Управления по наркотикам и преступности), производство наркотиков во всем Афганистане достигло к 1999–2000 гг. 3–4 тыс. т. (подр. см. ниже) Заметим, что каждый раз в ответ на критику со стороны международного сообщества руководство талибов оправдывало свою пассивность в борьбе с производителями опийного мака «заботой» о крестьянах, выращивающих это растение для медицинских целей. В феврале 1997 г. тогдашний министр иностранных дел маулави Мухаммад Гаус в интервью, опубликованном эмигрантской газетой «Аму», пытался доказывать, что талибы хотят бороться с культивированием опийного мака на подвластной им территории, однако без международной помощи и финансовой компенсации крестьянам сделать это практически невозможно. Но еще в 1999 г., по данным эмигрантского журнала «Азад Афганистан», талибы продолжали взимать налоги (ушр) с посевов опийного мака в провинциях Кунар, Лагман и Нангархар. Только в одной провинции Лагман талибы получили в том году в качестве десятины более 1000 кг. опия.

Между тем, поток наркотиков из Афганистана никогда не прекращался, причем, судя по всему, занимались контрабандой обе воюющие стороны. Газета «Хамбастеги», выходящая в Душанбе и поддерживающая Северный альянс, признавала, что «теперь зона распространения наркотиков охватывает всю территорию, под-

---

³⁰ Иттифаки ислам. 13.06.1998.

властную талибам, и небольшие участки, подвластные Исламскому Государству Афганистан»³¹.

В 1999 г. руководство талибского режима с целью выхода из международной изоляции и исправления критической ситуации в экономической области предприняло решительные меры. Помимо введения полного запрета на курение, оно ввело карательные меры, снижающие привлекательность выращивания опиийного мака. В 2000 г. талибы пошли на реальный запрет на производство опиума, допустив до контроля над выполнением указа муллы Омара международных экспертов из ООН³². Под страхом жестокого наказания крестьяне в основном отказались от посевов мака, так что урожай 2000–2001 г. (мак созревает и убирается весной) снизился на порядок, до 150–185 т.³³

Необходимо отметить, что запрет, по мнению большинства наблюдателей, отрицательно сказался на популярности Талибан, а оно к тому времени контролировало ситуацию почти на всей территории Афганистана. Зато у международных чиновников он встретил поддержку, и они продолжали сотрудничать с талибами и весной 2001 г., несмотря на возмущение в мире, вызванное уничтожением статуй Будды в Бамиане.

Столкнувшись с исключительно тяжелой экономической ситуацией на подконтрольных им территориях, талибы были вынуждены вступить на путь неизбежной для любого революционного, в том числе консервативно-революционного, режима трансформации из движения в правящую бюрократию. Нельзя поэтому сказать, что талибы не предпринимали каких-то действий, направленных на восстановление определенных участков хозяйства страны, особенно пострадавших от боевых действий. Так, они приступили к разминированию части территорий, в первую очередь сельскохозяйственных угодий; восстановлению системы *кяризов* (подземных водных галерей, используемых для орошения) и какой-то части оросительной системы в Джелалабадской долине; провели ремонт и ввод в эксплуатацию электростанций Сароби и Наглу и электросетей в Кабуле, Кандагаре и других городах. Были так-

---

³¹ Хамбастеги. 5.03.2000.

³² The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 222–223.

³³ См., например, данные Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) в: Cordesman A.H. The Forces Shaping Transition in Afghanistan, 2014–2016. Wash., 2014, p. 231, 235–237.

же проведены необходимые ремонтные работы на трассе Кандагар — Герат — Кабул. Ее талибы использовали как в военных, так и в мирных целях.

Отметим, что если успехи талибов в создании «исламской экономики» были весьма скромны, а предпринимавшиеся ими действия носили временный и паллиативный характер, то вполне осязаемыми были достижения в области строительства новых мечетей и медресе. Они ускоренными темпами строились в каждой провинции, каждом уезде и деревне. При этом система образования охватывала только мальчиков, и относилась более к военной (подготовка новых кадров для своих отрядов), чем гражданской области.

В последние годы правления талибов наиболее острой и актуальной проблемой для властей ИЭА оставалась ситуация с продовольствием. Боевые действия привели не только к разрушению структуры сельского хозяйства, но заставили десятки тысяч людей бежать из родных мест, бросая свои дома и угодья. Война привела к тому, что значительная часть населения страны, лишенная средств к существованию, оказалась на грани голода. Ситуация усугублялась тем, что в 1998–2001 гг. на страну обрушились стихийные бедствия: землетрясения, сильные наводнения, лесные пожары, засуха, неурожай. Особенно сильное влияние на экономику оказала повторявшаяся из года в год знойная засушливая погода, крайне чувствительная в 2000–2001 гг.

Вначале талибы пытались решить продовольственную проблему в свойственном им духе. Спустя два месяца после прихода к власти они объявили о том, что ими разработана «продовольственная программа», которая должна решить все трудности населения. Однако вскоре маулави Х. Захед, отвечавший за обеспечение населения продуктами питания, разъяснил, что эта программа в первую очередь рассчитана на удовлетворение «нужд армии и чиновников». По заявлению Х. Захеда, трудности с выполнением программы были связаны с тем, что правительство не располагало необходимыми средствами и обратилось к купечеству, договорившись с ним о поставках продовольствия в кредит. Однако закупать продовольствие и для купечества оказалось делом весьма непростым. По словам одного из кандагарских купцов, торговцы, вынужденные соглашаться с требованиями талибов, планировали закупать рис и сахар в Пакистане, чай в Малайзии, муку и пшеницу в Киргизии, топливо в Туркменистане. Между тем цены на эти това-

ры оказались много выше, чем рассчитывали торговцы и закупки не осуществлялись в запланированных объемах³⁴.

В целом, «продовольственная программа» талибов не принесла нужных результатов. Исключительно тяжелая ситуация сложилась в стране зимой 1999 г., когда Пакистан закрыл границу, чтобы преградить путь контрабандному вывозу пшеницы из СЗПП и зоны племен (Территории племен федерального управления, ТПФУ, главным образом из южной части этой территории, известной как Вазиристан). Правда, уже вскоре Исламабад согласился предоставить талибам пшеницу и муку на льготных условиях, предусмотренных соглашением 1997 г. В целях спасти власть талибов Пакистан и после введения первых санкций ООН против талибов (в сентябре 1999 г.) согласился поставить в Афганистан в экстренном порядке 25 тыс. т. пшеницы³⁵.

Если бы не международная гуманитарная помощь, ситуация в Афганистане оказалась бы еще более катастрофической. По данным пакистанской газеты «Ньюс», ООН, согласно Международной продовольственной программе, направила для афганских беженцев внутри страны (так называемых «внутренних переселенцев») большое количество муки – за 10 месяцев 2000 г. около 100 тыс. т. Между тем, дефицит зерна в Афганистане на 2000–2001 гг. оценивался в 2,3 млн. т.³⁶

Несмотря на дефицит, талибские власти умели «сохранить лицо» и показать приезжающим, что дела у них обстоят неплохо. Так, на улицах больших городов редко при талибах можно было встретить нищих. Объяснение этому феномену (понятному, впрочем, еще и потому, что попрошайничество имеет смысл лишь при наличии туристов или сердобольных местных богачей) можно найти в письме из Афганистана, напечатанном в эмигрантском журнале «Аинейи Афганистан»: «Как только патрули талибов замечают нищих, — говорилось в нем, — они дают им пищу, одежду и даже деньги и быстро спроваживают их с улиц. Поэтому в Кандагаре и других крупных городах нищих не видно»³⁷.

В этом же письме говорилось, что в Кабуле, Кандагаре, Мазари-Шарифе все магазины заполнены всевозможным товаром, в

³⁴ Гиндукуш. 17.12.1996.

³⁵ Dawn. 22.12.1999.

³⁶ The News. 5.12.2000.

³⁷ Аинейи Афганистан. № 76, апрель 1999,

том числе, предметами роскоши. Простой народ, который голодает, не может их покупать, поскольку не имеет денег. «Только талибы, имеющие деньги, покупают все, что хотят» — замечал автор³⁸.

Действительно, покупательная способность большей части населения была крайне низка и за годы пребывания талибов у власти имела тенденцию к сокращению. В конце 2000 г. Международная продовольственная программа ООН провела исследование покупательной способности населения Афганистана. В качестве критерия материальной обеспеченности было принято количество муки, приобретаемое на всю заработную плату одним работающим. Выявилась крайне неблагоприятная ситуация: в Мазари-Шарифе один работающий мог прокормить лишь еще одного человека, в Герате — с трудом двух иждивенцев. И только в Джелалабаде и Кандагаре один работающий мог обеспечить семью из шести человек.

Эти же исследования показали, что миграция сельского населения в города в поисках работы, значительное число безработных, постоянный рост цен на продукты питания привели к тому, что за год в крупных городах, таких как Кабул, Кандагар, Джелалабад, Герат, Мазари-Шариф, Файзабад, покупательная способность населения резко сократилась — в Мазари-Шарифе на 32%, в Файзабаде на 57%, в Герате на 50%. Увеличение рынка труда повлияло и на его расценки. Так, в Мазари-Шарифе оплата труда поденного рабочего снизилась до 36 центов в день (по официальному курсу обмена афгани на доллар)³⁹.

Между тем, талибские улемы, опасаясь возмущения населения, старались внушить народу, что все их нынешние беды — это расплата за грехи, за нарушение законов ислама. В календаре на 1997–1998 гг., выпущенном Министерством информации и культуры ИЭА, был напечатан «благородный хадис» со ссылкой на Ибн Аббаса Резу, в котором содержались следующие сентенции. «Не было ни одного племени, которое, нарушив предначертания Всевышнего, не испытало бы бедность и нищету». «Не было ни одного племени, где случалось прелюбодеяние, чтобы в нем не произошли убийства». «Не было ни одного племени, в котором обвешивали покупателей, чтобы оно не пострадало от засухи и неурожая». «Не

---

³⁸ Там же.

³⁹ The News. 4.12.2000.

было ни одного племени, которое прекратило вносить закят, чтобы на него не обрушилась страшная засуха»⁴⁰.

Несмотря на подобные «объяснения», на подконтрольных талибам землях все чаще раздавались требования наладить нормальную экономическую жизнь. Отражая эти настроения, эмигрантский журнал «Афганистан» писал, что обеспечение «безопасности населения», чем гордились талибы, «еще недостаточно для того, чтобы удовлетворить жизненные потребности населения»⁴¹.

Еще в более резком тоне высказывался другой эмигрантский журнал — «Аинейи Афганистан», написавший, что талибы за годы своего правления в полной мере доказали свою неспособность проводить нужную политику и управлять государством, что привело к нежелательным последствиям — росту преступности, разрухе и нищете⁴².

К 2000 г. продолжающаяся война и международная изоляция не оставили талибам шанса добиться осуществления амбициозных проектов по прокладке нефте- и газопроводов из Туркмении через территорию Афганистана до южных портов Пакистана. А на этом они надеялись заработать солидные дивиденды.

Не удалось талибам и привлечь иностранных инвесторов для разработки природных богатств, хотя проталибские издания широко рекламировали наличие в недрах Афганистана таких стратегических ископаемых, как нефть, газ, уран, медь, цинк, молибден, свинец, золото, бериллий, литий, тантал, барий, асбест и др.⁴³

Обещания руководства талибов создать в Исламском Эмирате образец «новой жизни» на основе «исламской экономики» на деле оказались пустыми декларациями.

Приход талибов к власти стал подлинным триумфом для той части афганской религиозной элиты, которая традиционно выступала за создание «исламского государства» и поддержала талибов в их стремлении построить государство, основанное на законах шариата.

---

⁴⁰ См: Календарь на 1997–1998 гг. Издательство военной типографии в Кабуле.

⁴¹ Афганистан — Талибан и мировая политика. Указ. соч., с. 146.

⁴² Аинейи Афганистан. № 78, август 1999, с. 28.

⁴³ Азад Афганистан. № 2, июль-сентябрь 1999, с. 260–262.

Известно, что еще в империи Дуррани «мусульманское духовенство поставляло кадры судей, ведало государственной благотворительностью, а также всеми учебными заведениями страны»⁴⁴.

Однако в процессе исторического развития духовенство постепенно утрачивало свои позиции, уступая их светской власти. К началу правления короля Амануллы-хана афганская религиозная элита главным образом продолжала борьбу за влияние на две сферы общественной жизни, которые она привыкла считать своей вотчиной, — судопроизводство и образование.

Борьба между духовенством и светской властью велась с переменным успехом. Афганские конституции, начиная с первой 1923 г., фиксирующие результаты этого противостояния, позволяют выявить одну определенную закономерность: всякий раз, когда светская власть слабела, позиции духовенства в области юриспруденции и просвещения усиливались и наоборот. Напомним, что первый серьезный удар по позициям духовенства в области юриспруденции был нанесен судебной реформой короля Амануллы-хана⁴⁵. Разработанное при его личном участии Положение о судах серьезно ограничило полномочия шариатских судей, ввело четыре вида судов и отделила дела «подсудные богу» от дел «подсудных человеку»⁴⁶.

После краткого правления короля Надир-шаха, когда духовенству удалось восстановить свои пошатнувшиеся позиции, в дальнейшем, начиная с восхождения на престол короля М. Захир-шаха (1933) и вплоть до падения режима президента М. Наджибуллы (1992), влияние духовенства и его контроль над судом и школой были сведены практически на нет.

В Конституции 1964 г., принятой при Захир-шахе, было зафиксировано важное положение о том, что «соблюдение религиозных норм и обрядов» не является обязательным, как это было определено в прежней (1931 г.) Конституции Афганистана, что прямо свидетельствовало о потере влияния духовенства на жизнь афганского общества⁴⁷.

---

⁴⁴ Ганковский Ю.В. Империя Дуррани. М., 1958, с. 49–50.

⁴⁵ См. подр.: Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М. 2013, с. 42–53.

⁴⁶ Азад Афганистан. № 2, июль-сентябрь, 1999, с. 213.

⁴⁷ Конституция Афганистана. Кабул, 1964 (на русском языке), с. 24–25.

Вообще-то амбиции определенной части афганской религиозной элиты не ограничивались лишь сферой образования и юриспруденции, а простирались гораздо дальше. Исповедуя принцип нераздельности духовной и светской власти, она всегда мечтала руководить страной, или, по крайней мере, всей духовной жизнью общества, чтобы тем самым быть инкорпорированной в политическую структуру власти. Однако она никогда не обладала достаточной силой, чтобы пытаться ликвидировать светскую власть и занять ее место, предпочитая идти с ней на компромиссы и сотрудничество.

При этом религиозная элита оставалась лояльной к светской власти лишь до тех пор, пока не затрагивались ее корпоративные интересы, социальные и экономические. Стоило духовенству почувствовать угрозу своим привилегиям и положению в обществе, как оно вступало в конфликт с государственной властью, зачастую инспирируя выступления населения под лозунгами защиты ислама против неугодных правителей (так было при Аманулле, так было и во время нахождения у власти НДПА). Радикально настроенные улемы всегда лелеяли тайную мечту видеть Афганистан «подлинно» исламским государством, где духовная и гражданская власть была бы в руках «наместника Аллаха на земле», а сами они являлись бы на деле вершителями судеб страны.

Придя к власти, как уже отмечалось, талибы создали два центра политической власти — в Кандагаре и Кабуле. Видимо, это и обусловило, в свою очередь, создание двух «юридических зон». Центр одной из них располагался в Кандагаре, где находилась резиденция Верховного Судьи (*кази уль-кузат*). В его компетенцию входили судебные дела в южном, западном и центральном регионах страны — провинциях Забул, Кандагар, Урузган, Гильменд, Фарах, Нимруз, Герат, Бадгис, Гхор. В Кабуле, располагался аппарат другого Верховного Судьи, который являлся председателем Верховного Суда. В его ведении, помимо Кабула и Кабульской провинции, были все остальные области, входящие в состав Исламского Эмирата. Оба Верховных судьи обладали одинаковой компетенцией и равными правами⁴⁸.

Что же представляла собой сфера талибского судопроизводства — одного из мощнейших инструментов установления нового исламского правопорядка? Здесь мы не будем касаться тех осно-

---

⁴⁸ Азад Афганистан. № 2, июль-сентябрь, 1999, с. 87.

вополагающих компонентов, которые органично присущи любому шариатскому судопроизводству, в том числе и талибскому, хотя и с некоторыми коррективами. Заметим только, что в судах ИЭА в качестве источников права были приняты Коран, а также *сунна*, *кияс*, *иджма*, *урф*, а процессуальные порядки строились на основе ханафитского мазхаба.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляли два ключевых вопроса: какой правовой основой руководствовались в своей практике суды Исламской Эмирата и какова была структура судебно-карательных органов.

Анализ публикаций талибской прессы на указанные темы позволяет выделить несколько основных направлений, которые, видимо, и составляли идеологическую базу талибского правосудия. В тезисном виде их можно свести к следующему:

— власти Эмирата, устанавливая в стране «божественные законы шариата» декларировали, что хотят построить такое общество, в котором бы «никто не смел посягнуть на права другого, а все подданные стремились бы «совершать добрые дела и воздерживаться от дурных поступков»⁴⁹;

— чтобы построить такое идеальное общество, прежде всего предполагалось избавиться от «порочных и беспутных» элементов, которые, по мнению руководства талибов, являлись вредными «микробами» в обществе. Отсюда призывы властей выявлять таких людей и без всякой жалости сообщать о них органам безопасности⁵⁰;

— далее, талибы утверждали, что добиться создания идеального исламского общества одной лишь «пропагандой и призывами из мечетей» невозможно и поэтому необходимо прибегнуть к силе. «Всевышний, — писала газета «Анис», — посылая своих пророков к людям, вручил им «Книгу» (т.е. Коран), чтобы направить их на путь справедливости и человеколюбия, и весы, чтобы измерять их добрые и злые поступки. Но Всевышний также дал пророкам железо, обладающее великой силой. Тем, кто не внимлет наставлениям книги, путь к «беспутству и пороку» будет прегражден силой железа»⁵¹.

---

⁴⁹ Анис. 30.10.1996.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Анис. 17.07.1997.

Выше мы уже указывали, что шариатская юриспруденция Исламского Эмирата в основу своего правосудия положила принцип талиона — *кисас* («возмездие», «равное воздаяние»), которое могло реализовываться в различных формах наказания. По мнению талибских властей, *кисас* должен был играть важную превентивную роль в деле преодоления преступности в стране. «Приведение в исполнение *кисаса*, разработанного для общественной пользы и защиты обездоленных и бесправных слоев населения, — писала газета «Иттифаки ислам», — является величайшим сдерживающим фактором для всякого рода преступлений, развратных и греховных поступков. Каждое осуществление *кисаса* — это уверенный и твердый шаг в сторону построения общества, далекого от насилия и агрессивности»⁵².

Для «устранения вредных микробов общества» в качестве «железа» талибы использовали созданный ими мощный репрессивно-карательный аппарат. Наиболее зловещими в его составе органами были две специально созданные организации — Ихтисаб (первоначально в арабо-мусульманском мире назначение такого органа сводилось к «надзору за правилами торговли, поведением людей в общественных местах») и Амр бе мааруф ва нахи аз мункар (букв. «повеление одобряемого и запрещение осуждаемого») (о них см. также выше в гл.1).

Эти исламские институты, известные со времен первых халифов, основной задачей которых по сути дела являлся надзор за нравственностью, были давно известны и в Афганистане. По данным афганского ученого А. В. Н. Фарахи, эти две организации были весьма активны уже в эпоху Ахмад-шаха Дуррани (1747–1773)⁵³. Король Аманулла-хан предпринял попытку отменить, в частности, институт *мухтасибов* (от *ихтисаб*), но она окончилась неудачей. При короле Надир-шахе Ихтисаб обрел полную силу и выполнял функции исламской «полиции нравов».

Талибы придали Ихтисабу еще более широкие функции. Фактически он превратился в орган политического сыска. При этом в марте 1997 г. указом «повелителя правоверных» муллы М. Омара министерство Ихтисаб было преобразовано в Главное агентурное

---

⁵² Иттифаки ислам. 31.05.1998.

⁵³ Азад Афганистан. № 2, июль-сентябрь 1999, с. 83–87.

управление (ГАУ) и передано в ведение министерства внутренних дел, а его главой назначен мулла Кари Ахмадулла⁵⁴.

Газета «Шариат» в большой статье, озаглавленной «Ихтисаб — правительственное учреждение в Кабуле», указывало на то, что в ходе войны была разрушена вся прежняя государственная система управления и преданы забвению традиции и исламские ценности. Она выражала сожаление, что долгое время был незаслуженно забыт такой важный для «благополучия» страны орган как Ихтисаб. Далее, газета утверждала, что при прежних режимах подбор и расстановка кадров на государственные посты всех уровней осуществлялись по принципу nepoтизма, партийной, клановой, племенной солидарности и личной преданности, без учета профессиональных и моральных качеств человека. Учитывая подобную ситуацию, власти Исламского Эмирата Афганистан, в целях избавления от саботажников, профессионально непригодных и аморальных чиновников, решили покончить с системой протекционизма при отборе кандидатов на государственные посты и впредь руководствоваться исключительно такими критериями, как профессионализм, высокая мораль и религиозное благочестие.

Газета подчеркивала, что именно Ихтисаб призван очистить государственный аппарат от профессионально непригодных и не приемлющих законы исламского государства работников, а на их места принимать только «благочестивых и знающих» специалистов.

Весьма характерным для талибских властей был призыв к населению сотрудничать с органами Ихтисаб, то есть фактически заниматься доносительством. В цитируемой статье сотрудникам Ихтисаб предписывалось относиться к посетителям этого учреждения «по-товарищески и с любовью», гарантировать им сохранение тайны их обращения в органы правосудия и защиту от преследования тех, на кого они жаловались⁵⁵. О том, как действовал Ихтисаб, свидетельствовал, в частности, тот факт, что в ноябре 1997 г. с государственной службы были уволены сотни чиновников, в том числе 70 преподавателей Кабульского университета, обвиненных в инакомыслии и приверженности «коммунистической» идеологии⁵⁶.

---

⁵⁴ Хивад. 8.03.1997.

⁵⁵ Шариат. 27.11.1997.

⁵⁶ Емрузи ма. 30.11.1997.

Но наиболее печальную известность среди населения приобрела организация Амр бе мааруф ва нахи аз мункар, которую афганцы прозвали Мункар ва Накир (по именам двух ангелов, допрашивающих и наказывающих грешников после их смерти). О том, какое значение придавали талибы этому органу, выполняющему, как и Ихтисаб, функции «полиции нравов», говорит тот факт, что, в соответствие с фирманом муллы Омара за № 980 от 04.05.1998 г. управление Амр бе мааруф ва нахи аз мункар было преобразовано в министерство⁵⁷.

О характере его деятельности можно было судить по сообщениям газет. Так, «Тулуйи афган» информировала население о том, что шариатский суд осудил ряд лиц, задержанных сотрудниками министерства: одни из них обвинялись в том, что, вопреки указаниям шариата, подстригли бороды; другие в том, что во время, положенное для намаза, продолжали торговать; третьи были арестованы за игру в карты⁵⁸. Другая газета «Иттифаки ислам» извещала о том, что сотрудниками министерства были конфискованы музыкальные инструменты, а музыканты были «строго предупреждены!»⁵⁹. Та же «Иттифаки ислам» сообщала о решении гератского управления «полиции нравов» запретить владельцам магазинов и лавок, под страхом сурового наказания, украшать стены «безнравственными» снимками и репродукциями⁶⁰.

Новым в системе религиозно-судебных органов стало создание трибуналов из трех шариатских судей, которые наделялись правом вынесения любого наказания, вплоть до смертного приговора, приводимого в исполнение после утверждения его высшим руководством Исламского Эмирата⁶¹.

Преступлениями, совершаемыми военными служащими, занималась главная военная прокуратура, которую возглавлял мулла М. Фарук, а также специальные военные суды, которыми руководил маулави Г. Хайдар.

Самое пристальное внимание руководство талибов уделяло моральному состоянию своих вооруженных сил и усилению контроля над армией. В конце 1997 г. началась «генеральная чистка» в

---

⁵⁷ Анис. 26.05.1998.

⁵⁸ Тулуйи афган. 5.03.1997.

⁵⁹ Иттифаки ислам. 13.06.1998.

⁶⁰ Иттифаки ислам. 31.05.1997.

⁶¹ Тулуйи афган. 14.11.1997.

армии. Согласно фирману муллы Омара, была создана Чрезвычайная комиссия Тасфийе аль-саф (букв. «очистка рядов») во главе с маулави Абдуррашидом. Необходимость создания этого, еще одного, карательного органа официально объяснялась тем, что «некоторые враги ислама хотят вбить клин между талибами и народом». В обязанности Тасфийе аль-саф вменялось следить за нравственным обликом военнослужащих. Они не должны были отпускать волосы до плеч, курить, обязаны были совершать 5 раз в день молитву и не заниматься мародерством. Видимо, это последнее обстоятельство и послужило истинной причиной чисток, поскольку население не раз выражало возмущение бесчинствами талибов.

Не случайно начальник военного отдела «полиции нравов» маулави Абдулхай в своем выступлении перед бойцами внушал им, что сохранение государственного имущества является священной обязанностью каждого бойца, а его расхищение будет расцениваться как предательство, могущее привести к поражению «святого дела талибов»⁶².

Что касается политики талибов в области образования, то здесь главным было стремление полностью перевести весь образовательный процесс на религиозную основу, чтобы готовить преданные движению Талибан кадры чиновников и специалистов различных уровней. Дело в том, что для построения нового общества «всеобщей исламской справедливости» талибы остро нуждались в разветвленном бюрократическом аппарате, особенно в специалистах среднего и низшего звена. За годы войны из Афганистана эмигрировало несколько миллионов человек (до пяти миллионов или больше), среди которых оказалось значительное число тех, кто составлял истеблишмент прежних режимов, начиная от монархии и кончая правлением президента Наджибуллы. Спасаясь от войны, из страны бежали государственные чиновники, специалисты в различных отраслях национального хозяйства, представители торгового капитала и почти вся интеллигенция.

Газета «Анис» в статье «Острая потребность в кадрах» признавала, что правительство ИЭА испытывает крайнюю нужду в кадрах специалистов для «социально-экономического развития страны» и выражала надежду, что благодаря усилиям властей в страну вернутся «специалисты-эмигранты», а также будут приняты меры для «подготовки специалистов в стране». Главное, что подчеркивалось

---

⁶² Тулуйи афган. 24.05.1998.

в статье, это требование к специалистам «быть благочестивыми, набожными людьми, соблюдающими все законы ислама»⁶³. Поэтому новые власти развернули работу по созданию в стране сети школ-медресе, которые они считали главной опорой своего режима и орудием исламизации общества.

Именно на выпускников медресе, которые со временем должны были составить новую, преданную властям ИЭА религиозную прослойку общества, делали ставку лидеры талибов, видя в них главных проповедников «божественных законов». Выступая перед преподавателями и студентами высшего медресе «Джам-е Шариф» в Герате, тогдашний и. о. министра просвещения Сайид Гиясуддин Ака заявил: «Законы и указы государств никогда не бывали прочными и непоколебимыми. Вечны только догмы и принципы ислама. И причина этого в следовании божественным указаниям и законам шариата пророка Мухаммада, которые вечны и постоянны и включают в себя все счастье и праведность обоих миров»⁶⁴.

Выше уже отмечалось, что пресса Исламского Эмирата чуть ли не каждый день сообщала об открытии новых медресе и мечетей. Более того, прежним светским школам — *мактабам* — также стал придаваться религиозный характер. (Насколько мы можем судить, даже само название «мактаб» исчезло из лексикона талибских «просветителей» и вместо него стал употребляться термин *медресейи асри* — «современное медресе».)

Как тут не вспомнить демагогические рассуждения «слуги ислама» — Бачайи Сакао, завладевшего Кабулом в 1929 г. и правившего под именем Хабибуллы, явно направленные на то, чтобы польстить духовенству. Выступая перед толпой народа, созданной глашатаями ко дворцу в Кабуле, только что взошедший на престол эмир говорил: «Я слышал от мулл, что страна разрушается учащимися школ (мактабов) и все наказания ниспосланы нам за их дурное поведение. Одним из признаков приближения Страшного суда является то, что родители, избегая медресе, отдают своих детей учиться в мактабы»⁶⁵.

О масштабах строительства религиозных школ, предназначенных только для мальчишек, можно судить хотя бы по такой статистике. Только в одной Нангархарской провинции, если ве-

---

⁶³ Анис. 27.10.1997.

⁶⁴ Иттифаки ислам. 31.05.1997.

⁶⁵ Аинейи Афганистан. № 78, август 1999, с. 50.

ритель данным газеты «Анис», действовало 313 начальных, средних, высших и специальных (*дар уль-хафезин* — готовящих чтцов Корана) «религиозных современных школ», в которых преподавали 3200 учителей-мударрисов и обучались 200 тыс. учеников (талибов)⁶⁶.

В дополнение к тем многочисленным медресе, которые функционировали в Исламском Эмирате, часть медресе была переведена из Пакистана. Кари М. Тайеб, директор одного из таких медресе, причину переезда школы в Афганистан объяснил тем, что все преподаватели выразили желание послужить делу «воспитания будущего поколения» и обратился с призывом ко всем улемам и ученым отдать все силы этому благородному делу.

В заключение хотелось бы отметить еще одно обстоятельство. Амбиции талибской религиозной элиты в сфере просвещения и образования не ограничивались только стремлением поставить систему образования на религиозную базу. Помимо проповеди нравственного пуризма, талибские улемы занялись проблемой языкового очищения. Один из таких новоявленных пуристов маулана Ахмад-Деобанди в статье «Следует уважать свою культуру» со страниц газеты «Анис» обратился с призывом к населению перестать употреблять иностранные слова, а от Академии наук потребовал подыскать иностранным терминам адекватную замену на базе собственного языкового материала, причем с уклоном в сторону языка пушту. Он сам предложил список из 135 неологизмов, которыми предлагал заменять иностранные термины⁶⁷.

Не надо думать, что строгое правосудие, о котором постоянно заявляли и публично объявляли талибы оставалось только на бумаге и служило целям абстрактного устрашения. Публичные казни и исламские наказания на определенных этапах правления талибов становились непременным атрибутом власти. Заметим, что в этом отношении талибы во второй половине 1990-х годов пошли дальше своих пакистанских предшественников. Режим генерала М. Зия-уль-Хака за десятилетие до талибов создал шариятские суды и ввел в судебную практику почти тот же набор исламских наказаний. Однако случаи применения таких варварских мер, как

---

⁶⁶ Анис. 27.10.1997.

⁶⁷ Там же.

отсечение рук за воровство, побивание камнями и т. п. были единичны⁶⁸.

Между тем, талибы не только провозглашали, но и на деле применяли исламские наказания (*худуд*), причем в назидание и устрашение совершали это при большом стечении народа. Отметим, что речь шла о возрождении таких средневековых видов наказаний, как побивание камнями лиц, уличенных в прелюбодеянии (что часто было весьма сомнительно, ибо согласно предписаниям Корана, требовалось не менее четырех свидетелей, которые подтвердили бы этот факт); отсечение рук и ног вора и грабителям, или битье их кнутом, иногда до смерти; казнь убийц через повешение и т. п. «Талибы, — писал эмирантский журнал «Пайами зан», — подобно правителям древнего Рима, устроили публичную казнь на стадионе Герата. Приговоренному к смерти крепко связали руки и ноги веревкой, другой конец которой в виде петли накинули ему на шею. Затем его медленно подняли лебедкой и оставили висеть в таком положении, чтобы устроители казни смогли полюбоваться его предсмертным страхом и мучениями»⁶⁹.

После занятия талибами Кабула там почти каждую неделю устраивались казни через повешение, наказание кнутом и отрубание ворами правой руки. Пакистанский журналист наблюдал это собственными глазами и видел, как талибы загоняли людей на стадион, где происходило это зрелище, целыми семьями с женщинами и детьми⁷⁰.

Публичные казни и наказания вызывали у населения крупных городов, прежде всего, Кабула, где большинство населения составляли таджики, а доля пуштунов равнялась всего четверти, страх, панику и ужас. Нашествие воинства, сельского по составу и этнически отличающегося от основной массы горожан, приводило к параличу городской жизни.

Следует признать, что власти ИЭА были суровы и беспощадны не только к населению, но и к своим бойцам — талибам. Например, в августе 1999 г. на кабульском стадионе, в присутствии тысяч горожан, состоялась публичная казнь пятерых талибов, уличенных в грабеже. Каждому из них отсекали часть ноги и руки⁷¹.

---

⁶⁸ *Talbot I. Pakistan. A Modern History. N.Y., 1998, p. 275.*

⁶⁹ *Пайами зан. № 44, сентябрь 1996, с. 53.*

⁷⁰ *The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 128–129.*

⁷¹ *Гиндукуш. 14.08.1999.*

Подобных примеров можно было бы привести достаточно много. Нет необходимости описывать все те бесчеловечные и жестокие виды наказаний, к которым прибегали талибы, расправляясь с нарушителями их законов.

Тема эта достаточно широко и подробно освещалась в работах российских и зарубежных авторов, а также средствах массовой информации многих стран⁷².

При этом обращает на себя внимание одно обстоятельство. Во многих публикациях на эту тему красной нитью проходил тезис о том, что репрессивно-карательная практика талибов — это явление совершенно беспрецедентное, как для Афганистана, так и для ислама вообще. Так, афганский историк и правовед доктор С. Т. Джавад, проживающий в США, утверждал в интервью корреспонденту Би Би Си, что жестокие запреты, установленные талибами, нельзя встретить ни в одной исламской стране, будь то «арабские государства с консервативными или революционными режимами». Охарактеризовав талибов как экстремистов и людей с ограниченным кругозором, С. Т. Джавад заявил, что многие исламские религиозные авторитеты «рассматривают политику талибов как оскорбление ислама, религии милостивой, милосердной и человеколюбивой»⁷³.

Никоим образом не оправдывая драконовских мер талибов, напомним, что суровые виды наказаний, разработанные еще в период раннего ислама и закрепленные в мусульманском праве (*аль-фикх*), всегда существовали и действовали в мусульманском Афганистане. Только диапазон их применения при талибах был все же несравнимо больше, чем при прочих правителях Афганистана в XX в.

Следует подчеркнуть, что наряду с проявлениями крайней жестокости политика властей ИЭА характеризовалась еще одной чертой — стремлением всячески подавить права личности, унижить человеческое достоинство. У талибов попрание прав личности выражалось прежде всего в насильственной регламентации всех сторон общественной жизни и личной жизни индивида. Под лозунгами возрождения шариата власти диктовали человеку, как ему одеваться, что ему есть и пить, как проводить свой досуг, куда можно ходить и т. п.

---

⁷² Подр. см: А.Д. Давыдов. Режим талибов: жесткая исламизация в сб. Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 47–57.

⁷³ Гиндукуш. 10.03.1997.

Приведем в качестве примера такой факт. В начале 1997 г. по случаю начала мусульманского поста (*пуза*) маулави И. Балиг, тогдашний начальник кабульского управления «полиции нравов», издал указ, в котором населению предписывалось: под страхом наказания не принимать пищу в общественных местах; женщинам разрешалось выходить из дома только в трех случаях — за покупками на базар, по болезни и на похороны. При этом И. Балиг предупреждал, что, хотя его стражи порядка (*насдары*) и не будут заходить в частные дома, тем не менее будут зорко следить за соблюдением всех правил и наказывать виновных. Даже нищим под страхом наказания запрещалось в общественных местах заниматься «обеспечением себя пищей»!⁷⁴

Талибские борцы за «чистоту ислама» в своем рвении порой доходили до крайности. Зимой 1997 г. «полиция нравов» Нангархарской провинции выпустила указ, согласно которому ни один человек в Джелалабаде и по всей провинции не имел права хранить у себя дома иллюстрированные книги, журналы и газеты. В указе содержалось требование немедленно уничтожить всю печатную продукцию, содержащую иллюстративный материал. В противном случае, не выполнившим это указание, грозили суровые наказания⁷⁵.

Руководство движения Талибан с первых дней своего появления в Афганистане потребовало от населения носить только национальную одежду (мужчинам — белого цвета, женщинам — черного), а наличие бороды было объявлено «исламской обязанностью».

Однако реакционная суть политики властей ИЭА нигде не проявилась так ярко, как в их отношении к женщине. Зерна женского равноправия, некогда брошенные в афганскую почву королем Аманулла-ханом и давшие первые ростки при короле М. Захиршахе, президенте М. Дауде, режиме НДПА, были безжалостно уничтожены талибами.

Талибы не просто одели всех женщин в чадру. Они лишили их права учиться, работать и даже свободно передвигаться. Путем многочисленных запретов и ограничений, подкрепленных карательными мерами, они добились главного: женщина оказалась лишенной всех прав, полностью изолированной, исключенной из

---

⁷⁴ Гиндукуш. 13.01.1997.

⁷⁵ Вафа. 31.10.1997.

общественной жизни; ее существование оказалось полностью ограниченным рамками семьи и дома.

После оккупации талибами крупных городов наихудшие испытания выпадали на долю их женского населения. Войдя в Кабул в 1996 г. талибы по существу обрекли на вымирание 40% женщин, которые до того работали, чтобы прожить, не имея поддержки со стороны мужчин. Некоторое время талибы продолжали платить какое-то жалование ранее работавшим вне дома женщинам, и использовали такую свою благотворительность в пропагандистских целях. Однако откупившись на время таким образом от профессионально подготовленных и привыкших работать женщин, они последовательно перекрывали им возможность реализовать себя на работе вне дома, запрещая нередко даже женщинам-медикам оказывать помощь остро нуждающимся в уходе. Больным женщинам, в то же время, строго запрещалось лечиться у врачей-мужчин. Сентенция талибских мулл гласила: «пусть женщина лучше умрет, чем обратится за помощью к врачу-мужчине». Врачи, решавшиеся оказывать помощь женщинам, шли на большой риск.

Женские школы закрывались. Для девочек оставалась возможность получить лишь элементарное религиозное образование. В некоторых семьях втайне от соседей девочек обучали грамоте, давали и более широкое образование. Однако доносительство, поощрявшееся властями, угнетающе действовало на психику. Характерно, что талибская «полиция нравов» обычно соблюдала правило не вторгаться в чужой дом, но если о том или ином нарушении «поступал сигнал», она врвалась в частные дома, и учиняла допросы и аресты. Среди распространенных грехов, дававших повод в случае доноса, совершать набеги на частные дома, были просмотр сохранившихся видеофильмов, обычно индийского производства, прослушивание звукозаписей, хранение «запрещенных» журналов и книг.

Ставшие впоследствии известными дневники двух афганок из Кабула (Зайны и Латифы) рисуют картину страшной подавленности и потерянности, господствовавшей среди женщин. То же состояние зафиксировала международная организация «Врачи за права человека», которой власти разрешили в 1998 г. провести единую благотворительную акцию (о других популистских мерах последних лет правления талибов см ниже). Как следует из доклада организации, общий климат грубости, оскорблений, тира-

нии сказался на душевном здоровье женщин. Два года правления талибов (1996–1998) привели к тому, что 95% опрошенных женщин указывали на прогрессирующее ухудшение своего здоровья, усталость и расстройства психики. Резко возросло среди женщин число суицидов, весьма редкого явления в мусульманской среде. Некоторые женщины были вынуждены заняться проституцией, хотя ее жестко преследовали власти. Запрет на наркотики в условиях морального упадка и деградации приводил к обратному эффекту, росту наркомании. Показательно, что женщины фактически были исключены из общественной жизни. Единственная при талибах радиостанция «Голос шариата» принципиально обходилась без дикторов-женщин, там нельзя было услышать женский голос⁷⁶.

На фактическом неприятии талибами женщин сказывалась как религиозная индоктринация, так и тот факт, что многие из них были сиротами, не знавшими материнской опеки и любви. Женщины представлялись молодым талибам источником греха. Антифеминизмом некоторые авторы объясняют определенную распространенность в их среде гомосексуальных отношений⁷⁷.

В то же время некоторые исследователи были склонны усмотреть в отношении талибов-пуштунов к женщине некую черту, присущую пуштунскому племенному сообществу. Афганский ученый М. А. Нумйалай в своей книге «Основы социальной истории пуштунов», опубликованной в 1997 г., перечисляя так называемые специфические черты пуштунского характера, пишет, что, хотя пуштуны с уважением относятся к женщине, но считают, что ее место «либо в доме, либо в могиле»⁷⁸.

Можно было бы привести массу фактов, рассказывающих о произволе талибов, творимом в отношении афганской женщины. Ограничимся здесь дополнительно лишь некоторыми красноречивыми примерами, свидетельствующими о том, что в своем стремлении регламентировать все стороны жизни женщины, включая самые «дамские», талибские законники доходили до абсурда.

Некий судья М. Х. Хаккяр, опубликовавший в официозе «Шариат» серию материалов под общим заголовком «Шариатское указание о применении косметики и украшений», давал следующие наставления: «Нельзя использовать такой лак, который, будучи

---

⁷⁶ The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 134–135.

⁷⁷ Ibid., p. 135.

⁷⁸ Нумйалай М.А. Ды паштана ды толаниз тарих мабади. М., 1997, с. 122

нанесен на ногти, образует водонепроницаемый слой. Иначе при омовении вода не сможет дойти до естественной поверхности ногтей, что приведет к нарушению ритуала омовения»⁷⁹.

Более того, наблюдалось явное стремление представить женщину «низшим существом», которому для занятий в доме нет необходимости в получении каких-либо знаний. Маулави А. Заферани, председатель управления по изданию фетв Верховного суда ИЭА, прямо заявил, что «такие науки, как география, история, математика и другие женщинам вообще не нужны...»⁸⁰.

Разумеется, женщина в афганском обществе всегда находилась в бесправном положении, чему есть немало доказательств в афганской истории. По свидетельству М. Г. Губара, женщинам при эмире Хабибулле запрещалось даже носить «белую чадру с блестящими украшениями»; им позволялось носить чадру только серого или темного цвета; не разрешалось выходить «без разрешения» из дома и появляться «без надобности» на улицах, базарах и в других общественных местах⁸¹. Нарушительниц указов эмира и законов ислама ожидало суровое наказание⁸².

Мало чем отличались от талибов и их непосредственные предшественники — муджахеды — по части введения всевозможных запретов и ограничений, касавшихся женского населения страны. Достаточно ограничиться цитированием одного весьма любопытного документа — фетвы Верховного суда Исламского Государства Афганистан от 27 августа 1993 г., который гласил следующее: «...Мусульманские женщины нашего исламского государства по-прежнему продолжают работать в правительственных учреждениях, школах, на радио и телевидении. Они по-прежнему расхаживают по базарам без исламского покрывала. Таким образом, никаких перемен по сравнению с прошлым не наблюдается. В связи с этим выражается серьезное и настойчивое требование ко всем ответственным государственным лицам принять незамедлительные практические меры по претворению в жизнь всех божественных указаний, особенно в части, касающейся ношения чадры и устранения женщин из государственных учреждений. Женские

---

⁷⁹ Шариат. 26.11.1997.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Губар М.Г.М. Афганистан на пути истории. М., 1987, с. 21.

⁸² Там же, с. 23.

школы, на деле являющиеся рассадниками прелюбодеяния и проституции, надо закрыть, а всех женщин с радио и телевидения уволить»⁸³. А 23 июля 1996 г. кабульские женщины выступили с протестом против указания Г. Хекматъяра, ставшего к тому времени премьер-министром, направленного на увольнение всего женского персонала из госучреждений⁸⁴. Вместе с тем, стоит заметить, что при власти муджахедов кабульские женщины еще имели возможность коллективно протестовать. С вступлением в город талибов они ее потеряли.

В последние годы своего правления режим Талибан, понимая, что дискриминационная политика по отношению к женщинам сильно подпортила его репутацию на международной арене, предприняли ряд шагов с целью улучшить представление о себе.

Так, они пошли на беспрецедентный для них шаг — празднование 8 марта. Это событие, разрекламированное печатными органами ИЭА и подхваченное зарубежными СМИ, подававшими это решение чуть ли не как поворот на 180° в политике талибов по отношению к женщине, на самом деле был пропагандистской акцией властей.

В послании лидера талибов по случаю 8 марта подчеркивалось, что этот праздник отмечается в условиях, когда «враждебные исламскому миру страны», используя переживаемые ИЭА трудности, ведут антиталибскую пропаганду, выступают против полного претворения в жизнь положений шариата. Указав на то, что праздник состоялся лишь благодаря новому «счастливному строю», позволившему женщинам чувствовать себя в безопасности, лидер талибов развеял все иллюзии, заявив, что власти и впредь будут добиваться того, чтобы афганские женщины полностью соблюдали нормы шариата⁸⁵.

Одновременно в талибских средствах массовой информации развернулась пропагандистская кампания, в ходе которой публиковались письма и отклики женского населения, в которых они опровергали «измышления» об их бесправном положении и восхваляли режим талибов, якобы полностью обеспечивавший их

---

⁸³ Сабавун. № 3, 22.11.1996, с. 23–24.

⁸⁴ Мизан. 15.01.1996.

⁸⁵ Гиндукуш. 10.03.2000.

права и свободы. Вот несколько выдержек из подобного рода писем, опубликованных в газете «Шариат». Некая вдова по имени Хамида сообщала, что ездила одна без сопровождающего в такси за гуманитарной помощью, а затем, получив ее, также одна вернулась домой. «Никто мне не чинил при этом препятствий, — говорила она. — Мы, женщины, теперь спокойны и свободны. Наши права никто не нарушает, мы довольны властями ИЭА...»⁸⁶. Другая жительница Кабула, вдова по имени Шима писала: «Я очень довольна правительством талибов. Дважды в месяц я езжу в учреждение, где прежде работала, расписываюсь и получаю зарплату. Выходя из дома, я одеваю чадру и никто меня не беспокоит. Я очень довольна тем, что ислам предоставил женщинам все права, а талибы обеспечили их выполнение...»⁸⁷. И далее в том же духе.

Стали печататься материалы о «выдающихся женщинах ислама», вспомнили и об известных афганских поэтессах Рабии Балхи, Заргуне Какар, Махви Бадахши и др. Но любопытная деталь. На торжественном вечере в Кабуле, посвященном памяти Махви Бадахши, выступавшие превозносили не ее поэзию, а благочестие, подчеркивая, что она «прожила всю свою жизнь под «покровом исламского целомудрия, под исламской чадрой» и трудилась согласно исламским законам»⁸⁸.

Надо отметить, что жесткая политика по отношению к населению проводилась талибами не всегда, что объясняется отчасти таким объективным обстоятельством, как нехватка кадров, нужного штата сотрудников. По тем или иным причинам в том числе, как только что отмечалось, внешнеполитического характера, были исключения и послабления.

Запретив сначала все спортивные игры, власти в 1998 г. «милостиво» разрешили футбол. Периоды запретов и публичных наказаний чередовались с относительным затишьем, да и вся ситуация с запретами варьировалась от местности к местности.

Разумеется, беспощадные, бесчеловечные меры, с помощью которых руководство талибов проводило исламизацию общества, нельзя объяснить лишь патологической жестокостью некоторых

---

⁸⁶ Шариат. 14.01.1998.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

руководителей и исполнителей их приказов. Очевидно, что жесткий характер религиозно-политической практики талибов на подконтрольной им территории объяснялся практическими соображениями, стремлением к установлению прочной военно-религиозной диктатуры и желанием создать тоталитарно-теократическое государство, где бы жизнь подданных всецело зависела от воли «повелителя правоверных» и правящей религиозной верхушки. И, как всякий тоталитарный режим, талибы под прикрытием исламских лозунгов прибегали к методам духовного и физического террора, стремясь создать в обществе атмосферу страха и неуверенности.

Таким образом, репрессии и гонения на любое инакомыслие были характерной чертой правления талибов. Их недолгое пребывание у власти можно считать первой серьезной попыткой радикально настроенного афганского духовенства преобразовать судебно-правовую систему и сферу просвещения и образования на исламский лад. Талибы как выразители интересов клерикальных кругов попытались также придать экономической политике государства исламские черты и облечь в исламские одежды существующие частнопрововые отношения. Но из-за слабости государственной машины и ее военизированного состояния они не смогли продвинуться далеко в деле исламизации экономики.

Глава 4. Внешняя политика и международные связи ИЭА. Иностранное вмешательство. Разгром и оттеснение талибов из Афганистана в Пакистан.

За пять лет господства талибов в Афганистане (с осени 1996 по осень 2001 г.), ориентиры их внешнеполитического курса определились достаточно четко, хотя и различались по первоочередности. К тому же, для внешней политики талибов была характерна определенная двойственность, связанная во многом с отмеченным выше наличием двух центров власти – в Кабуле и Кандагаре. Оба центра подчинялись «повелителю правоверных» мулле М. Омару, но непосредственное кураторство над вторым из них осуществлял он сам, а руководство первым находилось в руках группы умеренных деятелей движения, во главе которых вплоть до смерти в апреле 2001 г. стоял, как считается, мулла М. Раббани¹.

Первоочередная задача для руководства движением, и прежде всего его умеренной части, состояла в том, чтобы добиться признания власти Эмирата международным сообществом и главным его представительным органом Организацией объединенных наций. Между тем, место Афганистана в ООН на всем протяжении борьбы талибов с муджахедами продолжали занимать представители последних, руководители не существующего на большей части территории страны Исламского Государства и его президента в полуизгнании Б. Раббани.

Мало того, Исламский Эмират Афганистан довольствовался официальным признанием лишь трех государств – Пакистана, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Дипломатическая служба талибов прилагала немало усилий, чтобы исправить положение. Как только власть талибов над столицей Афганистана укрепилась, Кабул стал направлять своих эмиссаров

¹ Специальное исследование темы «умеренных» талибов проведено Р.Д.Крюзом в гл. 7 упомянутой выше книги *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*.

за рубеж для разъяснительной работы². Ему удалось создать свои представительства в США, Канаде, ФРГ и ряде других стран, хотя и без официальной аккредитации. При этом талибы апеллировали хорошо известными тезисами, рассчитанными в основном на исламскую аудиторию. Так, газета «Тулуйи афган» в 1997 г. в статье под заголовком «Исламское государство в преддверии возвращения ему международного статуса» писала, что наряду с активной дипломатией правительства, отправка нескольких тысяч афганских паломников в Мекку под эгидой исламского государства поможет лучшему пониманию сущности «исламского и народного государства и скорейшему его признанию»³.

Однако события 1997 г., в течение которого талибы потерпели ряд военных неудач, явно не способствовали более широкому признанию их власти. Критику вызывала, безусловно, и внутренняя политика режима, сведения о которой все чаще появлялись на страницах зарубежных изданий. Известно, что талибы использовали часть денег, которые давали им благотворители и симпатизирующие им на первых порах та же Саудовская Аравия и ОАЭ, для того, чтобы ангажировать некоторых западных журналистов для написания благоприятных для них корреспонденций, статей и книг⁴.

Необходимо повторить, что в последние годы правления талибов размежевание на два центра силы и влияния, на так называемых «умеренных» и «радикалов» становилось все более значимым и актуальным. Как отмечалось в предыдущей главе, экономическая ситуация заставляла руководство Талибан идти на уступки международному общественному мнению, тон в котором задавал ненавистный радикально настроенным талибам христианский Запад. Допуская поступление гуманитарной помощи оттуда, Кабул шел тем самым на ограниченные контакты с внешним неисламским миром. Это одновременно продвигало его по пути достижения широкого признания. Причем, как представляется, задача добиться международного согласия на существование своей власти ставилась талибами по причинам внутреннего характера – она должна была способствовать укреплению власти внутри страны, обеспечению полной победы над противником. Талибы по той же причине

---

² Кабул таймс. 7.05.1997.

³ Тулуйи афган. 9.04.1997.

⁴ Abbas H. The Taliban Revival, p. 126.

дорожили деятельностью «мягко» относящихся к ним международных организаций. Они поддерживали контакты со специальными представителями ООН по Афганистану, сначала с немцем Н. Холлом, затем с известным алжирским дипломатом Л.Брахими, еще позднее с Ф. Вендреллом.

К концу 1998 г. талибское руководство, прежде всего дипломатические службы в Кабуле, согласились на участие в международных переговорах по мирному урегулированию конфликта. Под эгидой ООН была создана миротворческая Группа «6+2», состоявшая из представителей «соседей и друзей Афганистана»: Пакистана, Ирана, КНР, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, а также двух мировых держав – США и России. Консультации в этом формате завершились двумя раундами переговоров в Ашхабаде, в феврале и марте 1999 г., с участием представителей талибов и Северного альянса⁵. Переговоры не дали каких-либо реальных результатов (попытка проведения третьего раунда летом, в разгар возобновившихся боевых действий, провалилась), но имели определенное значение для талибов, готовя общественное мнение в мире к факту вероятного полного установления их власти над всем Афганистаном и к необходимости, считаясь с этим обстоятельством, налаживать рабочие и официальные контакты с режимом. Выше указывалось, что, несмотря на разрушение бамианских Будд, представители ООН и администрация США участвовали в кампании правительства в Кабуле по искоренению наркопроизводства и выделили определенные средства на совместную с талибами борьбу с этим злом⁶.

Вообще, нужно отметить, что наряду с двойственностью в политике талибов, аналогичная двойственность наблюдалась в отношении к ним со стороны международного сообщества. Часть мирового общественного мнения, реагируя на поступающие из Афганистана свидетельства вопиющих нарушений прав человека, особенно дискриминации женщин, утвердилась в резко негативном отношении к режиму (это, в частности, касается позиции администрации США после 1998 г.)⁷, а другая часть (специальные органы ООН,

---

⁵ Афганистан: проблемы войны и мира, с. 29–30.

⁶ Еще в мае 2001 г. США предоставили Кабулу грант в 43 млн. долл. с целью подкрепить его усилия по борьбе с производством опиума // *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*, p. 223.

⁷ Афганистан: проблемы войны и мира, с. 24–25.

финансовые учреждения, некоторые страны Европы) заняла более примирительную, в чем-то апологетическую позицию.

Возвращаясь к важнейшему, особенно для последнего периода правления Талибан, вопросу об умеренных в руководстве талибов, нужно заметить, что к ним, помимо ряда мулл, стоявших у истоков зарождения движения, примыкало немало полевых командиров и старейшин южных пуштунских племен, присоединившихся к талибам в 1994–1996 гг. Эти люди, занявшие посты в администрации талибов, хотели одного — удержаться у власти, и поэтому были не всегда согласны с экстремизмом во внутренней и внешней политике. Именно эта категория талибов выступала против радикализации ислама и, по утверждению английской газеты «Дейли Телеграф», сделанному, правда, уже в период краха режима, считала что ислам, проповедовавшийся радикалами, был по своей сущности чужд афганскому народу⁸.

Умеренные силы в движении стремились легитимизировать власть талибов, для чего предлагали созвать Лойя Джиргу (Великое собрание, традиционный высший совет афганского народа, коренящийся в пуштунских племенных обычаях), и даже провести парламентские выборы, предприняв шаги по оживлению экономики. К числу таких умеренных, или традиционалистов, индийская газета «Хиндустан Таймс» причисляла министров, входивших в правительство в Кабуле на заключительном этапе: и.о. премьера муллу М. Х. Ахунда, маулави А. Кабира — и.о. министра экономики, бывшего и.о. министра иностранных дел муллу М. Гауса; муллу В. А. Мутаваккиля, занимавшего пост и. о. министра иностранных дел⁹.

Радикалы, во главе которых стоял, по сути, сам лидер талибов мулла М. Омар, были представлены «кандагарской группой» ближайших его соратников. К ним примыкали молодые, радикально настроенные улемы и муллы и их ученики. Эта часть талибов занимала ключевые посты в тех органах власти, которые отвечали за внутреннюю безопасность и поддержание неукоснительного исламского порядка. Под воздействием этого крыла в руководстве талибов, которое не хотело делиться властью ни с кем, мулла Омар, вопреки собственным декларациям о необходимости «советоваться с народом», объявил на последнем этапе перед падением режима

---

⁸ Daily Telegraph, 10.11.2001.

⁹ Hindustan Times. 07.10.2001.

о роспуске местных племенных советов – шура. Он тем самым фактически отстранил их от участия в принятии решений на локальном уровне. Это не могло не привести к недовольству пуштунских племен и всего сельского традиционного общества, к сужению социальной базы талибов.

Радикалы в руководстве движения Талибан исповедовали идею глубоких преобразований не только афганского, но и всемирного масштаба.

Убежденные идеологи и пропагандисты режима утверждали, что талибам удалось добиться на подконтрольной им территории замирения и спокойствия, утвердить законы шариата, обеспечивающие каждому человеку, независимо от его этнической принадлежности, все права и свободы. А после установления в Афганистане «подлинного исламского строя» и выполнения «национальной задачи», уверяли они, наступило время позаботиться и о братьях-мусульманах во всем исламском мире, страдающих от произвола «неверных», и выполнить свой «интернациональный долг». «Настоящий мусульманин не может радоваться и жить в благополучии, если его сосед несчастен. И горе и радость у всех мусульман должны быть общими», — писала газета «Анис» в статье «Точка зрения ислама на радость и печаль»¹⁰.

Более того, выступая в роли защитника мусульман, хранителей моральных ценностей ислама, талибы заявляли, что считают своей первостепенной «священной обязанностью» помощь всем мусульманам, которые в годы джихада оказали афганцам военную и моральную поддержку. Так, в феврале 2000 г. руководство талибов через радио «Голос шариата» передало обращение к мусульманам мира выступить в поддержку Чечни и объявить России джихад. «Если сегодня мы не вступимся за Чечню, — говорилось в обращении, — то завтра мусульман в какой-нибудь другой стране или регионе постигнет та же участь»¹¹. Аналогичное заявление сделал и представитель руководства талибов А. Мутмаен: «Мы - исламское государство и исламское правительство, — сказал он в интервью Би Би Си, — неужели у нас не хватит смелости помочь мусульманам?»¹². И хотя помощь братьям-мусульманам обычно фигурирует среди приоритетных и обязательных задач и целей лю-

¹⁰ Анис. 27.11.1997.

¹¹ Пульс планеты. 16.02.2000, СВ-3.

¹² The Pakistan Observer. 7.05.2000.

бого исламского правительства, в том числе и предшественников талибов муджахедского Исламского Государства Афганистан, и Исламской Республики Пакистан, и Исламской Республики Иран, ключевой вопрос состоит в том, какие силы за рубежом достойны поддержки, о каких исламских движениях идет речь. Очевидно, что талибские радикалы не случайно хотели помочь именно Чечне, где в ней нуждались идеологически близкие к ним, радикальные, экстремистские силы.

О глобальности задач, которые ставили перед собой радикально или, по другому, революционно настроенные силы в движении Талибан свидетельствуют их официальные декларации. «Наша заветная мечта, — говорилось в газете «Тулуйи афган», — состоит в том, чтобы все мусульманские страны мира, в конечном счете, объединились в один, единый, нерушимый исламский халифат и выступили как одна великая сила»¹³. При этом талибы, как и другие радикалы-революционеры, считали, что созданный ими Эмират — это всего лишь первая ступень на пути создания всемирного халифата, первое звено в цепи будущих подлинно исламских государств, которые сольются в конце концов в единое справедливое общество, где восторжествует подлинная справедливость, которую обеспечивает вера в Аллаха и торжество его божественного закона (шариата).

Следует заметить, что идея возрождения теократической системы управления государством в форме халифата всегда импонировала афганским радикальным религиозным авторитетам. Об этом, в частности, свидетельствует вердикт кандагарских улемов относительно наиболее приемлемой для мусульманской страны формы государственного устройства, вынесенный ими еще в 1920 г. Наиболее «законной, полезной и разумной» формой правления, утверждалось в нем, являются «халифат и имамат», которые служат укреплению религии и соответствуют всем законам шариата¹⁴.

Следует подчеркнуть, что талибские улемы, исповедующие заповедь Пророка о том, что «Любовь к родине проистекает из веры», абсолютизирующие религиозный фактор и игнорирующие все другие, не видели никаких формальных препятствий на пути создания халифата, поскольку, как утверждала газета «Анис», в основе такого государственного образования лежит идеологическое,

¹³ Тулуйи афган. 30.10.1996.

¹⁴ Губар, Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории. М., 1987, с. 150-151.

основанное на исламе, а не национально-географическое понятие. Различия в языке, поле, цвете кожи, вероисповедании не могут считаться факторами, ограничивающими пределы такой всемирной исламской общины¹⁵. Талибские идеологи-революционеры объявляли также, что государственные границы, установленные людьми, — это явление не божественное и носит лишь временный характер, а вот общее вероисповедание — это дар Аллаха, который создал всех мусульман братьями по вере¹⁶.

Итак, в представлении большинства решительно настроенных талибских улемов, цель движения состояла в борьбе за создание Всемирного халифата как конфедерации (единства) мусульманских обществ-государств, связанных между собой «неразрывными узами» (*аль-урват аль-вуска*, т. е. Кораном).

Необходимость такой по существу перманентной борьбы они объясняли своим сторонникам тем, что на пути к благому состоянию мира стоят «происки неверных», которые, отбросив существующие между ними разногласия, давно объединились против ислама. «Ни Восток, ни Запад, — писала «Тулуйи афган», — не желают, чтобы в каком-то уголке мира возникло исламское государство, так как такое независимое государство будет полностью опираться на собственные экономические и политические возможности»¹⁷. При этом идеологи борьбы советовали руководству ИЭА не обращать внимания на порядки, существующие в мире «неверных», а идти своим путем к построению всемирной *уммы* (общины), построенной на братстве единоверцев.

Та же газета «Тулуйи афган» утверждала, что «халифат (эмират) можно построить на земле с помощью *джихада* (священной войны)». При этом особо подчеркивалось, что если для неверных (*кафиров*) джихад — это «несчастье», то «для мусульман джихад является благом, милостью, поскольку с помощью джихада мусульмане не только создадут халифат, но и улучшат свое экономическое положение, захватив богатые трофеи у кафиров»¹⁸.

Радикально настроенная часть руководства Талибан приложила немало усилий, чтобы создать вокруг движения некий мистический ореол, подчеркнуть его мессианскую роль. Так, само

¹⁵ Анис. 17.07.1997.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Тулуйи афган. 30.10.1996.

¹⁸ Тулуйи афган. 23.10.1997.

появление талибов называлось *орудж* («вознесение»), участники движения именовались не иначе как *талибхайи карам* («благочестивые талибы»), избранные для выполнения миссии «ангелов-избавителей» (*ферештейи неджат*) афганского народа от смуты и безбожия.

Особые усилия при этом направлялись на создание из муллы Омара харизматической фигуры, нового «обновителя» веры — *муджаддида*, способного претендовать на роль лидера всего исламского мира. Например, среди множества мифов, окутывающих личность «повелителя правоверных», был и такой: Мухаммаду Омару будто бы приснился вещий сон, в котором божественный голос велел ему идти и спасать афганский народ.

Руководящие деятели движения не раз заявляли, что они не против того, чтобы их лидера признали в качестве халифа все мусульмане мира и принесли бы ему присягу на верность. Не случайно и сам лидер талибов выбрал местом своей ставки не Кабул, а Кандагар, где хранится, как о том упоминалось выше, мусульманская святыня *хиркайи мубарак* («благословенная плащаница» Пророка). Это само по себе должно было придать сакральность его власти. Примечательно к тому же, что и строившуюся в Кандагаре огромную пятничную мечеть назвали «Мечетью Омара». Ее можно было считать посвященной, как праведному халифу, так и носящему то же имя лидеру талибов¹⁹.

О том, как создавался культ харизматической личности свидетельствует, в частности, и такой факт. Отставной афганский генерал Р. Сафи, издававший в Лондоне бюллетень «Ды вулус гаж» («Глас народа»), с восторгом описывал свою поездку в Кандагар, где его принял лидер талибов. Сафи провозгласил муллу Омара «великим национальным, исламским вождем» Афганистана²⁰.

Еще раз подчеркнем, что радикальное религиозно-политическое руководство талибов было готово выступить в роли лидера всего мусульманского мира. Так, маулави Н. М. Сагеб, один из руководящих деятелей Исламского Эмирата, заявил, например, в 1997 г.: «Сегодня Всевышний вновь избрал талибов для того, чтобы у мусульман мира появился в самом сердце Азии центр исламской надежды, центр, который называется Афганистаном»²¹.

¹⁹ Халифат. № 4, апрель-май 1998 г., с. 47.

²⁰ Вафа. 31.12.1995.

²¹ Тулуйи афган. 26.03.1997.

Такие претензии талибов базировались на некоторых особенностях традиционного афганского сознания. Идеи высокого предназначения Афганистана, его мессианской роли в исламском мире существовали издавна. Для иллюстрации сошлемся на мнение И. М. Рейснера, который отмечал, что воинствующий ислам всегда был присущ Афганистану, а афганские эмиры в качестве политической программы борьбы за независимость неизменно выдвигали идею защиты ислама. При этом, афганский народ, подчеркивал И. М. Рейснер, в представлениях «идеологов-панисламистов» получает мессианский ореол, ибо ему выпала задача «освободить Восток от европейского ига. Отсюда популярность лозунга: Афганистан— богом данная страна (*Афганистан ходадад*)»²².

Таким образом, идея «афганоцентризма» в интерпретации радикалов, как прежних, так и нынешних эпох, сливалась с постулатами мусульманской солидарности и панисламизма. Бывали случаи в относительно недавнем прошлом, когда они реально, на практике оборачивались вмешательством во внутренние дела соседних стран. Широко известны, например, факты поддержки королем Амануллою, а затем и Бачайи Сакао бухарского эмира Сайид Алим-хана и басмаческого движения. В период короткого правления Бачайи Сакао в 1929 г. Афганистан на деле превратился в базу басмаческих отрядов, совершавших вылазки в приграничные районы СССР.

В 1988 г., в самый разгар «священной войны» против «коммунистов», так называемый Исламский союз северных народов Афганистана под руководством прямого потомка басмачей Азад Бека развернул подрывные акции с целью «освобождения советских мусульман» и создания «свободного Туркестана». При этом, как свидетельствует генерал А. Ляховский, эта организация разрабатывала конкретные планы создания безопасных каналов переправки в СССР оружия, боеприпасов, пропагандистской литературы и наркотиков²³.

Руководство талибов, которое постоянно заявляло, что не намерено вмешиваться во внутренние дела соседних государств, тем не менее, вплоть до последнего дня продолжало поддерживать оппозиционные силы в лице исламских экстремистов, в первую очередь, в Таджикистане и Узбекистане. Хорошо известно, что оно поддер-

²² Рейснер И.М. Независимый Афганистан. М., 1929, с. 126–127.

²³ Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995, с. 637–638.

живало узбекских радикалов во главе с Дж. Намангани, руководителем Исламского движения Узбекистана (ИДУ), осуществивших крупные террористические акты в Ташкенте в 1999 г.

Поддерживая исламских экстремистов в соседних государствах, талибское руководство делало ставку на то, что со временем они смогут придти к власти, что позволило бы создать вокруг Афганистана «исламский пояс» — прообраз будущего всемирного халифата. Широко пропагандируя свое мессианское предназначение, радикальные идеологи движения Талибан, чтобы сохранить ореол борцов за всемирный халифат были вынуждены идти на весьма непопулярные меры, наносившие им серьезный урон в глазах мировой общественности.

В оценке этого ущерба с радикалами наверняка расходились более умеренные лидеры движения, однако выступить против политики, проводившейся с одобрения верховного вождя, они не могли. Их тактика состояла в минимизации урона, попытке выиграть время, чтобы, победив внутри страны, заняться постепенным преобразованием движения в правящую корпорацию, а Афганистана – в «нормальное» государство. Однако, история не предоставила им в конце XX в. такой возможности. Не в последнюю очередь вследствие того, что с некоторых пор лагерь радикалов был усилен за счет такого внешнего фактора, как радикал-исламист международного масштаба бен Ладен и его арабская по составу террористическая организация Аль-Каида.

Прежде чем переходить к анализу этого феномена, повторим, что изменить проводимую талибами - радикалами политику означало бы «потерять лицо». Касаясь возможной высылки бен Ладена из страны, которую требовала от талибов мировое сообщество уже после организованных им в 1998 г. терактов в Восточной Африке, оппозиционная властям ИЭА афганская газета «Тафаххом» отмечала: «Экстрадиция бен Ладена равносильна для талибов политическому самоубийству, ибо в таком случае они лишатся поддержки экстремистских сил в самом Афганистане и радикальных фундаменталистов за его пределами»²⁴.

С этим заключением можно согласиться, подчеркнув, что все рассуждения относительно «воскрешения» всемирного халифата и мессианском предназначении талибов являлись для руководителей движения (но, вероятно, не для рядовых членов организации)

²⁴ Тафаххом. 31.07.1999.

пропагандой, религиозной демагогией рассчитанной на то, чтобы заручиться поддержкой исламских радикалов за рубежом. Другая цель идеологической и пропагандистской кампании, состояла в укреплении основ теократического режима внутри страны, создание такой атмосферы в обществе, сохранявшем по большей части традиционные черты, которая бы не оставляла людям иного выбора, кроме безусловной веры, подкрепленной страхом перед репрессиями.

Хотя во всем этом есть специфика, связанная с тоталитарным, жестко репрессивным характером власти талибов, их отношение к идее всемирного исламского халифата, вполне укладывается в формулу академика В. В. Бартольда, выведенную им еще для периода между мировыми войнами. «Утопия политического объединения мусульманского мира в виде одного государства или союза государств ... », отмечал он, выступает всегда «не столько в виде религиозной, сколько политической идее, большей частью как средство для достижения вполне определенных целей»²⁵.

Обращаясь к теме бен Ладена и той роли, которую он сыграл в судьбе ИЭА, отметим, прежде всего, что его имя никогда не упоминалось в талибской прессе, и ни одна его фотография, насколько нам известно, не появилась в печатных изданиях Эмирата. Он держался в тени, однако именно он, по мнению большинства наблюдателей и аналитиков, был тем «серым кардиналом», который в последние годы существования режима Талибан в огромной степени влиял, а в большой степени и определял его внутреннюю и внешнюю политику. При этом талибы объявили его своим почетным «гостем», а затем и подданным ИЭА, и заявили, что будут охранять и защищать его согласно законам гостеприимства пуштунов, если даже придется прибегнуть к силе.

Об Усама бен Ладене написано много. О нем писали и до его убийства американскими командос в мае 2011 г., и после. Приведем некоторые детали его биографии, дополнив широко известные данные менее растиражированными подробностями его афганских связей. Усама родился в 1957 г. Он был одним из 54 детей богатого дельца Мухаммада бен Ладена, который в 1931 г., вскоре после победы Саудидов и основания саудовского королевства, переехал в саудовский город Джидду из Южного Йемена, откуда был родом. В Саудовской Аравии ему удалось получить место агента по строи-

---

²⁵ Бартольд В.В. Собр. соч., т. VI, М., 1966, с. 402.

тельству при дворе. Особенным расположением он пользовался в начале 1960-х годов при короле Фейсале. Бен Ладен-старший, благодаря своим способностям и удаче, стал одним из главных подрядчиков, осуществлявших различные финансовые и социальные проекты королевской семьи (строительство мечетей, дорог, отелей и т.п.), а вскоре и наиболее известным богатым инвестором в строительном бизнесе на всем Арабском Востоке. Ко времени его гибели в авиакатастрофе в 1967 г., капитал семьи достигал, по некоторым оценкам, 11 млрд. долл. Пользуясь своими финансовыми возможностями, каждый раз во время ежегодного хаджа в Мекку он устраивал грандиозные приемы для известных улемов, лидеров исламистских движений и других консервативно настроенных авторитетов в мусульманском мире, так что юный Усама рос в атмосфере исламского консерватизма и фанатизма²⁶.

В 1979 г. Усама бен Ладен окончил инженерный (по другой версии экономический) факультет университета имени короля Абд аль-Азиза в родной Джидде. Одновременно с учебой в университете Усама изучал ислам под руководством Мухаммада Кутба, родного брата создателя и руководителя организации египетских фундаменталистов Братья-мусульмане Сайида Кутба. Бен Ладен по своим убеждениям был, по характеристике французского автора Ж. Кепеля, «салафитом-джихадистом» (т. е. религиозным обновленцем экстремистского толка), близким по взглядам к крайним течениям в среде ваххабитов (господствующего течения в Саудовской Аравии) и Братьев-мусульман²⁷.

В 1979 г. Усама бен Ладен при посредничестве пакистанской Джамаат-е ислами впервые приехал в Пешавар, где познакомился с лидерами военно-политических группировок афганских мучахедов, а с 1981 г. стал все чаще навещать в пакистано-афганское приграничье. С 1984 г. он принял личное участие в «священной войне» против «безбожного режима» НДПА и поддерживавших его советских войск. На его деньги строились учебные лагеря для подготовки бойцов и закупалось оружие²⁸.

²⁶ Даават, август-сентябрь 2001 г., N. 128–129; Coll S. Ghost Wars. The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001. N.Y., 2004, p.84–85.

²⁷ Ibid., p. 82, 202–203; Ж. Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004 (пер с франц. изд. 2000 г.), с. 144, 147.

²⁸ Coll S. The Ghost Wars, p. 157–158.

В середине 1980-х Усама открыл в Пешаваре гостиницу для прибывавших туда арабских добровольцев из числа исламистских экстремистов, а затем вместе со своим бывшим учителем и старшим товарищем палестинцем Абдуллой Аззамом (идейным отцом и основателем радикальной палестинской организации Хамас) создал координационный центр по руководству боевыми операциями отрядов арабских добровольцев (*Мактаба аль-хидмат*, «Обитель помощи»). Ближе к концу 1980-х годов, бен Ладен, не желая ограничиваться ролью «второго лица» создал свою группировку муджахедов под названием Арабская бригада и приступил к активным действиям в пограничном высокогорном районе расселения пуштунского племени джаджи (дзадзи)²⁹. В 1989 г. после загадочной гибели А. Аззама бен Ладен возглавил основанную тем несколько ранее организацию Аль-Каида, что в переводе означает «основа» или «база» (по некоторым сведениям, организация первоначально называлась Аль-Каида аль-аскари, т.е. «военный оплот»).

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. во многом разрядил обстановку и исламским наемникам-миссионерам пришлось искать другое место применения своим силам. Бен Ладен решил перебраться в Судан, бедную африканскую страну, где активно в то время шел процесс радикальной исламизации. После войны в Заливе в 1991 г. и расквартирования частей американских вооруженных сил в Саудовской Аравии, бен Ладен изменил свое отношение к США и саудовскому режиму. Радикальная идеология подвигла его на выпады против «дальних» (США и Запад) и «ближних» врагов. В 1994 г. за резкую критику королевской власти в Саудовской Аравии его лишили гражданства. Совершенное в 1995 г. покушение на египетского президента Х. Мубарака, нити от которого потянулись к бен Ладену, привели к кризису в отношениях между Египтом и Суданом, Каир даже пригрозил войной Хартуму. Суданские власти попросили бен Ладена «добровольно» покинуть их страну, хотя он к тому времени заслужил среди суданцев звание «строителя мечетей» и пользовался одно время безусловной поддержкой духовного главы суданских исламистов Хасана ат-Тураби.

Тем временем в Афганистане талибы создавали свой Исламский Эмират, и Усама бен Ладен решил, что более подходящего места для реализации его экстремистских планов не найти. Судя по тому, как развивались дальнейшие события, у бен Ладена существовал

²⁹ Ibid., p. 162–164.

поэтапный план, рассчитанный на то, чтобы превратить талибов в послушное орудие своей политики, а их Исламский Эмират — в очаг международного терроризма. По ряду сведений, короткое время перед прибытием в Афганистан, он провел в Иране, который предоставил ему убежище в пику Саудовской Аравии. Вместе с тем, радикализм бен Ладена и его связи с суннитскими экстремистами, не могли устраивать Тегеран.

Бен Ладен прибыл в Афганистан в мае 1996 г. еще до взятия талибами Кабула. Причем организовал его приезд не мулла Омар, а маулави Ю. Халес, один из «крестных отцов» талибов. Первым местом его пребывания был Джалалабад, столица провинции Нангархар, сильные позиции в которой имела группировка Ю. Халеса Хезб-е ислами, а также организация Джалалуддина Хаккани, известного боевика-муджахеда, присоединившегося к талибам в том же 1996 г. (подр. о нем см. ниже гл. 5). Бен Ладен привез с собой немалую сумму денег (порядка 3 млн. долл.) и передал их талибам и их союзникам.

В деньгах талибы очень нуждались, надо было содержать войско и «мотивировать» бойцов. Не исключено, что в значительной степени благодаря финансовой помощи бен Ладена движению Талибан, которое лишь незадолго до того, в апреле, торжественно обрело своего «повелителя правоверных», удалось в конце сентября оккупировать Кабул. Бен Ладен и в дальнейшем продолжал заниматься как «благотворительной» деятельностью, так и финансированием боевых операций талибов. Оба рода активности во многом совпадали. Миллионер строил дороги, обеспечил руководство талибов спутниковой связью и т.п. По информации гонконгского журнала «Фар истерн экономик ревью», «гость» с течением времени фактически взял под контроль наркобизнес талибов, а также организовал для них контрабандную поставку товаров из Пакистана и ОАЭ³⁰.

При этом главной задачей бен Ладена оставалось создание разветвленной сети баз и тренировочных центров, где можно было бы готовить кадры боевиков и террористов для Аль-Каиды, которые затем направлялись по его указанию в «горячие точки» планеты (Кашмир, Чечню, Боснию, Косово). Местом его базирования надолго остался горный массив Афганистана, граничащий с Пакистаном, главным образом округ (позднее провинция Хост) с горными

---

³⁰ Far Eastern Economic Review. 08.10.2001.

пещерами и расщелинами хребта Тора Бора. В центры по вербовке боевиков, куда стекались авантюристы и религиозные фанатики различных национальностей — от арабов и филиппинцев до чеченцев, узбеков и уйгуров — действовали почти во всех крупных городах страны, в Кабуле, Кандагаре, Джелалабаде, Мазари-Шарифе. По разным данным, к 2001 г. бен Ладен располагал армией численностью от 3 до 5 тыс. боевиков.

Учитывая свой суданский опыт, он стремился заручиться поддержкой верхушки движения Талибан, в первую очередь, его лидера Мухаммада Омара. По некоторым сведениям, в 1998 г. дружественные отношения между ними переросли в родственные — бен Ладен выдал свою старшую дочь замуж за лидера талибов. Богатый тесть всячески старался угодить зятю, постоянно оказывая ему услуги. Так, он построил для Омара новый дом в Кандагаре, оборудовав его одновременно и как бомбоубежище, подготовил для него специальную группу телохранителей, финансировал строительство большой мечети Омара в Кандагаре, о которой мы упоминали выше. Более того, У. бен Ладен постоянно льстил вчерашнему деревенскому мулле и полковому командиру, провозглашенному талибами «повелителем правоверных». Он убеждал муллу, что ему выпала великая миссия стать объединителем всех мусульман и халифом всемирной исламской империи³¹.

Нельзя в то же время утверждать, что в отношениях муллы Омара и бен Ладена все обстояло наилучшим образом. Мулла Омар не мог не чувствовать неудобства от присутствия на своей территории в качестве «гостя» такого харизматического лидера, как У. бен Ладен. Особенно ясно расхождение между двумя лидерами проявилось с 1998 г, когда в феврале в горах на самой границе с Пакистаном Усама собрал небольшую группу своих сторонников, среди которых не было представителя Талибан, и объявил о создании интернациональной организации Объединенного исламского фронта борьбы с евреями и крестоносцами³².

³¹ Когда над талибами уже нависла угроза американского возмездия, бен Ладен продолжал восхвалять муллу Омара, подстрекая его к сопротивлению США. Так, «Дейли Телеграф» в сентябре 2001 г. привела его слова, что ныне ведущей силой в исламском мире является только талибский Афганистан во главе с муллой Омаром. «Сегодня здесь существует мусульманское государство, где воплощены божественные законы, — цитировала бен Ладена газета, — и это государство уничтожит лицемерие и не уступит американским безбожникам. Этим государством руководит подлинный правоверный — мулла Мухаммад Омар — повелитель правоверных». *The Daily Telegraph*, 29.09.2001.

³² *Coll S. The Ghost Wars*, p. 380.

Саудовский «гость» не ограничивался тем, что старался подчинить своему влиянию лидера талибов. Он хотел привлечь на свою сторону как можно больше членов Высшей исламской шурры в Кандагаре, где и принимались все важнейшие решения. Ему удалось, в частности, сблизиться с известным своей жестокой расправой над хазарейцами муллой Дадуллой. Задача бен Ладена облегчалась тем, что в руководстве талибов не было единства относительно дальнейших путей строительства «нового», «чисто исламского» общества.

По мнению известного французского исследователя О. Руа, которое, впрочем, трудно проверить, именно бен Ладен неизменно стоял за принимаемыми руководством талибов решениями. Указав в интервью газете «Нью-Йорк таймс» в октябре 2001 г. на то, что в последние годы политика исламского фундаментализма талибов приобрела более «жесткий, пуританский и деспотичный» характер, он подчеркивал, что подобная политика ассоциировалась у некоторых из руководства Талибан с непривычными для них чужеземными нравами и «амбициями Усамы бен Ладена, арабов и других гостей из его ближайшего окружения»³³.

По некоторым оценкам, талибы в 2000–2001 гг. на 30–40% зависели от Аль-Каиды с точки зрения и материальной, и военной, и политической поддержки³⁴. Причем арабские «гости» держали себя все более уверенно по отношению к афганцам, нередко вызывая и агрессивно. Начав с младших собратьев, помощников муджахедов в 1980-х годах, арабские боевики-исламисты превратились в главную силу, поддерживающую на плаву «корабль талибов». По выражению английского автора Д. Фергюсона, Аль-Каида фактически «похитила» афганское движение, сделав его инструментом своей мировой политики³⁵.

Свидетельством тому, замечал в вышеупомянутом интервью О. Руа, стало то, что «повелитель правоверных», все больше оказываясь в изоляции. «Он не встречался с правительством талибов в Кабуле, предпочитая уединиться в Кандагаре, и управлять страной посредством узкого круга местных улемов и иностранных радикалов во главе с бен Ладеном»³⁶.

³³ The New York Times. 10.07.2001.

³⁴ The Taliban and the Crisis of Afghanistan, p. 245.

³⁵ Ferguson J. The Unknown Enemy, Chapter 5. The Al-Qaeda Hijack.

³⁶ The New York Times, 10.07.2001.

Между тем, идеи и действия арабского «гостя» самым отрицательным способом воздействовали на отношения ИЭА с международным сообществом. Особенно большое значение в этом плане имели подготовленные бен Ладеном взрывы у посольств США в столицах двух восточноафриканских государств – Кении и Танзании – летом 1998 г. (подр. об этом см. ниже) Здесь отметим, что эти действия привели к необычайной популярности бен Ладена среди исламистов, чему содействовали, конечно, и проведенные в ответ Соединенными Штатами в августе 1998 г. налеты на тренировочные лагеря арабского террориста. Все это не могло не повлиять и на политику талибов, руководство которых стояло перед нелегким выбором – либо отмежеваться от своего «гостя», либо взвалить на себя его террористическую миссию. Очевидно, что, несмотря на колебания и внутреннее напряжение в руководстве, движение Талибан сделало выбор в пользу последнего.

Хотя до определенного момента руководящее звено талибов еще, по видимому, пыталось сопротивляться влиянию бен Ладена и его людей. Не исключено, в то же время, что такого рода впечатление создавалось умышленно, было попыткой ввести в заблуждение. Так, во время посещения Исламабада в феврале 2000 г. глава правительства талибов М. Раббани, заявив, что талибы не допустят экстрадиции бен Ладена, вместе с тем, подчеркнул, что власти ИЭА не позволят ему вести подрывную деятельность с афганской земли, направленную против других стран³⁷.

Вполне вероятно, что, стараясь представить талибов радикалами в глазах мира, бен Ладен поддержал (или навязал, по некоторым сведениям, вместе с муллой Дадуллоей) решение о разрушении статуй Будды, а также об арестах иностранных гуманитарных работников по обвинению их в пропаганде христианства и тому подобных грехах³⁸.

Нечего и говорить, что возрастающая поддержка исламских экстремистских группировок, особенно в странах Центральной

³⁷ А по утверждению пакистанского журналиста Р. Юсуфзая, когда 26 мая 1998 г. Усама бен Ладен, без уведомления и согласия руководства талибов, провел в Афганистане пресс-конференцию, на которой объявил об организации «Международного исламского фронта» и начале джихада против «евреев и крестоносцев», то это событие якобы вызвало крайнее раздражение лидера талибов муллы М. Омара, заявившего, что в Афганистане может быть «только один правитель — или он сам или бен Ладен» The News. 02.01.2001.

³⁸ Rashid A. Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia. N.Y.: Penguin Books, 2009, p. 242.

Азии, призывы к мусульманам мира возродить всемирный исламский халифат путем «священной войны» против «неверных» лишь усиливали международную изоляцию режима талибов, так и не признанного ООН.

В то же время, по мнению американского историка пакистанского происхождения Х. Аббаса, автора последнего из обобщающих трудов по талибам, расхождения между бен Ладеном и муллой Омаром не следует преувеличивать. Оба деятели стремились к одним целям и были в принципе едины в отношении средств и методов их достижения³⁹.

По впечатлениям от обстановки, сложившейся в 2000–2001 гг., замыслы бен Ладена в отношении Афганистана во многом осуществились. Ему удалось создать мощную сеть лагерей по подготовке террористов, и тем самым превратить страну в плацдарм международного терроризма, откуда он мог, как ему представлялось, безнаказанно наносить удары по всему миру.

Однако судьба распорядилась иначе. Усама бен Ладен и его талибские хозяева недооценили гнев международного сообщества. Исламский Эмират талибов, избравший путь, во многом указанный бен Ладеном, на поверку оказался «колоссом на глиняных ногах», рухнувшим под ударами антитеррористических интервенционистских сил во главе с США и их афганского союзника в лице Северного альянса.

И произошло это вопреки предсказаниям о том, что весь исламский мир поднимется на защиту бен Ладена и объявит США и их союзникам «всемирный джихад». Мусульманский мир в целом, даже тайные покровители талибов, не захотели поддержать их, а тем более сражаться за них, хотя небольшая часть экстремистов все же пришла им на помощь (см. ниже).

Надо сказать, что талибов не раз предупреждали о грозящей им опасности, если они не расстанутся со своим «гостем». Однако они игнорировали многочисленные призывы своих соотечественников из афганской диаспоры не подвергать опасности Афганистан и свою власть в нем ради одного чужеземца. Многие печатные издания, выражавшие мнение различных эмигрантских кругов, подчеркивали то обстоятельство, что Усама бен Ладен — «гость» талибов, а не афганского народа. Они требовали от властей не навлекать на страну новые несчастья ради ложных представлений о

³⁹ Abbas H. The Taliban Revival, p. 207.

«гостеприимстве». Даже сторонники талибов в афганской диаспоре настойчиво советовали им «понять чувствительность момента и уладить скандал с бен Ладеном с учетом национальных интересов».

Однако ни талибы, ни их «гость» не вняли этим призывам, и эпопея бен Ладена и талибов закончилась так, как, наверное, должна была закончиться, ибо сказано: «Посеявший ветер пожнет бурю!».

Обращаясь в завершении главы к некоторым общим факторам и тенденциям в мировой, региональной и внутриафганской политике, которые вели талибов сначала к победам, а затем к внезапно наступившему краху режима осенью 2001 г., подчеркнем, что с точки зрения идейно-пропагандистской и военно-политической обстановки пятилетний период господства талибов в Афганистане (считая его началом взятие Кабула в конце сентября 1996 г.) можно подразделить на два этапа: 1996–1998 гг. и 1998–2001 гг.

Первый этап был в плане внешних взаимосвязей продолжением двухлетия борьбы за власть с муджахедами. Как следует из предшествующего анализа (см. гл. 1), движение Талибан выросло из муджахедского, причем органически (идейно и личностно), оно было связано не со всеми даже суннитскими муджахедскими партиями-организациями, а лишь с некоторыми из них, прежде всего Исламской партией Афганистана (ИПА) во главе с Ю. Халесом и организацией ДИРА (Движением за исламскую революцию Афганистана), возглавляемой М. Н. Мухаммади. Нужно заметить, что обе организации (муджахеские танзимы) были не самыми сильными среди «пешаварской семерки» (семь организаций, которым режим пакистанского военного диктатора М. Зия уль-Хака позволил действовать на своей территории), отличаясь наиболее пуштунским составом⁴⁰. Ведущие позиции в «семерке» занимала другая Исламская партия (Хезб-е ислами) во главе с Г. Хекматъяром и Исламское общество Афганистана (Джамиат-е ислами-йе Афганистан), лидерами которой были Б. Раббани и А. Ш. Масуд. Еще две партии из состава «семерки» играли роль политических модераторов. Их лидеры – С. Моджаддиди и С. А. Гилани – были пирами (духовными вождями) крупнейших суфийских братств, а сами они принадлежали к верхнему ярусу афганской политики. Это были богатые люди, получившие хорошее образование за рубежом и сохранившие тесные связи с верхней прослойкой афганской диаспоры в Европе и Америке. Седьмая партия, базировав-

⁴⁰ Афганистан: война и проблемы мира. М., 1998, с. 47.

шаяся в Пешаваре (А. Р. Сайяф) поддерживала тесные контакты с Эр-Риадом и считалась близкой по идеологии к ваххабизму (на последнем этапе правления талибов А. Р. Сайяф получал деньги от ЦРУ и присоединился к А. Ш. Масуду)⁴¹.

Таким образом, талибы были продолжателями джихада (священной войны) части муджахедов, которые находились под наиболее сильным воздействием традиционалистской деобандской школы – индийской по историческим корням и пакистанской по основному религиозно-политическому ареалу на этапе после окончания Второй мировой войны (причем исторически сложилось так, что наибольшую популярность и самые прочные электоральные позиции она приобрела в северо-западном пуштунском регионе Пакистана). Как выше отмечалось, пакистанские богословы-деобанди имели свою политическую партию Джамиат-е улама-е ислами (ДУИ), которая в 1980-х годах распалась на две фракции – Фазлур Рахмана и Сами уль-Хака. Первая в большей степени ориентировалась на участие в легальной (парламентской) политической борьбе, вторая фракция, занимая более крайние идеологические позиции, концентрировалась на воспитательной и просветительско-пропагандистской работе. Именно под влиянием Сами уль-Хака и других близких к нему богословов и проповедников из пуштунских ареалов, как Пакистана, так и Афганистана, формировалось мировоззрение, религиозные и политические взгляды основной части молодых бойцов и руководителей движения Талибан.

Пакистанский «след» в афганском движении виден не только во влиянии религиозно-политических партий, кружков и учебных заведений, но и в действиях официальных властей Пакистана. Как выше отмечалось, талибов на первых порах поддерживала по преимуществу не всесильная разведка военных (МВР), а ее конкурент, специальные военизированные и части и контрразведка министерства внутренних дел. Пост министра внутренних дел во втором кабинете Б. Бхутто (1993–1996) занимал влиятельный и амбициозный генерал в отставке пуштун Н. Бабар. Именно он снарядил караван из 30 грузовиков в Туркмению осенью 1994 г, ко-

⁴¹ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 63. Подр. об этих группировках в период «джихада» см., в частности, работы: *В.Н.Спольников. Афганистан: исламская контрреволюция*. М., 1987 и *Афганистан: исламская оппозиция*. М., 1990.

торый охраняли от разграбления первые отряды талибов⁴². Лишь после того, как талибы проявили свои боевые качества, защищая караван от муджахедов и попутно овладевая населенными пунктами, в том числе Кандагаром, на них, вероятно, обратили внимание в МВР. С начала 1995 г. поддержка специальных органов пакистанской армии стала оказываться не только их давнему протезе Г. Хекматъяру, но и талибам. Впрочем, зная непростые отношения между кабинетом Б.Бхутто и армией, можно предположить, что поиск компромисса в вопросе о том, какую из сил, действующих в Афганистане, выгоднее всего поддержать, занял немало времени и разрешился лишь после очевидных успехов талибов. Да и тогда, по всей видимости, пакистанская сторона не собиралась класть все яйца в одну корзину и стремилась контролировать в той или иной мере возможно большее число сил, участвующих в дележе власти в Афганистане.

Этим не сразу определившимся и неисключительным выбором со стороны Исламабада, можно, наверное, отчасти объяснить, почему к 1998 г. значение связей талибов с Пакистаном несколько ослабло. На первых порах пакистанская армия через МВР во многом контролировала и направляла действия властей Исламского Эмирата. Талибы в свою очередь зависели от моральной и материальной поддержки Исламабада, но и тяготились зависимостью от людей, не вполне разделявших их взгляды и планы.

Занятие Кабула талибским воинством, сопровождавшееся отмеченной выше изуверской расправой над М. Наджибуллой, не прибавило талибам популярности в мире. Большинство государств, как отмечалось выше, продолжало признавать полномочия прежнего руководства Афганистана во главе с президентом Б. Раббани. Лишь весной 1997 г. талибы, закрепив военным путем свою власть примерно на двух третях территории страны (главным образом на востоке, юге и западе) смогли рассчитывать на признание со стороны ряда государств. В мае того года Пакистан, а затем Саудовская Аравия и ОАЭ, согласились установить с талибским режимом официальные дипломатические отношения⁴³.

В 1996–1998 гг. талибы в наибольшей мере опирались на поддержку этих своих внешних спонсоров. При этом все три государ-

⁴² Davis A. How the Taliban became a military force // *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*. Ed. W. Maley, Lahore, 1988, p. 47–48.

⁴³ Там же, с. 70.

ства не относились числу проводящих радикальную (джихадистскую) политику на мировой арене, выступая не с антизападных, а с прозападных позиций и обеспечивая тем самым талибам осторожную благосклонность США. Потому признание власти муллы М. Омара и возглавляемого им режима со стороны «суннитской тройки» давало надежду на обретение талибским режимом черт умеренности и постепенной нормализации его внешнеполитического статуса. Однако этим ожиданиям не суждено было сбыться.

Представляется, что объясняют это два главных обстоятельства. Во-первых, неспособность радикалов, исламских «романтиков-революционеров», из которых состояла наиболее значимая часть руководства талибов, установить сколько-нибудь сносную, работающую систему управления страной. Правда, талибам в какой-то мере удалось победить анархию, обуздать произвол местных самостоятельно действующих полевых командиров, Иными словами, на нижнем ярусе внутренней политики талибы, опираясь на присущие традиционному обществу механизмы управления и функционирования, смогли навести определенный порядок. В то время как на верхнем ярусе политики установить мало-мальски эффективное управление они не могли, да, видимо, и не хотели. Мирясь с полуразвалившейся общественно-государственной системой, талибы связывали свои планы и надежды на будущее с установлением полного контроля над страной, победой над всеми противостоящими им силами и вооруженными группировками, а в перспективе, после установления «истинных порядков» в одной, отдельно взятой стране, к распространению ее опыта и своей власти на другие страны мусульманского мира.

Как мы пытались показать в двух предыдущих главах, идеи, идеология и характер действий талибов были непригодны для того, чтобы стать функциональными для создания цивилизованного современного государства, они были далеки от прагматизма, будучи слишком революционны в своем консерватизме и архаике.

Второе обстоятельство напрямую связано с международной обстановкой, подъемом радикального исламизма в различных частях мусульманского ареала. Главным очагом фундаменталистского ислама в 1970–1980-х годах был расположенный к востоку от Арабского мира «исламский треугольник» Иран-Афганистан-Па-

кистан⁴⁴. При этом в Иране был опрокинут режим шаха и победила теократия шиитско-пуританского типа, в Пакистане – военные, узурпировав власть, утвердили свое господство, подняв на шит идеологию фундаментализма, а в Афганистане началась «священная война», где могли проявить бескомпромиссный, боевой дух исламисты не только Афганистана, но и Пакистана, а также других стран, в том числе арабских.

Второй этап в истории правления Талибан начинается с середины 1998 г. К этому времени влияние Пакистана и Саудовской Аравии на руководство талибов заметно сократилось, хотя еще в начале года их ряды серьезно пополнились благодаря непосредственной поддержке военных и исламистских кругов Пакистана. Но, укрепившись благодаря могущественным покровителям, талибы не захотели стать послушными исполнителями их воли. Мулла Омар отказал Эр-Рияду в выдаче бывшего саудовского гражданина Убен Ладена, хотя для встречи с ним в Кандагар прилетал сам «всесильный» глава саудовской разведки принц Турки аль-Фейсал⁴⁵.

При этом мулла Омар внешне старался держать бен Ладена на расстоянии, предоставляя ему формально лишь истинно пуштунское гостеприимство. Однако, скорее всего, это была уловка, позволяющая обеим сторонам проводить в жизнь свою программу действий, в конечном счете, единую как две стороны одной медали.

Штаб-квартира Аль-Каиды расположилась в знакомых для бен Ладена с 1980-х годов горах хребта Тора Бора (провинция Хост) среди тех же гильзайских племен джаджи, джадран и др., в которых он начинал свои действия против Кабула. Однако на этот раз врагом у него, понятно, был не СССР, а Запад. Выше уже отмечалось, что в начале 1998 г. бен Ладен собрал группу своих сторонников и последователей из арабского мира, Пакистана, Бангладеш, индийского Кашмира, чтобы затем объявить в арабоязычных СМИ об основании Объединенного исламского фронта, главными мишенями которого стали США и Израиль⁴⁶.

В июле 1998 г. Аль-Каида и руководимый ее фронт организовали, как уже отмечалось, крупные террористические акты в Восточной Африке. Начиненные взрывчаткой трейлеры взорвались у

⁴⁴ Подр. см: Белокреницкий В.Я. Россия и исламский треугольник (Афганистан, Иран, Пакистан) в кн.: Афганистан: проблемы войны и мира. М., 2000, с. 123–131.

⁴⁵ Coll S. The Ghost Wars, p. 400–402.

⁴⁶ Ibid., p. 380.

зданий американских посольств в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания). В результате погибли около 300 чел., в том числе сотрудники американского посольства⁴⁷. Ответ США не заставил себя долго ждать. 20 августа 1998 г. США атаковали базы и тренировочные лагеря бен Ладена в горах Тора Бора, рядом с пакистанской границей, 75 крылатыми ракетами «Томагавк». Цель атаки состояла в том, чтобы ликвидировать Бен Ладена, но среди более 20 убитых и еще большего числа раненых его не оказалось⁴⁸. Ракеты унесли жизни в основном афганских и пакистанских джихадистов, нанеся небольшой ущерб не слишком тщательно оборудованным и хорошо скрытым в горах лагерям. Исламабаду пришлось смириться с нарушением его воздушного пространства⁴⁹. Он и так в тот момент находился под действием санкций, введенных Вашингтоном и рядом его союзников в связи с проведением в мае (вслед за Индией) подземных ядерных взрывов.

С точки зрения афганской ситуации важным следствием бомбежки было следующее обстоятельство. Если до них еще можно было считать, что некоторые круги в США (в частности, лоббисты нефтяных корпораций) надеялись использовать талибов в своих целях, то после них, о таких расчетах надо было забыть. Движение Талибан потеряло кредит доверия у американцев и становилось все более неудобным партнером для официальных кругов Пакистана и Саудовской Аравии⁵⁰.

При этом одновременно с ухудшением отношений с породившими их внешними силами вооруженные отряды талибов усилили давление на своих противников из числа «северян», в руках которых к лету 1998 г. оставался контроль над большой (не менее трети) территорией страны. Нелишне напомнить, что формирование Северного альянса происходило в 1996–1997 гг., причем официальным его названием был, как выше отмечалось, Объединенный исламский национальный фронт спасения Афганистана⁵¹. В начале августа 1998 г. талибы предприняли поход на северную столицу

⁴⁷ Ibid., p. 403–407.

⁴⁸ Ibid, p. 410–411.

⁴⁹ Выпущенные с подводных лодок, находящихся за пределами морской зоны Пакистана, часть пути ракеты проделали над его территорией. Ibid., p. 407, 411.

⁵⁰ *Мушарраф П.* На линии огня. Мемуары. М., Б.г. (пер.с англ.книги 2006 г), с. 234–239. *Coll S. The Ghost Wars*, p. 414–415.

⁵¹ Афганистан. Война и проблемы мира, с. 148.

страны г. Мазари-Шариф. Двигались они к нему с двух направлений с юго-запада (из района Герата) и юго-востока, заставив отступить в город отряды шиитов-хазарейцев. Взятие и разграбление Мазари-Шарифа, учиненная над пленными хазарейцами жестокая расправа (расстреляно свыше 400 чел.) сопровождалась убийством ряда оказавшихся в городе иранских дипломатов и журналистов. Расправа, как тоже уже отмечалось, вызвала острую реакцию Тегерана, который сосредоточил свою многотысячную армию на границе с северным Афганистаном. Талибы поспешили извиниться, угроза войны устранена, но отношения с Ираном были испорчены⁵².

Успешная в целом наступательная военная тактика талибов на втором из выделенных нами этапов (1998–2001) подпитывалась, очевидно, во многом из одного источника – бен Ладен и его арабские легионеры из гостей превратились в главных благодетелей, которые умели привлечь средства из стран Залива. Определенная поддержка поступала через родственные в идейно-политическом и религиозном плане организации, типа Аль-Рашид траст и др. Значительными были поступления от исламской диаспоры, а также доходы от контрабанды наркотиков (см. ниже). Некоторые пакистанские структуры, в первую очередь МВР (Межвидовая войсковая разведка), продолжали поддерживать талибов, оказывать им военно-техническую и организационно-консультативную помощь. Известно, что пакистанские офицеры и отставные военные помогали, в частности, группировке талибов, действовавшей на севере с базой в районе Кундуза⁵³.

Видимо, в немалой мере благодаря военной технике из Пакистана и пакистанским офицерам, выступавшим в роли командиров и инструкторов, талибы в ходе весенне-осенних кампаний 1998, 1999, 2000 и 2001 гг., как правило, владели стратегической инициативой и постепенно теснили своих противников, разрывая их коммуникации, стараясь изолировать северо-восточные наиболее боеспособные части опытного военачальника таджика А. Ш. Масуда от остальных антиталибских отрядов.

Временами противники талибов переходили в контрнаступление, но при отсутствии серьезной поддержки извне сил им явно не хватало. Например, весной 1999 г. хазарейские отряды перешли в

⁵² Афганистан. Проблемы войны и мира. М., 2000, с. 156–157.

⁵³ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 17, 91.

наступление в центре страны, но оно быстро захлебнулось⁵⁴. Летом 1999 г. войска А. Ш. Масуда попытались продвинуться в сторону Кабула, но удача сопутствовала им недолго. Тем не менее, главная опорная база Масуда располагалась в долине Панджшера и «северяне» вплоть до 2001 г. удерживали контроль над крайним северо-восточным клином Афганистана (большей части провинций Парван и Бадахшан), вплоть до северной оконечности аэродрома Баграм, основной авиационной базы, находящейся между Панджшером и Кабулом⁵⁵.

Парадоксально, но наибольших успехов талибам удалось добиться в кампаниях двух последних лет, в 2000 и 2001 гг. Развивая наступление против северян, они весной 2001 г. завладели последним крупным населенным пунктом в таджикском массиве, городом Талокан⁵⁶. Это впервые за годы гражданской войны в Афганистане вызвало волну беженцев в Таджикистан.

Военные успехи талибов давались им, между тем, с большим трудом. Репрессивная и становившаяся все менее популярной внутренняя политика на подконтрольных территориях лишала их притока свежих сил. Они в основном поступали из афганских и пакистанских медресе. Пополнение сразу направлялось на север, а на юге талибы господствовали, не имея достаточного по численности и квалификации чиновничьего аппарата.

Общая численность боевых отрядов талибов, действовавших на критических направлениях, не превышала, как правило, 30–35 тыс. человек. В периоды межсезонья их ряды заметно сокращались. Соответственно, и противостоящие им группировки были невелики по размерам (порядка 15–20 тыс. чел. каждая)⁵⁷.

Ухудшение ситуации со сбором урожая, особенно в исключительно засушливые сезоны 2000 и 2001 гг., заставило талибов прибегнуть к жестким мерам давления на крестьян. В программе Исламского движения Талибан изначально присутствовало поло-

⁵⁴ Афганистан. Война и проблемы мира. М., 1998, с. 17–19.

⁵⁵ По характеристике М.Махкамова, «Панджшерская долина является как бы мостом, соединяющим центральные, восточные и южные провинции Афганистана с северными и северо-восточными. Несмотря на свою незначительную площадь (всего 706 кв.км), эта долина... имеет важное стратегическое значение» // Афганистан. Проблемы войны и мира, М., 2000, с. 79.

⁵⁶ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 17

⁵⁷ Афганистан. Проблемы войны и мира, М., 2000, с. 153; *Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven, Second edition, 2010, p. 99–100.

жение о строгом запрете на потребление наркотиков⁵⁸. Но выращивание опийного мака после утверждения власти талибов стало приносить им, благодаря контролю за контрабандой наркотиков, солидные и все возрастающие доходы. Производство опиума достигло в 1999 г. рекорда в 4 565 т., в 2000 г. оно снизилось до 3 276 т. Произошло это не без влияния запретительных мер, принятых властями. Распоряжение муллы Омара, поставившее в дальнейшем под строжайший запрет выращивание и сбор опийного мака и конопли (сырья, соответственно, для героина и гашиша), заметно подорвало популярность среди крестьян в ключевых для них и опорных южных, пуштунских провинциях (в долине р. Гильменд). Боязнь перед репрессиями со стороны талибских властей оказалась столь велика, что производство мака-сырца в 2001 г. упало до 185 т.⁵⁹ Между тем, у талибов оставались нереализованные запасы от прошлых лет, и некоторые аналитики связывают решение Талибан с желанием сохранить цены на опиум на достаточно высоком уровне. Как бы то ни было, но на такой шаг талибы могли пойти, по-видимому, лишь рассчитывая на материальные средства, независимые от внутриафганских, прежде всего, поступления от бен Ладена и других частных спонсоров, поддерживающих джихадизм.

Следует еще раз подчеркнуть, что во внешней политике режима Талибан на протяжении всего периода его господства прослеживалась двойная линия С одной стороны, они, как выше отмечалось, достаточно рано проявили стремление к международному признанию своего режима. Хотя и не сразу после изгнания из Кабула президента ИГА Б. Раббани, но спустя несколько месяцев в феврале 1997 г. талибы послали в Нью-Йорк, в штаб-квартиру ООН, высокопоставленную делегацию с требованием признания власти талибов и обещанием со временем умерить жесткость режима правления и привести «национальные», т. е. талибские, нормы и представления о правах человека и человеческих ценностях с международными⁶⁰. Более того, в дальнейшем в сезон зимних за-

⁵⁸ См: Сикоев Р.Р. Талибы (Религиозно-политический портрет). М., 2002, с. 92; Он же. Талибы. Религиозно-политический портрет. М., 2004, с. 139-140.

⁵⁹ UNDOC Estimate of Rising Afghan Opium Production 1997–2013//Cordeman A. The Forces Shaping Transition in Afghanistan, p. 237.

⁶⁰ Подр. см: Давыдов А.Д. Чего добиваются талибы? В кн.: Афганистан. Проблемы войны и мира. М., 2000, с. 29–30.

тиший в военных действиях (в период с ноября-декабря по февраль-март) талибы не отказывались от участия в международных переговорах. Первый раз они сделали это, как выше мы упоминали (см. Гл. 3), в конце 1998 г., заявив, что согласились с резолюцией Генеральной ассамблеи ООН о необходимости создания коалиционного правительства. Мирное соглашение, казалось бы, было достигнуто в ходе переговоров в Ашхабаде в феврале и марте 1999 г. Однако талибы вскоре отказались от него, и весной развернули очередное наступление. Позднее талибы не отказывались от участия в переговорах в формате «6+2» (шесть соседей Афганистана плюс Россия и США), всякий раз, однако, выдвигая такие требования, которые загоняли переговоры в тупик⁶¹.

Таким образом, талибы, как будто, тяготились состоянием международной изоляции, но не шли навстречу международным посредникам в урегулировании ситуации и почти непрерывно попирали своими действиями господствующие в мире представления о нормальной, цивилизованной внутренней политике.

Взрыв возмущения у мирового общественного мнения вызывали сообщения о притеснениях и дискриминации женщин при власти талибов. (см. Гл. 3) В коридорах исполнительной власти и законодательных органов США и других западных стран образовалось влиятельное антиталибское лобби. Талибы наносили своего рода личную обиду влиятельным женщинам в руководстве Америки, таким как госсекретарь М. Олбрайт, жена президента Х. Клинтон и др.⁶²

Особенно большое оскорбление они нанесли мировому общественному мнению в марте 2001 г., когда разрушили две гигантские древние статуи Будды в центральной провинции Бамиан. Статуи представляли собой признанную историческую и культурную ценность. Их разрушение могло лишь повредить образу талибов в глазах мира. И, тем не менее, мулла Омар распорядился положить динамит в подножие статуй и взорвать их, а затем завершить разрушение бессмысленной и расточительной стрельбой из танков. Этот акт вандализма лишь подчеркнул жесткость режима, его оторванность от мировых реалий, способность пойти на самые крайние, вызывающие всеобщий протест меры.

⁶¹ Москаленко В.Н. Афганистан и Пакистан в кн.: Афганистан: война и проблемы мира, с. 147–148.

⁶² Coll S. The Ghost Wars, p. 362–365 et.al.

В целом представляется, что режим талибов к началу XXI в. исчерпал лимиты своих возможностей, как во внутренней, так и во внешней политике, и его конец был лишь ускорен событиями 11 сентября 2001 г.

Завершая историю возникновения и пятилетнего господства талибов на большей части территории Афганистана, можно придти к таким выводам. Талибы, сложившиеся в военизированное движение спонтанно, под решающим влиянием внутренних факторов, не смогли бы победить, пусть и временно, без поддержки внешних сил. В первую очередь речь идет о правящих кругах Пакистана, а также Саудовской Аравии, а на первом этапе – и США. Поддержанные внешними силами для достижения своих целей, они не оправдали их расчетов и надежд.

Если говорить о США, то талибы не стали орудием возвращения во власть бывшего монарха М. Захир-шаха, проживавшего с 1973 г. в изгнании в Риме, они не обеспечили стабильной ситуации для реализации проектов по транспортировке через Афганистан нефтегазовых потоков, не искоренили наркобизнес, не устранили угрозы безопасности. Они не только не ликвидировали лагеря по подготовке террористов, но и способствовали их росту. В марте 1999 г. они отказались внять настоятельной просьбе администрации Б. Клинтона выдать У. бен Ладена и т.д.

На последнем этапе они перестали удовлетворять требованиям не только США, но и мусульманских союзников, все чаще выступая с не согласованными с ними экстремистскими заявлениями. Особенно наглядно метаморфозы в политике талибов проявились в отношениях с соседом и ближайшим союзником – Пакистаном. Так, талибы, несмотря на посредничество пакистанских властей, не возвратили захваченный ими в августе 1995 г. самолет российской авиакомпании, хотя Исламабад обещал это Москве. Кабул регулярно отказывался выдать Исламабаду пакистанцев, совершивших террористические акты в Пакистане и укрывавшихся в Исламском Эмирате.

Мало того, руководство ИЭА, внешне лояльное официальным кругам Пакистана, поддерживало тесные связи с происламскими организациями, в первую очередь с ДУИ и ДИ, находившимися в оппозиции правительству Н. Шарифа (1997–1999) и военной администрации генерала П. Мушаррафа (в 1999–2001 гг.). Эти

политические исламские организации, в свою очередь, демонстрировали свои «особые» отношения с талибами, пытаясь разыграть «талибскую карту» в своих интересах. Так, в апреле 1998 г. пакистанский исламист А. К. Хаккани объявил, что в Пакистане начинается создание движения по образу и подобию афганского движения Талибан, конечная цель которого — восстановление в стране порядков времен «праведных халифов». Хаккани заявил, что пакистанский народ «теперь с надеждой взирает на афганских талибов» и ожидает появления такого же «спасительного» движения у себя на родине⁶³.

Вторя ему, маулана Сами уль-Хак утверждал, что «исламская революция, подобная движению Талибан, — единственный путь решения нынешних проблем Пакистана». Он обратился с призывом ко всем исламским организациям Пакистана объединиться в единый фронт и выступить против правительства. И при этом угрожал, что если исламской оппозиции не удастся путем «мирной революции» сменить правительство, то произойдет «кровавая революция», которая сметет существующий в стране «богопротивный» режим⁶⁴.

Разумеется, подобная политика не вызывала восторга официального Исламабада. Судя по всему, Пакистан при генерале П. Мушаррафе уже тяготился ролью «опекуна» строптивых талибов. «Афганистан при талибах, — признавала в конце 1999 г. пакистанская газета «Ньюс», — не только превратился в прибежище религиозных экстремистов и различных джихадистских группировок, но и явился причиной небывалого давления на Пакистан со стороны международного сообщества»⁶⁵.

Между тем, бен Ладен, плел сети заговоров, приближавшие дело к развязке. Первым успехом его заговорщической деятельности было убийство Ахмад Шаха Масуда, главного противника талибов, 9 сентября 2001 г. Два арабских террориста, отобранные Аль-Каидой, сумели попасть в ставку Масуда в Панджерском ущелье под видом тележурналистов и один из них взорвал себя вместе с ним⁶⁶.

Через два дня Аль-Каиде удалось совершить невероятное — авиатаран двух самых высоких зданий в Нью-Йорке, башен-

⁶³ Вахдат. 13.04.1998.

⁶⁴ Шариат. 22.03.1998.

⁶⁵ The News. 21.11.1999.

⁶⁶ Coll S. The Ghost Wars, p. 574–576, 582.

близнецов Всемирного торгового центра. Причем совершили эту атаку смертники-пилоты, захватившие два пассажирских лайнера. На глазах всего мира, благодаря телевидению, разыгралась рукотворная трагедия небывалого масштаба⁶⁷. Два других пассажирских самолета, за штурвалами которых оказались террористы – большинство угонщиков были арабами, выходцами в основном из Саудовской Аравии – принесли меньшие бедствия. Один из них упал на здание Пентагона в Вашингтоне, а осуществить намерения захвативших другой лайнер помешали пассажиры. В трагедии 11 сентября 2001 г. погибли почти 3 тыс. чел. (а с пострадавшими, морально и физически, число жертв террористической атаки достигало 6–7 тыс.). Ответственность за теракты не отрицалась Аль-Каидой, хотя бен Ладен ее напрямую не брал на себя. Впоследствии в организации терактов признался человек № 3 в руководстве Аль-Каиды Х. Ш. Мухаммад, пакистанский белудж, выросший в Кувейте. В интервью телеканалу «Аль-Джазира», незадолго до своего ареста в Пакистане в 2003 г., он объявил, что предложил бен Ладену план действий и провел подготовительную работу⁶⁸.

Администрация США с самого начала не сомневалась в ответственности бен Ладена и Аль-Каиды и потребовала от режима Талибан выдачи преступников. Кабул отказался, и президент Дж. Буш-младший отдал приказ о подготовке военной операции против талибов, скрывающих у себя «террориста № 1»⁶⁹.

Менее чем через месяц после терактов, потрясших Америку, 7 октября, она объявила войну талибскому режиму и начала переправку специальных воинских частей и бомбежку с воздуха Афганистана. Непосредственное участие в военной кампании приняла также Великобритания. Но главным союзником США стали противники талибов среди афганских муджахедов – группировки Северного альянса. ЦРУ еще до сентября 2001 г. установило связь с А. Ш. Масудом и получала от него предупреждения об опасности для США со стороны Аль-Каиды. После начала боевых действий в задачу американских спецслужб входило помирить между собой враждовавшие группировки «северян» – таджикскую (ее после

⁶⁷ Об этих событиях написано много – см. напр.: Предисловие к русскому изданию своей книги, написанное Ж. Кепелем. *Кепель Ж. Экспансия и закат исламизма*, с. 7–11

⁶⁸ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 225–226.

⁶⁹ О подготовке к боевым действиям см, в частности: *Круглый стол в журнале Центральная Азия и Кавказ*, 2001, № 6.

смерти Масуда возглавили М. Фахим, а также М. Атта), узбекскую во главе А. Р. Достумом и хазарейскую (К. Халили, М. Мохаккик)⁷⁰.

Война в течение первых четырех недель состояла в непрерывных бомбежках позиций талибов авиацией западных союзников, главным образом США. Силы талибов были достаточно велики по размерам (40–60 тыс.), но разбросаны по стране. По призыву бен Ладена в Афганистан стали прибывать сочувствующие из арабских и других мусульманских стран (3–4 тыс.), а также из Пакистана (8–10 тыс.). На севере Афганистана воевали весьма решительно настроенные узбеки под руководством Дж.Намангани, а также чеченцы и уйгуры.

У начавшего спешные боевые действия Вашингтона не было уверенности в быстром и благополучном исходе операции. Однако отмеченные выше слабости режима Талибан давно подточили его силы и сделали конец Эмирата неожиданно скорым.

Бомбежки унесли жизни тысяч талибов и немало числа мирных жителей. Среди талибов почти сразу обнаружились капитулянтские настроения. Лидеры группировок начали переправлять свои семьи в безопасные места внутри страны и в Пакистан. Мулла Омар и другие руководители талибов не смогли мобилизовать силы для сопротивления, ушли в подполье. Часть талибов была недовольна Омаром за его нежелание выдать бен Ладена. Судя по всему, бомбежки с использованием современной авиации, в том числе дальней, обладающей высокоточным и мощным оружием, не только обескровили, но и напугали боевиков и поддерживающее их население. Горожане из-за угрозы бомбежек ринулись в деревни, а вместе с мирными жителями уходили сбившие бороды талибы. Seriously пострадали боевики-неафганцы, особенно воевавшие на севере: были убиты Намангани и сотни узбекских боевиков, погибли многие пакистанцы из корпуса, сформированного по призыву мауланы Суфи Мухаммада в северных районах пуштунского ареала. Бросая в бой иностранцев, талибские руководители думали, казалось, о «завтрашнем дне», заботясь о возможности уйти в тень, скрыться и переждать разразившуюся над ними грозу.

Через месяц после начала боевых действий (9 ноября) талибы потерпели первое сокрушительное поражение. Их группировка численностью около 8 тыс. чел. была разгромлена объединенными силами Северного альянса под Мазари-Шарифом. Бежавших на

⁷⁰ Rashid A. Descent into Chaos, p. 81.

пикапах талибов расстреливала с воздуха американская авиация. Север страны превратился, по словам А. Рашида, «в загон для охоты». Через три дня после взятия Мазари-Шарифа в руках Северного альянса оказался весь север (за исключением Кундуза), запад (куда вернулся полевой командир Исмаил Хан) и центр Афганистана⁷¹.

Окончательное падение талибского режима произошло быстро – через два месяца после начала операции под кодовым названием «Несокрушимая свобода», в конце ноября, талибы оставили Кабул, а в декабре – свою южную столицу Кандагар. Талибы постепенно сдали и другие опорные пункты. Последнее крупное столкновение между окруженными талибами и коалиционными войсками произошло в феврале 2002 г. в долине Шах-и-Кот к востоку от Гардеза, главного города провинции Пактия⁷².

Потерпев полное поражение в открытом бою (потери талибов составили, по ряду оценок, 8–12 тыс. чел., примерно 20% от наличного состава; сдаваться в плен они предпочитали не «северянам», а американцам, появившимся на афганской земле только в декабре в виде небольших десантных групп), боевики предпочли прибегнуть к излюбленной тактике партизан и диверсантов – «раствориться» среди местного населения и перейти границу, укрывшись в Пакистане.

Нужно заметить, что Исламабад был последним государством, разорвавшим в середине октября 2001 г. дипломатические отношения с Кабульским режимом. США поставили военного правителя страны генерала Мушаррафа перед выбором – он должен был либо продолжать поддерживать талибов, либо выступить вместе с Америкой против них.

Мушарраф сделал недвусмысленный и достаточно очевидный выбор в пользу США, постаравшись, вместе с тем, прикрыть поворот на 180 градусов попытками уговорить талибов выдать бен Ладена. Вместе с тем, Исламабад был вынужден, хоть и неохотно, содействовать США в устранении угроз со стороны Аль-Каиды, пытаясь сохранить при этом нетронутыми кадры Талибан. Эта двойственность обеспечила лидерам талибов теплый прием в Пакистане. По свидетельству того же А. Рашида, перейдя границу, талибы попада-

⁷¹ Ibid., p. 81–82.

⁷² Jones S.G. In the Graveyard of Empires. America's War in Afghanistan. N.Y., 2010, pp. 95–98, 101–108

ли в дружелюбную и знакомую многим из них по первой эмиграции обстановку. Их опекали офицеры МВР, направляя в безопасные места, обеспечивая лечение и помогая с обустройством⁷³.

По оценкам, поток беженцев из Афганистана в Пакистан в 2001–2002 гг. хотя и был на порядок меньше, чем в конце 1970-х – 1980-е годы (3,0–3,5 млн.), но составил все же примерно 300–400 тыс. человек. Это были в основном боевики-талибы и их союзники, переходившие границу вместе с семьями и родственниками⁷⁴.

Имелось три основных направления перехода беженцев через афгано-пакистанскую границу – южный, центральный и северный. Первым направлением воспользовались бежавшие из южных провинций Афганистана, таких, как Кандагар, Гильменд, Забул, Урузган, а также из ряда юго-западных провинций (Нимроз и Фарах). Они пересекали границу по дороге (или по тропам параллельно ей), ведущей из Спинбулдака в Чаман, и попадали в пакистанскую провинцию Белуджистан, в северные ее округа с преимущественно пуштунским населением. Основным пунктом притяжения для них был столичный для провинции город Кветта⁷⁵.

Центральное направление пролегало из горных районов Большой Пактии (провинций Пактика, Пактия, Хост, Нангархар) и прилегающих к ним Логара, Кабула, Лагмана на Территорию племен федерального управления (ТПФУ). Дорога здесь пролегалла по горным тропам и перевалам. Наибольшее значение имел путь из Хоста в юные агентства (округа) ТПФУ – Северный и Южный Вазиристан. Именно этим путем в Пакистан перебазировались не только отряды талибов, но и группировки Аль-Каиды, а также прирывающих к ней организаций, таких как ИДУ.

Третий путь пролегал из северных округов провинций Нангархар и Лагман, провинций Кунар и Нуристан и вел в северные агентства ТПФУ (Моманд и Баджаур) и на север тогдашней Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП). Этим путем воспользовались не только талибы, воевавшие на севере Афганистана, но и группировки Г. Хекматъяра, а также остатки корпуса пакистанских добровольцев, собранных Суфи Мухаммадом в основном

⁷³ *Rashid A. The Descent into Chaos*, p. 77–78.

⁷⁴ *Janjua M.Q. In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability and the Future of Pakistan and Afghanistan*. Publishes M.A. Thesis. Monterey, 2009, p. 32.

⁷⁵ *Rashid A. A Descent into Chaos*, p. 98–99.

в агентстве Баджаур, а также округах Сват и Дир области Малаканд.

Повторим, что не все талибы перешли через границу с Пакистаном, часть из них осталась в Афганистане. Некоторые из руководителей талибских группировок попытались договориться с новыми властями о почетной сдаче в плен, но эти их шаги, как правило, не были оценены. Поэтому большинство из оставшихся в Афганистане талибов притаилось, занялось мирным трудом, стараясь не терять старые связи и контакты с бывшими командирами.

Глава 5. Превращение пуштунского ареала Пакистана в опорную базу джихадистов. Возрождение афганских талибов. Пакистанское движение Талибан.

Переход через границу потерпевших поражение, деморализованных и потерявших тысячи бойцов талибов превратил западные и северо-западные окраинные области Пакистана в их перевалочную базу и место отдыха. Вместе с тем, число талибских боевиков, перешедших из Кандагара в Белуджистан, равнялось примерно 10 тысячам¹. Очень скоро, с помощью пакистанских военных и военной разведки (МВР), талибы почувствовали себя на пакистанской земле комфортно и в безопасности. Для многих из них это было сравнимо с возвращением домой, в хорошо знакомые места, где они выросли в лагерях, оборудованных для беженцев. Причем лагеря для беженцев из охваченной пламенем войны Народно-Демократической Республики Афганистан сооружались за счет ООН. В тех же местах, рядом с палаточными лагерями, многие афганские талибы, в основной массе пуштуны, учились в медресе и посещали мечети, находившиеся под патронажем происламских партий, прежде всего, деобандской Джамиат-е улама-е ислам (ДУИ)².

Пакистанские власти, а у руля правления страной с октября 1999 г. стояли военные во главе с начальником штаба армии П. Мущаррафом по-разному относились к талибам, с одной стороны, и представителям других исламистских боевиков, в первую очередь к Аль-Каиде, с другой. Изменив решительно всю свою политику в регионе, перейдя от поддержки талибского Кабула к разрыву с ним, Исламабад в то же время не видел в талибах своих противников. Их «вина», по мнению официального Пакистана, состояла

---

¹ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 240.

² *Ibid.*, p. 240, 243.

главным образом в том, что они не выдали американцам бен Ладена, не желая нарушать законы афганского гостеприимства. Разумеется, и внутренняя политика талибов была по сути неприемлемой для пакистанских верхов. Многие члены правящей элиты, в частности, сам Мушарраф, не разделяли радикальных исламистских взглядов движения Талибан. Однако и он, как и большинство военных, да и представителей высшей гражданской бюрократии, подходили к внешней политике страны по-прежнему с позиций геополитического соперничества с Индией в регионе, в частности, в Афганистане. Пакистанцы видели в талибах (а расширительно, и в афганских пуштунах) своих «естественных» союзников. Исламабад опасался утверждения у руля правления в Кабуле представителей непуштунского Северного альянса и рассматривал Талибан как одну из своих будущих опор в соседней стране. В Исламабаде, кстати, вскоре после начала антиталибской интервенции США пришли к выводу, что американцы пришли в Афганистан ненадолго, хотят вести войну малой ценой и не желают рисковать жизнями своих военнослужащих. А следовательно, наступит момент, когда талибы могут вновь пригодиться³.

Отношение к Аль-Каиде и ее союзникам у Пакистана было иным. Они представляли собой для Исламабада прямую угрозу, так как поддерживали действующих против властей местных исламистов и опасных для них террористов. Недаром режим Мушаррафа еще в августе 2001 г., т. е. до событий 11 сентября, объявил о запрете двух радикальных пакистанских группировок, одна из которых Лашкар-е джангви была связана с Аль-Каидой и признавалась (тогда и в дальнейшем) ответственной за антишиитские теракты⁴.

После громких террористических вылазок, совершенных пакистанскими экстремистами в Индии (в ноябре и декабре 2001 г., сначала в Кашмире, а затем в самом Дели, у здания индийского парламента), в Пакистане спохватились. Президент страны, генерал П. Мушарраф, выступая по радио 12 января 2002 г., резко осудил радикальный исламизм и его террористические действия и объявил о запрете практически всех основных исламистских организаций. Вслед за тем власти арестовали лидеров запрещенных группировок, начав расследование их деятельности. Но жесткое

---

³ Ibid., p. 241.

⁴ Jones O.B. Pakistan. Eye of the Storm. New haven and London: 2009, p. 310.

противостояние с исламистами продлилось недолго, и носило во многом политико-пропагандистский характер⁵.

Различия в отношении к движению Талибан и международным террористам со стороны пакистанских властей объяснялись в существенной мере и тем, что пакистанцы могли хорошо «продать» свое участие в поимке главарей Аль-Каиды, чем, несомненно, и воспользовались. Что касается межгосударственного уровня, то в знак благодарности за согласие Исламабада помогать в поиске и поимке организаторов терактов 11 сентября, и, разумеется, за проявленную ранее готовность оказать логистическую поддержку в ходе афганской кампании 2001–2002 гг. США, а вслед за ними и ряд других государств, отменили экономические санкции, введенные против Пакистана в 1998 г. за проведение им ядерных испытаний. Кроме того, возобновилось оказание военно-экономической помощи, улучшились условия для экспорта в США и Европу пакистанских товаров и т.д. В результате заметно улучшилось экономическое положение страны. Решением президента Дж. Буша Пакистан в 2004 г. был причислен к категории стран-главных союзников США вне НАТО по борьбе с терроризмом.

Лидеры Аль-Каиды стали ощущать растущее давление пакистанских специальных органов, действующих в одной команде с американцами. Первым, при попытке уехать из Пакистана, попал в руки местных контрразведчиков ал-Либи, руководитель крупнейшей тренировочной базы террористов в горах Афганистана. В марте 2002 г. в Пакистане был задержан и, как и ал-Либи, передан американцам Абу Зубейда, «правая рука» бен Ладена. Позднее, в марте 2003 г., пакистанские спецслужбы помогли арестовать Х. Ш. Мухаммада, который признал себя главным организатором терактов 11 сентября⁶. В течение 2002–2003 гг. спецслужбы Пакистана вместе с агентами ЦРУ и ФБР арестовали и переправили в американские тюрьмы, главным образом на Кубе, в заливе Гуантанамо, сотни подозреваемых в принадлежности к Аль-Каиде и осуществлении террористических акций.

В число арестованных и заключенных в тюрьму попали и некоторые лидеры Талибан, в том числе и принадлежащие к катего-

---

⁵ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана, с. 429–430; Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N. A Political History of Pakistan 1947–2007. Karachi, Oxford University Press, 2013, p. 381–382

⁶ Rashid A. Descent into Chaos, p. 224–226.

рии «умеренных» (такие как бывший министр иностранных дел А. В. Мутаваккиль, бывший посол талибов в Пакистане А. С. Заиф и др.). Однако через несколько лет они вышли на свободу, и в целом руководство талибов пострадало существенно меньше, чем предводители Аль-Каиды и других неафганских джихадистов.

Характерно, что мулла Омар по сведениям, приводимым А. Рашидом, первое время после оставления без боя Кандагара скрывался во внутренних районах Афганистана (главным образом в провинциях Гильменд и Урузган). В мае 2002 г. он дал интервью, в котором заявил, что война за Афганистан только началась, и Америку ждет «огонь, ад и полный разгром»⁷. Зимой 2002 г. Омар перебрался в Пакистан и, пользуясь услугами «старых друзей» из пакистанской войсковой разведки, расположился недалеко от афганской границы, в Кветте или ее округе, куда заранее переправил свою семью⁸. Туда же переехали многие соратники Омара с семьями и домочадцами. В городе возник пригород под характерным названием Пуштунабад (город пуштунов).

Кветта и ее окрестности, а также пограничный населенный пункт Чаман, превратились с течением времени в главную опорную базу афганских талибов. Хотя город Кветта (от пуштунского слова «крепость») с середины XIX в. принадлежит Белуджистану – провинции, где большинство населения составляют белуджи и ассоциирующие себя с ними брагуи, он на деле является южной частью пуштунского ареала Пакистана.

В этот ареал входят также другие северные округа провинции Белуджистан – Пишин, Лоралаи и Зхоб (Жоб), а также расположенные к северо-востоку от них округа провинции, долгое время известной, как Северо-Западная пограничная (сокращенно на урду – Сархад, т. е. граница). В 2010 г., она переименована пакистанским парламентом, как мы упоминали выше (см. Гл. 1), в провинцию Хайбер-Пахтунхва, т. е. хайберско- (по названию знаменитого горного перевала) пуштунскую (X-II). Важнейшей составляющей пуштунского региона в пределах Пакистана является так называемая «полоса или зона свободных племен». Она охватывает наиболее высокогорную часть пуштунского ареала, простираясь вдоль отрогов Гиндукуша с северо-востока на юго-запад. (см. карту) Полоса состоит из семи политических агентств (округов)

---

⁷ Ibid., p. 241–242.

⁸ Ibid., p. 242–244.

отдельной административной единицы Пакистана – Территории племен федерального управления (ТПФУ). В горах к северу от ТПФУ находится область Малаканд провинции Х-П, являющаяся при этом Территорией племен провинциального управления. ТППУ образовалась после ликвидации в 1970 г. пуштунских княжеств Амба, Дира, Свата и Читрала. В ней действуют одновременно законы племенной зоны и обычных провинциальных округов. Население ТППУ участвует в выборах вместе с жителями провинции, в то время как выборы в ТПФУ проходят по своим законам. Уголовные дела в зоне федеральных племен до сих пор ведутся в рамках введенных англичанами Frontier Crimes Regulations (FCR, Указы о пограничных правонарушениях)⁹.

Завершая краткую характеристику пакистанского пуштунского ареала, отметим, что пуштуны составляют более 75% населения провинции Х-П. Основная их часть населяет равнинные и предгорные округа провинции – Мардан, Пешавар, Кохат, Банну, Хангу (см. карта). Большинство непуштунов обитают в северо-восточном округе Хазара и юго-западном Дераисмайлхане.

Нужно заметить, что пуштуны, обитающие на севере Белуджистана, принадлежат в основном к племенам дуррани, а также каккар и тарин. Сильнейшее среди дуррани племя ачакзай (ацакзай), традиционно враждует с дурранийскими племенами Афганистана (прежде всего нурзаями), а какары и тарины не имеют родственных групп на афганской стороне¹⁰. Поэтому есть основания считать, что южный центр талибов возник без использования племенных связей, главным образом благодаря поддержке пакистанских военных и спецслужб, а также партии Джаммаат-е уламе-е ислам

---

⁹ В административном отношении разница между агентствами ТПФУ и округами ТППУ невелика. И теми, и другими управляет губернатор северо-западной провинции, но в первом случае он действует от имени федерального центра (Исламабада), а во втором – провинциального (Пешавара). При этом в ТПФУ его представителями, а фактически полновластными начальниками на местах являются «политические агенты» (отсюда название агентства), а в ТППУ (в той части, которая касается пограничного права) – комиссары округов Читрал, Нижний и Верхний Дир, Сват, Бунер и Малаканд.

¹⁰ Исторически верхушка ачакзаев тяготела к оппозиции властям, использовала левую риторику и возглавляла светскую пропуштунскую партию. Сначала партия называлась *Врор пуштун* (Пуштунское братство), а позднее – Пуштунхва Национальной Народной партии. – *Ганковский Ю.В.* Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, с. 183, 186; Он же. Национальные движения в современном Пакистане в кн.: *Западная Азия: этнополитическая ситуация.* Отв. ред. М.С.Лазарев. М., 1993, с. 165–166.

(ДУИ), сформировавшей после выборов 2002 г. правительство Белуджистана¹¹.

Воспользовавшись этой поддержкой, мулла Омар стал восстанавливать силы талибов на юге Афганистана. Он поручил видным деятелям своей бывшей администрации и одновременно полевым командирам реорганизовать боевые структуры в провинциях Урузган (мулла Б. Ахунд, бывший зам. министра обороны), Гильменд (мулла А. М. Усмани, бывший глава армии), Кандагар (мулла Дадулла, о нем см. выше) и Забул (мулла А. Раззак, бывший министр внутренних дел)¹².

Летом 2003 г. мулла Омар образовал новый руководящий совет движения из 10 человек. Большинство в нем составляли муллы и полевые командиры из Кандагара и Гильменда и только двое представляли восточные провинции Пактию и Пактику¹³. По сведениям пакистанской газеты «Ньюс» от 24 июля 2003 г., персонально в его состав вошли Дж. Хаккани, С. Мансур, мулла Дадулла, А. М. Османи, А. Х. Мансур, мулла Обейдулла, Х.А.Маджид, мулла А. Г. Барадер, мулла М. Расул и мулла А. Р. Хафез¹⁴.

Второй центр возрождающегося движения Талибан сложился несколько севернее, в ТПФУ, главным образом в агентствах Южный и Северный Вазиристан. Существенную роль здесь, очевидно, сыграл племенной фактор. Традиционно обитающие в этих горных и труднодоступных местах племена вазиров и масудов отличаются особой воинственностью. Они не раз принимали участие в политической судьбе Афганистана, а также Индии колониального периода. Тесные связи они, как правило, поддерживали с афганскими племенами, населяющими пограничную с этими агентствами область так называемой Большой Пактии (Лойя Пактия, современные афганские провинции Хост, Пактика, Пактия, Логар). Часть вазиров проживают также на афганской территории. Среди крупных горных племен на афганской стороне выделяются выше упомянутые джадран и джаджи.

Представитель одного из подразделений племени джадран (задран) Джалалуддин в начале 1970-х годов получил религиозное образование в медресе Хакканийя в Акорахаттаке (ТПФУ) и по-

---

¹¹ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 242.

¹² *Ibidem*.

¹³ *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*, p. 266.

¹⁴ *Ibid.*, p. 399.

лучил (как и некоторые другие выпускники крупнейшего деобандского *дар-уль-улума*) почетное имя Хаккани.

Отметим, что роль Дж. Хаккани представляется недооцененной некоторым американским военным специалистом¹⁵. Они утверждают, что еще в 1973 г., он объявил джихад тогдашнему правительству Афганистана и создал опорные центры в Хосте, Кабуле и Мирамшахе (главном городе Северного Вазиристана). Хаккани был одним из доверенных лиц пакистанской военной разведки в период джихада в 1980-е годы. В конце того десятилетия не только А. Аззам, но и Хаккани стал одним из «крестных отцов» организации бен Ладена. Хаккани создал в 1990-х годах печатный орган «Манба аль-джихад» (на пушту и арабском), который впоследствии стал по преимуществу электронным. Оставаясь в тени в первой половине 1990-х годов, Дж. Хаккани в 1996 г. присоединился к талибам. После прибытия бен Ладена в Афганистан в том же году Джалалуддин, контролируя основную часть Большой Пактии, стал одним из важных связующих звеньев между Аль-Каидой (с базами в Хосте) и руководством Талибан в Кандагаре. Крупная тренировочная база джихадистов действовала под его началом в долине Джавара в Пактии¹⁶. На последнем этапе существования Эмирата он был министром по делам племен в кабульском правительстве.

Зимой 2001–2002 гг. Джалалуддин организовал эвакуацию руководителей и рядовых членов Аль-Каиды, а также примыкающих к ним организаций из лагерей и пещер в горах Тора Бора в Хосте на пакистанскую территорию, главным образом в агентство Северный Вазиристан. Туда же перебрался он сам, пользуясь давними связями среди вазиров и опираясь на контакты в пакистанской разведке. В Мирамшахе он создал совет (шуру), представляя ее в вышеупомянутом руководящем совете талибов (Рахбари шура) в Кветте. Хотя термин «сеть Хаккани» появился только в 2006 г. (в документах американской официальной аналитики), сетевой (скрытый и релейный) принцип характерен и для начальных этапов деятельности центра под его руководством, включавшей в качестве единого ареала афганскую Большую Пактию и пакистанский Северный Вазиристан¹⁷.

---

¹⁵ See: The Haqqani Nexus and the Evolution of Al Qaeda-Afghan Insurgents by US Military, Feb. 2013. (Electronic Edition available at Amazon Kindle), p. 12.

¹⁶ Ibid., p. 41.

¹⁷ Ibid., p. 62.

Третий центр джихадистов на территории Пакистана возник севернее в районе Пешавара и был представлен поначалу разными группами, перебравшимися туда из центральных и северо-восточных районов Афганистана. Сильнейшей среди них вскоре стала Хезб-е ислами Г. Хекматъяра, опиравшаяся на поддержку пакистанской МВР и сумевшая восстановить зону влияния на севере провинции Нангархар и в провинциях Кунар и Нуристан. Хекматъяр направил свою энергию на критику действий иностранной коалиции в Афганистане. Именно эта идеологическая позиция превратила его в союзника талибов¹⁸.

Период возрождения и диверсионно-террористической войны талибов и союзных с ними джихадистов против Кабула и помогающих ему международных сил можно условно подразделить на три крупных этапа – 2003–2006, 2006–2009 и 2009–2014 гг.¹⁹ Первый этап можно считать подготовительным к активным действиям, второй – пиком военно-террористической активности, а третий – переходом к новой тактике точечных ударов и выжидания, связанного с планами ухода большей части иностранных войск из страны.

Первые годы после поражения талибы посвятили в основном собиранию денег, оружия, боеприпасов и восстановлению рядов. Новая военная кампания талибов началась весной 2003 г., чему способствовали, видимо, известия о начале операции США в Ираке против С. Хуссейна (хотя первые вылазки они предприняли еще в январе того года, в пограничном Спинбудаке)²⁰.

Талибы, по мнению наблюдателей, мало чему научились на своих ошибках²¹. Они ничего не изменили в идеологии, не стали,

---

¹⁸ По сведениям А.Рашида, Иран в 2002 г. разрешил Хекматъяру покинуть Мешхед и после секретных переговоров с военной разведкой (МВР) он тайно поселился в Пешаваре, став союзником талибов и Аль-Каиды, но никогда полностью не смешиваясь с ними. *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 244.

¹⁹ Похожую периодизацию см: *Нессар О.* Афганский вопрос и региональные противоречия в кн: Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. Отв. ред. М.Р. Арунова. М., 2012, с. 77–78; *Мендкович Н.* Уроки на будущее // Россия в глобальной политике, 2013, 2, с. 81–90.

²⁰ *Rashid A. Taliban, Militant Islam, Oil and Fundamentalism*, p. 186.

²¹ Мало оснований оказалось для того, чтобы называть их новыми талибами, или неоталибами. Это название стало использоваться в западной журналистике и аналитической литературе с 2003 г., но достаточно скоро вышло из употребления. Одна из последних попыток использовать термин содержится в серьезной и информативной книге «Талибы и кризис в Афганистане». Он используется рядом авторов, в частности одним из редакторов

в частности, разыгрывать карту пуштунского национализма. Главным их призывом стал лозунг освободить от иностранцев, прежде всего «ненавистных американцев», родную землю. Они предали анафеме местных пособников американцев – Х. Карзая и Северный альянс, действуя во время вылазок в Афганистан жестко по отношению к мирному населению – поджигали дома и школы, убивали тех, кто помогал властям. Особенно этим отличался мулла Дадулла²². Отдельные вылазки талибы предпринимали и в более удаленных от границы районах, однако их контроль над теми или иными местностями устанавливался чаще всего sporadически. К тому же, надеясь набрать очки в информационной войне, выступавшие от талибов и часто сменявшие друг друга представители (спуоксмены) зачастую преувеличивали свои успехи и выдавали желаемое за действительное.

Типичным примером действий талибов на первом этапе был эпизод, связанный с проникновением отряда муллы Дадуллы в пограничную провинцию Забул в мае 2004 г. Находившиеся там американские части столкнулись с ожесточенным сопротивлением отряда, численностью 500–800 чел., и понесли крупные потери. Талибы после боев ушли из провинции, скрывшись на пакистанской территории²³.

На первом этапе талибы были еще достаточно слабы в военном и финансовом отношении. Им, по утверждению А. Рашида, помогали отставные пакистанские офицеры, вышедшие в отставку разведчики и ветераны пограничной службы. Публично в их защиту выступал занимавший в конце 1980-х годов пост главы Межвидовой войсковой разведки (МВР) генерал Х. Гуль²⁴.

Несмотря на жесткость талибов, сельское афганское население скоро заняло по отношению к ним нейтральную или благожелательную позицию, поскольку для него мало оправдались надежды на изменение жизни к лучшему, появившиеся после прихода в Кабуле новых властей. Назначенные администрацией Х. Карзая (сначала он был главой переходного правительства, а с 2004 г. – президентом) губернаторы провинций, как правило,

---

книги американским профессором афганского происхождения Амином Тарзи. See: *The Taliban and the Crisis of Afghanistan*. Ch.8.

²² *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 251.

²³ *Ibid.*, p. 253.

²⁴ *Ibid.*, p. 232-233.

были признанными лидерами традиционно господствующих на местах военно-политических группировок. На юге Афганистана они стали поощрять производство наркотиков и участвовать в контрабандной торговле ими²⁵.

Не способствовало росту популярности новых властей и общее положение дел в стране. Правительство президента Х. Карзая приступило к осуществлению реформ и «нациестроительству», но не смогло избежать при этом широко распространенных, и не только в Афганистане, пороков – коррупции, nepотизма и бюрократической неповоротливости. Официальная американская организация по оказанию экономической помощи (USAID) страдала от недостатка средств и внимания к своей деятельности. Малоэффективными оказались и многочисленные неправительственные организации. Постепенно разрасталась проблема кризиса сферы местного управления, Кабул не мог установить, а нередко и терял установленный контроль за властью на местах. В проблему для Х. Карзая и его американских советников превратилось урегулирование разногласий между «военными лордами» разных регионов и областей, конфликты между «северянами»-непуштунами и пуштунами, с одной стороны, и трения внутри этих групп, с другой.

Выделенные на подъем афганской экономики средства международных доноров (по решению Боннской 2001 г. и Токийской 2002 г. конференций) выделялись с опозданием и в значительной мере разворовывались. Правительство в Кабуле было лишено возможности распределять основную часть поступающих средств между провинциями, что лишало его рычагов влияния на них. Основное внимание США (администрация президента Дж. Буш-младшего, членов которой в целом можно отнести к приверженцам идеологии «неоконов», силовиков-неоконсерваторов), а вместе с ними их союзники по НАТО обращали на вопросы безопасности. Они мало интересовались созданием условий для хозяйственного развития, перемен в области образования и здравоохранения, формирования основ современного государства.

Военные подразделения иностранной коалиции (США и Англии), а также других стран, сформировавшие под эгидой НАТО не выполняющие обычно боевых задач Международные силы содействия безопасности (МССБ), ограничивались наблюдением за

---

²⁵ United Nations Office on Drugs and Crime. Afghanistan Opium Survey 2009. Wash., Sept. 2009. PDF format, p. 101–104

порядком в крупных городах и в районах своей дислокации. Они плохо отслеживали ситуацию в сельской местности таких ключевых для талибов южных провинций, как Гильменд, Кандагар, Урузган и Нимроз. Между тем, влияние талибов за пределами городов неуклонно росло, хотя положение в различных округах отличалось своеобразием в зависимости от локальных условий²⁶.

До 2006 г. американцы старались не замечать существование баз талибов в пакистанском Белуджистане, концентрируя свои главные усилия на выявлении их активности в СЗПП, в районе Пешавара. Это, по всей видимости, объяснялось их стремлением поймать и обезвредить бен Ладена и других руководителей Аль-Каиды, так как те предпочитали скрываться на севере страны, а также в крупнейших городах – Карачи, Лахоре, Фейсалабаде.

Следует подчеркнуть, что в 2003 г. на начальном этапе новой афганской войны численность талибов и других сил вооруженной оппозиции, прежде всего связанной с Аль-Каидой оценивалась в 5,5 тыс. чел. За три последующие года боевые силы талибов возросли втрое, до 19 тыс., и почти сравнялись по численности с войсками международного коалиции в Афганистане²⁷.

Весной 2006 г. началось хорошо подготовленное наступление талибов на юге Афганистана. Опорной базой для него служила пакистанская территория, граница с которой не охранялась ни американскими военными, ни силами МССБ. Город Кветта удобно расположен для руководства диверсионно-террористическими и боевыми операциями, как в южных, так и в восточных областях Афганистана. При этом на юге, в провинциях Гильменд и Кандагар, Кветтская шура действовала самостоятельно, опираясь на поддержку в племенах дурранийской группы, а на востоке (в Большой Пактии), активность проявляла главным образом аффилированная с талибами «сеть Хаккани».

Пересекая границу с Пакистаном, группы талибов, образуя затем отряды и подразделения, проникали на юг Афганистана с целью выбить иностранные и правительственные войска из Кандагара, и вступали с ними в ожесточенные бои²⁸. Особенно серьезным

---

²⁶ *Dorransoro J. The Taliban's Winning Strategy in Afghanistan. Wash., 2009, p. 16–19.*

²⁷ Данные приведены в статье Н. Мендковича без указания на источник: Мендкович Н. Уроки на будущее. Военные итоги афганской кампании НАТО, с. 86.

²⁸ *Jones S.G. In the Graveyard of Empires, America's War in Afghanistan. N.Y., 2010. p. 210–215.*

было второе наступление талибов на Кандагар в конце лета 2006 г. В течение предшествующих месяцев они незаметно собрали своих людей в округе Панджваи близ Кандагара и стали переправлять их в город, чтобы взять его изнутри. Командование силами НАТО реагировало с опозданием, но успело перебросить туда 10-тысячный корпус, состоявший из американцев, англичан и канадцев (примерно в равных пропорциях). Корпус провел операцию «Медуза», попытавшись очистить Панджваи от талибов. Это оказалось нелегким делом, поскольку тысячи хорошо вооруженных талибов боролись за каждый дом, часто используя мирных жителей как живой щит. Канадцы окружили группировку талибов в местечке Пашмул, но та вышла из окружения с помощью крупного подкрепления из Пакистана. Бои длились до поздней осени. Помимо иностранцев, активное участие в них приняли подразделения правительственной национальной армии, вступавшие с талибами в рукопашный бой²⁹. Число погибших в боях того года увеличилось на порядок – более 1000 чел. по сравнению с 160 в 2005 г.³⁰

При этом американцы предпочитали подавлять противника атаками с воздуха, хотя только этим борьба с талибами не могла ограничиваться. В ходе наземных операций талибы сопротивлялись попыткам взять их в кольцо и при первой возможности контратаковали. Особенно нелегко пришлось в тот год британским войскам, прибывшим незадолго до того в Гильменд с целью сократить там выращивание опиийного мака и контрабанду наркотиков. В боях в округах Кала-Муса и особенно Марджа отдельные британские части были окружены и в течение месяца оборонялись, не имея запасов питьевой воды³¹.

Превосходство союзников в авиации, в конце концов, решало исход отдельных военных операций, но талибы уходя, производили перегруппировку и атаковали в других местах. В октябре 2006 г. они одновременно наступали в пяти провинциях, в том числе и в отдельных северных, в частности, в Кундузе³².

---

²⁹ *Rashid A. Descent into Chaos*, p. 363.

³⁰ *Ibid.*, p. 365.

³¹ *Jones S.G. In the Graveyard of Empires*, p. 235.

³² Этими операциями руководило северное командование (фронтовая шура) талибов. Наряду с северным командованием действовали южное и восточное. Все они тесно контактировали с группировкой Хаккани и поддерживали связь с силами Хекматьяра. *Ibid.*, p. 368.

Между тем, атаки на позиции талибов с воздуха вынуждали мирных жителей покидать родные места и устремляться в крупные города. Для южных и восточных провинций наиболее безопасным местом был Кабул, куда прибыли тысячи беженцев. Их бедами и негодованием воспользовались талибы, организовавшие в городе в 2006 г. серьезные антиамериканские бунты³³.

Талибы продолжали применять тактику открытого боя и в последующие два года. Вместе с тем, они начали все шире использовать террористические методы борьбы и самодельные взрывные устройства (СВУ). Мины устанавливались ими вдоль дорог и при въезде на военные базы и другие объекты противника. Самодельные бомбы подкладывались в машины. Взрывы таких бомб служили эффективным средством запугивания и нанесения ущерба. По подсчетам американского аналитика А. Кордесмана, число инцидентов с применением СВУ в 2006–2007 гг. колебалось вокруг отметки 200 в месяц, но уже летом 2008 г. превысило 400, а в июле 2009 г. достигло 1000. Основная часть боевых диверсий с применением СВУ велась талибами на юге Афганистана – примерно половина случаев приходилась на Гильменд, далее в порядке убывания следовали Кандагар, Хост, Урузган и Газни. Деятельность диверсантов распространялась и на некоторые другие провинции, в том числе и на севере страны³⁴.

С 2007 г. неуклонно увеличивалось число терактов, совершенных смертниками. Эту тактику талибы (не без сомнений и разногласий) позаимствовали у Аль-Каиды. Как и предрекали арабские исламо-экстремисты, в частности, Айман аз-Завахири, тактика оказалась весьма результативной – потери правительственного лагеря и иностранцев от отдельных террористических вылазок резко возросли.

Вместе с тем, на втором из выделенных нами этапов (2006–2009), когда сопротивление талибов достигло апогея, существенно увеличились и потери в их рядах. В боях с противником, заметно превосходящим их вооружением, амуницией, боеприпасами и другими технико-тактическими средствами, повстанческая армия исламистов недосчиталась тысяч бойцов – убитыми, ранеными и взятыми в плен. Потери были бы еще больше, если бы не возмож-

---

³³ Ibid., p. 361–362.

³⁴ Cordesman A. *Afghan War: Meeting the Challenges of 2010*//www.csis.org/files/publication/10008_AfghanWarStatusII_Challenges.pdf, p. 34, 35.

ность укрыться в Пакистане, хотя ситуация там к концу рассматриваемого периода изменилась (об этом ниже).

В боях середины 2000-х годов гибли не только рядовые талибы, но и их командиры. В мае 2007 г. под Кандагаром был убит мулла Дадулла, ответственный за проведение всех военных действий Кветтской шуры. Его заменил мулла Абдул Гани Барадер, но и его, и брата Дадуллы, Мансура, в 2010 гг. арестовали и заключили под стражу в Пакистане.

На третьем этапе войны, начавшемся после 2009 г., талибы столкнулись с новой тактикой США и НАТО. По решению администрации Б. Обамы контингент американских войск увеличился сначала на 17 тыс., а затем еще на 33 тыс. чел., и к концу 2010 г. достиг почти 100 тыс. чел. Примерно в той же пропорции возросла численность войск союзников США. На пике, в 2011–2012 гг., в Афганистане сосредоточилось порядка 150 тыс. иностранных военнослужащих, объединенных на этом этапе в Международные силы содействия безопасности (МССБ) и Коалиционные силы (КС). И те, и другие с 2009 г. находились под командованием американских генералов. В ответ на новую тактику противника и с учетом крупных потерь, которые талибы терпели в открытых боестолкновениях, они изменили характер своих действий, перенеся основной упор на диверсии, саботаж и акты целенаправленного террора.

Прежде чем касаться этих вопросов, обратимся к ситуации на пакистанской стороне границы и проследим за появлением пакистанского движения Талибан. Как выше отмечалось, пакистанские власти с самого начала современной фазы военных действий в Афганистане, т. е. с 2002–2003 гг., вели своего рода «двойную игру». Помогая в борьбе с международным терроризмом, Аль-Каидой и другими экстремистскими организациями, они часто не препятствовали деятельности талибов, относясь к ним как к братьям-пуштунам и людям, близким по политико-идеологическим взглядам. Обустройству талибов в пуштунском поясе содействовал успех блока происламских партий под названием Муттахида маджлис-е амаль (Объединенный фронт действия) на парламентских выборах в октябре 2002 г. Получив значительное число мест в провинциальном собрании Белуджистана и большинство мест в собрании СЗПП, исламисты в первой провинции возглавили, а во второй сформировали провинциальные правительства, находившиеся у власти вплоть до конца 2007 г.

Двойственность и противоречивость подходов пакистанских властей к афганским талибам и связанным с ними группировкам четко выявилась после того, как пакистанская армия и пограничный корпус, набираемый из местных жителей, в 2002 г. вступили на территорию ТПФУ и установили контроль над основными путями сообщения (горными дорогами) и такими населенными пунктами, как Вана (главный город Южного Вазиристана), Мирамшах (Северный Вазиристан), Парачинар (агентство Куррам) и др. Этот контроль носил по преимуществу неполный и временный характер в связи с отводом войск в зимнее время на базы постоянной дислокации вне полосы племен.

Несмотря на это, можно считать, что в начале XXI столетия была в конце концов нарушена изолированность полосы независимых племен от внешнего мира и современной государственной власти. Причем нарушались эта «инкапсулированность» как с афганской, так и с пакистанской стороны зоны расселения живущих еще в основном по традиционным канонам племенных сообществ. Например, в 2005 г. пакистанские вооруженные силы подвели к афганской границе в районе ТПФУ 75 тыс. войск, а с противоположной стороны американцы, совместно с афганскими правительственными войсками, сосредоточили около 25 тыс. военных³⁵.

Таким образом, линия Дюранда фактически впервые в истории оказалась реально демаркированной, на ней началось строительство и оборудование блокпостов. Пакистанское правительство в 2006 г. предложило Кабулу установить заборы и заграждения вдоль горной границы, однако предложение Исламабада было отвергнуто³⁶.

Между тем, под боком у пакистанской армии в горах и малодоступных районах полосы племен, прежде всего в агентствах Южный и Северный Вазиристан, возникли и окрепли местные проталибские силы. Произошло это в результате их взаимодействия с боевиками афганского движения Талибан, Аль-Каиды, ИДУ и других организаций этого типа. При этом в роли лидеров, вербовщиков и агитаторов выступали, как правило, молодые люди из

---

³⁵ *Janjua M.Q.* In the Shadow of the Durand Line: Security, Stability and the Future of Pakistan and Afghanistan. Publishes M.A. Thesis. Monterey: Naval Postgraduate School, 2009. [Electronic version] Ch. 4. FATA – A Most Dangerous Place. Meeting the Challenge of Militancy and Terror in the Federally Administered Tribal Areas of Pakistan. Center for Strategic and International Studies, Wash., January 2009, p. 35.

³⁶ *Ibid.*, p. 37.

пакистанской полосы племен, имевшие опыт участия в боях в Афганистане на стороне режима Талибан.

Нужно заметить, что действия пакистанской армии против исламистов в первый раз всерьез активизировались ранней весной 2004 г. после двух крайне опасных покушений на жизнь президента Пакистана генерала П. Мушаррафа 11 и 25 декабря 2003 г. Однако наступление вскоре прервалось переговорами. В апреле 2004 г. в долине Шакхаи в Южном Вазиристане между сторонами было заключено перемирие, вскоре, правда, нарушенное обевиками. Войска были вынуждены отступить ввиду нехватки специально подготовленных подразделений, изощренной тактики боевиков, их лучшему знакомству с местностью, а также поддержки со стороны значительной части местного населения.

К 2006 г. начавшаяся официально еще в 2002 г. войсковая операция под кодовым названием «аль-Мизан» (весы) завершилась мирным соглашением, заключенным по инициативе пакистанского правительства. Не исключено, что это произошло на фоне более широких секретных договоренностей между Исламабадом, точнее армейскими его кругами, с одной стороны, талибами, их союзниками, а также местными пуштунскими исламистами, с другой. Не случайно, возможно, именно в 2005 г., как теперь известно, Усама бен Ладен разместился с семьей в городе Абботабад, где расположена Национальная военная академия Пакистана.

Между тем, одновременно с оживлением действий афганских талибов на юге Афганистана, о котором шла речь выше, нарастало напряжение в трайбалистской полосе Пакистана. С 2004 г. США начали налеты на опорные пункты талибов и их союзников с помощью беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), ставших известными под английским названием «дрон» («drone», в переводе «трутень»). С их помощью шел ракетный обстрел объектов в горной местности. Он со временем стал достаточно эффективным, поражая нужные цели благодаря содействию агентуры и местных жителей, которые предоставляли нужную информацию и тайно подбрасывали в места, где собирались лидеры боевиков, специальные ориентиры для самонаводящихся ракет. Расправа афганских и местных талибов с «коллаборационистами», о действиях которых им становилось известно, резко обострила внутреннюю обстановку в полосе племен. К тому же, часть ракет попадала мимо цели, что приводило к гибели мирных жителей. Женщины и дети погибали

и при попадании в цель, т.к. боевики проводили свои собрания в домах и других строениях семейно-хозяйственного типа.

При этом традиционная верхушка племен (старейшины, главы кланов и родов) поддерживала чаще всего официальные власти и армию, хотя и учитывала реальное соотношение сил в местах их постоянного проживания и сезонных перекочевков. Более молодые и амбициозные члены племен, чаще всего из «младших» кланов (*кашары* в отличие от *машаров*), были более склонны к поддержке оппозиции к властям – именно из их среды происходили, как правило, лидеры проталибских групп.

К числу такого рода людей относятся первые заметные фигуры среди боевиков – Нек Мухаммад из племени ахмадзайских вазиров и Бейтулла Масуд (из племени масуд), ставший бесспорным лидером после гибели Н. Мухаммада в 2004 г. от американского дрона. Именно Б. Масуд собрал в декабре 2007 г. своих сторонников и провозгласил создание пакистанского движения талибов (Техрик-е талибан Пакистан, ТТП).

Местные талибы фактически появились за несколько лет до этого события. ТТП явилась так называемой «зонтичной» организацией для координации действий отдельных ячеек, возникших почти во всех политических агентствах территории племен. К ТТП примкнула и организация Техрик-е нифаз-е шариат-е Мухаммади (ТНШМ, Движение за установление закона Пророка), основанная еще в 1994 г. в Свате мауланой Суфи Мухаммадом. Действия ее боевиков возглавлял после 2001 г. зять С. Мухаммада мулла Фазлулла³⁷.

Резкое обострение обстановки во всем пуштунском поясе Пакистана произошло после инцидента в Красной мечети, комплексе молитвенных и семинарских зданий в центре Исламабада. Мечеть с заседавшими там боевиками-исламистами и не покинувшими ее учащимися была штурмом взята войсками по приказу президента-генерала Мушаррафа в июле 2007 г. В результате погибло свыше 100 человек. Исламисты ответили серией терактов, серьезным образом нарушив безопасность пуштунского северо-запада стра-

---

³⁷ Подр. об особенностях деятельности талибских филиалов в различных агентствах полосы племен см. главу 3 канд. дисс. *О.П.Чекрызовой*. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI вв. (защита в МГИМО в дек. 2013), а также специальные доклады о положении в зоне племен на 2009–2010 гг. американской исследовательской группы Фонда новой Америки (New America Foundation). См. также: FATA – A Most Dangerous Place. Wash., 2009.

ны. За этим последовало совершенное, видимо, боевиками Б. Масуда, убийство Беназир Бхутто (27 декабря 2007 г.) и новая волна террора, охватившая летом – осенью 2008 г. ТПФУ и район Свата тогдашней СЗПП.

Особенно громким был теракт, осуществленный талибами в сентябре 2008 г. в Исламабаде. Начиненный взрывчаткой грузовик протаранил здание самого престижного из столичных отелей «Марриот». Это повлекло гибель 60 чел., в том числе временно проживавшего в отеле посла Чехии, и ранение свыше 160 чел. За терактом в Исламабаде последовали взрывы в Пешаваре и других городах СЗПП, атака на команду крикетистов из Шри Ланки в Лахоре, взрывы в ряде крупных городов провинции Панджаб (Фейсалабаде, Мултане), покушения на конкурентов из богословской среды в Карачи и ряд других акций. В конце ноября связанная с Аль-Каидой пакистанская группировка Лашкар-е тоиба (Армия чистых) подготовила и провела террористическую атаку с моря на крупнейший индийский город Мумбаи (Бомбей). Эта атака надолго испортила отношения между Пакистаном и Индией³⁸.

Характерной чертой значительного числа террористических нападений было то, что они осуществлялись смертниками-самоубийцами. В 2002–2006 гг. было совершено 22 таких атак, в 2007 г. их число возросло до 57, а в 2008–2013 гг. составило 235³⁹. Надо заметить, что использование «живых бомб» – феномен новый для Пакистана, как и для Афганистана. Практика, как уже отмечалось, заимствована у арабских джихадистов.

Еще одно отличительное свойство действий пакистанских талибов и других экстремистских суннитских организаций – направленность диверсий и насилия против представителей других направлений в исламе, прежде всего шиитов-имамитов, и в целом против иноверцев и иностранцев.

Новые гражданские власти Пакистана, утвердившиеся после парламентских выборов в феврале 2008 г., под воздействием общественного мнения пошли на заключение соглашения с исламистами из ТНШМ о введении в области Малаканд, как Территории

---

³⁸ Подр. см: *Замараева Н.А.* Усиление исламского экстремизма в Пакистане в кн: *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии.* М., 2012, с. 179–201.

³⁹ *Топычанов П.* Военные операции в северо-западном Пакистане//*Экспорт вооружений,* июль-август 2013, с. 69.

племен провинциального управления (об этом статусе см. выше), законов шариата (*низам-е-адль*). Заключение в феврале 2009 г., оно не оправдало ожиданий правительства и общественности – исламисты нарушили его дух и букву, прибегли к жестким мерам по ущемлению прав женщин, ввели различного рода запреты и захватили контроль не только над Сватом, но и над соседним округом Бунер, открыв себе путь на Исламабад и Пешавар.

В начале мая того же года правительство, вновь опираясь на сложившееся к тому времени общественное мнение, отдает приказ армии о наступлении на позиции талибов и исламистов. Боевые кампании 2009 и 2010 гг. под кодовыми названиями *рах-е-раст* (правильный путь), *рах-е-хакк* (путь истины) и *рах-е-ниджат* (путь освобождения) оказались более эффективными, чем предыдущие. Боевики были быстро оттеснены из Бунера и Свата в горы, от них были очищены основные населенные пункты Южного и Северного Вазиристана.

Военные операции сопровождались не только многочисленными жертвами среди боевиков, военнослужащих, полицейских и мирных жителей, но и перемещением большой массы людей из районов предполагаемых боев в безопасные места. Наличие сотен тысяч «внутренних беженцев» дорого обходилось и в финансовом, и в гуманитарном отношении. Но при всех издержках вялотекущего конфликта пакистанские талибы и их союзники, были «взяты в клещи», с севера и юга. В ходе операций и налетов дронов в 2009 г. были убиты Б. Масуд и лидер узбекских исламистов Т. Юлдашев. Боевые группы сумели сохранить позиции лишь высоко в горах в агентствах Северный Вазиристан, Куррам, отчасти Моманд и Баджаур, главным образом на границе с Афганистаном, а также за ней в горных районах афганских провинций Хост, Нангархар и Кунар. Хотя и ценой значительных жертв, Пакистану удалось в конце 2010 г. нормализовать ситуацию во всей пуштунской приграничной полосе⁴⁰.

Однако после того как лидер Аль-Каиды бен Ладен был убит 2 мая 2011 г. американским спецназом в пакистанском городе Аб-

---

⁴⁰ По подсчетам индийского портала по терроризму в Южной Азии, всего в Пакистане за 2003–2011 гг. погибло около 37 тысяч человек, из них наибольшие потери приходятся на террористов и боевиков – 22 тыс. Кроме того, погибли свыше 11 тыс. мирных жителей и почти 4 тыс. военнослужащих и сотрудников сил безопасности. Пик в 12 тыс. пришелся на 2009 г. (из них свыше 8 тыс. боевиков). В 2010 г. потери составили 7,5 тыс., а в 2011 г. – 4 тыс. человек. *M.Haider. The killing fields of Pakistan [Electronic version]*

ботабад, произошел новый всплеск активности талибов и союзных с ними экстремистских групп. Бен Ладен, как писал один из аналитиков, оказался «более смертоносен» после своей гибели, чем до нее. Джихадисты провели серию терактов, воспользовавшись, в частности, кризисом в отношениях между Вашингтоном и Исламабадом в связи с совершенным без предупреждения проникновением двух американских вертолетов на пакистанскую территорию с целью ликвидировать бен Ладена, а также рядом других инцидентов: в январе 2011 г. сотрудник американских спецслужб застрелил среди бела дня в Лахоре двух пакистанских агентов, а в ноябре американские самолеты обстреляли по ошибке пакистанский пограничный блок-пост в горах ТПФУ, убив 24 военнослужащих.

Действия талибов и их союзников были направлены на срыв поставок горючего и других материалов через территорию Пакистана в Афганистан для контингента войск международной коалиции. Боевики поджигали грузовики, перевозившие топливо, атаковали охрану и водителей. Именно в тот период большое значение для США приобрела так называемая «северная распределительная сеть», т. е. пути доставки грузов и военнослужащих через Центральную Азию и Россию.

Кризису в отношениях между Пакистаном и США предшествовало осознание Вашингтоном того факта, что Исламабад ведет с ним «двойную игру». Новая американская администрация президента Б. Обамы (с января 2009 г.) решила пересмотреть основы афганской политики США. Одним из краеугольных принципов обновленной политики стало признание ключевой роли Пакистана в разрешении афганской проблемы. Президентом Обамой был создан пост специального представителя по Афганистану и Пакистану (АфПаку), который занял опытный дипломат Р. Холбрук. Исламабад был недоволен такого рода привязкой его к Кабулу, но это не остановило американцев. Им важно было продемонстрировать пакистанскому руководству, что скрытая поддержка ими афганских талибов наносит серьезный ущерб национальным интересам США. В ответ на согласие реально содействовать борьбе с талибами гражданское правительство президента А. А. Зардари получило заверение в предоставлении ему пакета военно-экономической помощи в размере 1,5 млрд. долл. в год. Аресты в Пакистане ряда представителей верхушки афганского Талибана, о которых

мы упомянули выше, надо рассматривать как результат давления США и прямое следствие договоренностей в рамках обещанной помощи. Кризис в пакистано-американских отношениях, пришедшийся на 2011–2012 гг., привел к перебоям в получении финансовых средств, но не к отмене программы. Постепенное восстановление доверия продемонстрировало взаимозависимость сторон перед лицом общей угрозы в лице джихадистов и заинтересованность в сохранении тесных взаимосвязей⁴¹. При этом Пакистан и Афганистан оказались настолько тесно спаянными между собой, что и внешние наблюдатели, и руководители двух соседних государств использовали нередко понятие «братья-близнецы», желая подчеркнуть неразрывную близость двух соседних государств, скрепленных общим пуштунским поясом⁴². Действия боевиков, опирающихся на «подушку безопасности», созданной в этом поясе, превращали ситуацию в двух странах в зеркальную, меняющуюся по принципу сообщающихся сосудов.

Обращаясь теперь к Афганистану, необходимо повторить, что изменения в тактике талибов, произошедшие после 2008–2009 гг., состояли в переходе от более или менее масштабных стычек и столкновений с силами международной коалиции и АНА (Афганской национальной армии) к точечным ударам, диверсиям и террору. В немалой степени это была вынужденная смена акцентов, ввиду того, что на ведение крупных боевых действий у талибов не хватало сил. Кроме того, они учитывали, что американская администрация объявила о намерении завершить участие своих ВС в афганской войне. Причем сделать это она планировала поэтапно, начав вывод войск уже в конце 2011 г. и в основном завершив его в течение двух-трех лет. Той же схеме собирались следовать и союзники США, нередко подгонявшие их в том, что касается сроков. Основная задача МССБ и ранее, и особенно после 2012 г. состояла в подготовке афганских сил безопасности (армии, полиции, специальных контртеррористических подразделений). К концу 2014 г. предполагалось оставить небольшой международный контингент,

---

⁴¹ Об осознании опасности, которую несет для Америки джихадизация или талибанизация Пакистана ярко свидетельствуют содержание книги влиятельного сотрудника спецслужб США Б. Риделя, особенно глава 6 (*Bruce R. Deadly Embrace: Pakistan, America, and the Future of Global Jihad*. Wash., 2011) и еще одна книга А. Рашида – *Rashid A. Pakistan on the Brink: The Future of America, Pakistan, and Afghanistan*. N.Y., 2012.

⁴² *Pakistan our twin brother, India a great friend: Hamid Karzai // The Times of India*, Oct. 5, 2011.

сосредоточенный на нескольких базах. Такие планы по большому счету могли устраивать талибов, поскольку означали свертывание иностранной оккупации.

Вместе с тем, обострялся вопрос о будущем страны после ухода иностранных войск. Представляется, что талибы избрали в этой ситуации привычную для себя тактику двойных действий. С одной стороны, они постарались усилить давление на Кабул путем совершения громких террористических акций, а с другой, не отвергали предпринимаемых противником попыток втянуть их в переговорный процесс.

Нужно отметить, что к террористическим актам талибы прибегали и в предшествующий период относительно масштабных боевых действий. Так, в июле 2008 г. они взорвали начиненную взрывчаткой машину у ворот посольства Индии в Кабуле. В результате погибло более 40 человек, в том числе индийский военный атташе. Смещение тактических акцентов привело на новом этапе к осуществлению имеющих сильный общественный и международный резонанс террористических акций. Наиболее громким из них было убийство 20 сентября 2011 г. бывшего президента ИГА Бурхануддина Раббани. Незадолго до этого он был назначен председателем Высокого совета мира, общественного комитета, учрежденного Х. Карзаем для налаживания мирного диалога со всеми политическими силами Афганистана, включая талибов. Гибель Б. Раббани наносила ущерб миротворческому процессу. Теракт можно рассматривать и как ответ на убийство бен Ладена, поскольку подготовившая его, по всей видимости, организация Дж. Хаккани известна давними связями с Аль-Каидой (см. выше). На счету хакканистов, являющихся самостоятельным отрядом движения Талибан, и другие многочисленные теракты в Кабуле⁴³. Пик их диверсий пришелся на осень 2011 и весну 2012 г. Затем наступил определенный спад, прерывавшийся всплеском активности летом-осенью 2013 г., вплоть до начала 2014 г., когда был совершен теракт, жертвами которого стали сотрудники ООН, в частности, российский дипломат⁴⁴.

---

⁴³ Pak-based Haqqanies blamed for Kabul attacks: Afghan minister//The Indian Express, Apr 16 2012; Kabul rocked by the Taliban spring offensive//Dawn, 16 Apr. 2012;

⁴⁴ Taliban attack shows militant spirit unbroken//The Indian Express, Jun 26 2013; Afghanistan: Taliban attack kills 10 and injures 25, destroys 35 trucks carrying fuel // The Indian Express, Aug 28, 2013.

Хотя наиболее заметными были диверсии талибов в Кабуле и ряде других городов, в том числе на севере страны, в Кундузе и Мазари-Шарифе, на юге и востоке не прекращались их военные операции. Они на время захватывали контроль над отдельными округами в провинциях Гильменд, Урузган, Нуристан, Кунар и др., и уходили лишь после боев с переброшенными туда подразделениями КС. При этом руководство операциями талибов осуществлялось из разных центров, большинство из которых находилось на пакистанской территории. На юге пуштунской зоны координацию по-прежнему осуществляла Кветтская шура (верховное командование), в центре – Мирамшахская (северо-вазиристанская) шура, а на севере – Пешаварская⁴⁵. При этом значение северной зоны в 2010-х годах выросло по сравнению с 2000-и годами. Талибы оттуда проникали на север Афганистана, периодически захватывая контроль над рядом округов северо-восточных провинций. У них, кроме того, появился новый союзник – отряды пакистанских талибов под командованием муллы Фазлуллы. Имея традиционную базу в Свате, действуя в агентствах Моманд и Баджаур полосы племен, они скрывались от преследования пакистанских войск в горах афганского Кунара, что усиливало влияние там талибского движения. В той же провинции и в соседнем Нуристане, помимо талибов, сильные позиции сохраняли отряды Хезб-е ислами (ИПА) Г. Хекматъяра⁴⁶.

Можно заключить, таким образом, что в 2010-2013 гг. сформировалась в полной мере единая афгано-пакистанская зона джихадистов, которую хорошо знающие ситуацию эксперты и аналитики называли «Талибанистан»⁴⁷. Афганских и пакистанских талибов можно назвать вслед за некоторыми журналистами «телом с двумя головами»⁴⁸ или, прибегая к образу из древнегреческой мифологии, «двуглавой гидрой». При этом одна голова гидры угрожала Кабулу, а другая – Исламабаду. Разнонаправленность действий такой гидры приводила порой к острой борьбе между различными фракциями талибов, прежде всего, пакистанских, но не подрыва-

---

⁴⁵ Подр. см: Мендкович Н.А., Нессар О. Афганские талибы в Пакистане: структура и стратегия // Афганистан.ру//<http://www.afghanistan.ru/doc/22930.html>

⁴⁶ Taliban capture Afghan district // The Nation, 30.03.2011.

⁴⁷ См: Talibanistan: Negotiating the Borders of Terror, Politics, and Religion. Ed.: P. Bergen, K. Tiederman. N.Y., 2012.

⁴⁸ The Taliban. Two heads, same body. Signs of solidarity between the Pakistani and Afghan Taliban // The Economist, Jan. 14th 2010.

ла общности их идеологии и лояльности главе движения Талибан мулле М. Омару.

Что касается переговорной тактики талибов, то она в основном осталась традиционной для них, напоминая действия режима Талибан в 1998–1999 гг. Талибы наиболее охотно соглашались на переговоры в периоды зимнего межсезонья и вели их через посредников из своей среды, никогда не используя, однако, в качестве таковых ключевые фигуры из узкого круга, близкого к мулле Омару.

Первые попытки официального Кабула установить контакт с талибами относятся к 2008 г. Саудовская Аравия организовала тогда встречу в Мекке, которая не привела к каким-либо последствиям ввиду того, что Талибан там представляли люди, слишком далекие от ее руководства⁴⁹. В 2010 г. талибы, по ряду сообщений, сами проявили желание встретиться с президентом Афганистана, однако насколько достоверны были эти сообщения осталось неясным. Кроме того, в столице Катара, Дохе, якобы обосновались представители талибов⁵⁰. В 2011 г. в печати распространились сообщения о переговорах представителей М.Омара с американцами в Германии и Катаре в обход правительства Афганистана. Официальные афганские власти были возмущены такого рода попытками и прервали в знак протеста свои попытки установить связь с талибами⁵¹. Зимой 2012 г. поступили сообщения о ведущихся переговорах талибов с американцами в Дохе. Их предметом было освобождение заключенных лидеров движения из тюрьмы в Гуантанамо⁵². Наконец, в конце декабря того же года мировые СМИ сообщили, что в окрестностях Парижа прошли встречи представителей афганского правительства и талибов⁵³. В марте 2013 г. президент Афганистана Х. Карзай отправился в Доху, чтобы обсудить с властями Катара вопрос об открытии там представительства Талибан и подготовить почву для возможных переговоров с талибами. Однако те заранее объявили об отказе встречаться с ним, поскольку Карзай, по их

---

⁴⁹ Подр. см: *Коргун В.Г.* Мирный процесс в Афганистане. Мекканский эпизод 2008 года // *Азия и Африка сегодня*. 2013, № 6, с. 13–17.

⁵⁰ *Afghan Taliban hold secret talks with Hamid Karzai* // *The Nation*, Nov. 1 2010; *Taliban say decision on talks offer soon* // *Dawn*, 30 Jan. 2010

⁵¹ *Infuriated' Afghans scuttle Us-Taliban talks* // *The Indian Express*, 29 Aug. 2011.

⁵² *Afghan Taliban share with Pak details of talks with US* // *The Indian Express*, 25 Jan. 2012.

⁵³ *Коргун В.Г.* Мирный процесс в Афганистане, с. 13; *The Taliban gave come a long way* // *Dawn*, 7.02.2012.

мнению, был не более чем пешкой в руках США. Что касается офиса в Катаре, то талибы, по словам их представителя З. Муджахида, открыли его для контактов с властями этого государства⁵⁴.

Из всего перечисленного с очевидностью следует, что, идя на переговоры, талибы стремились к достижению главной для себя цели – добиться освобождения содержащихся в американских тюрьмах соратников. В контактах с Пакистаном они добивались того же – освобождения арестованных Исламабадом своих лидеров, таких как мулла А. Г. Барадер и др. К тому же призывал Пакистан и официальный Кабул, который, вероятно, надеялся, что считающийся умеренным мулла Барадер укрепит настрой талибов на мирное разрешение конфликта. Талибы со своей стороны стремились, безусловно, вбить клин между участниками переговоров с ними – Кабулом, Вашингтоном и Исламабадом.

Надо заметить, что в немалой степени им это, по-видимому, удалось. Так, Х. Карзай в последние годы своего президентства высказывался все более решительно против политики США в Афганистане, обвинял Вашингтон в пренебрежении интересами афганцев, в ненужных жертвах среди мирного населения в результате действий коалиционных сил. В конце 2013 г. Карзай отказался подписать соглашение о стратегическом партнерстве с США, которое позволяло сохранить контингент американских войск и несколько военных баз в Афганистане после вывода большей части войск к концу 2014 г. Достаточно напряженными все эти годы были также отношения между Кабулом и Исламабадом.

Несмотря на такие успехи, талибы оказались под сильным прессингом со стороны США и Пакистана. При президенте Обама увеличилось использование беспилотных летательных аппаратов и повысилась результативность их вылетов. Основной удар американцы направляли против афганских талибов, действующих на границе с Пакистаном, и их баз в горах на пакистанской территории. О действиях дронов и бомбардировках позиций талибов в пределах Афганистана информации почти нет ввиду ее засекреченности и отсутствии реакции афганских властей и общественных кругов. Действия БПЛА в пакистанской зоне племен немедленно становились достоянием гласности, вызывая протесты политиков и МИД Пакистана. Официальный Исламабад неизменно протестовал против нарушения своего воздушного пространства, но дальше

---

⁵⁴ Karzai in Qatar for talks with Taliban // The News, 30.03.2013.

ритуальных заявлений, по-видимому, не шел. Там понимали, что дроны помогают в борьбе с общим врагом – пакистанскими талибами, предоставляющими убежище афганским талибам и другим экстремистам (Аль-Каиде, ИДУ и т.п.).

Эффективность бомбежек с воздуха с помощью дронов с течением времени возрастала. Пакистанская печать все реже сообщала о гибели мирных жителей в результате ракетных атак, но нередко информировала о потерях среди боевиков. Причем благодаря точечным ударам с воздуха американцам удалось ликвидировать ряд руководителей пакистанского движения Талибан. В январе 2013 г. ракетой был убит мулла Назир, лидер талибов в Южном Вазиристане, после чего среди его преемников началась борьба за власть, закончившаяся расколом местной боевой организации. Заместитель лидера ТТП (Техрик-е талибан Пакистан) Валиур Рахман погиб в конце мая 2013 г., а руководитель движения Хакимулла Масуд – в начале ноября того же года⁵⁵.

Физическое устранение Х.Масуда, возглавлявшего ТТП с 2009 г., было воспринято в Пакистане со смешанными чувствами. Поскольку новое правительство страны во главе с Н.Шарифом, сформированное после парламентских выборов 11 мая 2013 г., с самого начала взяло курс на переговоры со своими талибами. В этом его поддержали и остальные парламентские партии. Но, несмотря на создание специального комитета для налаживания диалога, переговорный процесс так и не начался. Талибы не только уходили от прямых контактов, но и наносили чувствительные удары по армии и полувоенным формированиям, сосредоточенным в провинции Хайбер-Пахтунхва. В сентябре они взяли на себя ответственность за теракт, который унес жизнь армейского генерал-майора, провели серию других атак⁵⁶.

Убийство Х. Масуда серьезно ослабило пакистанских талибов. В острой борьбе за пост руководителя победил мулла Фаздулла, что привело к ослаблению связей между северными ячейками ТТП и южными, вазиристанскими, которые ранее были ведущими в организации. В конце 2013 г. потерю понесла и «сеть Хакка-

---

⁵⁵ Killing of Taliban chief 'good news' for Pakistan: Analysts // The Indian Express, Nov. 02.2013.

⁵⁶ PM condoles, TTP claims responsibility for killing of a Major-General in KP // Dawn, 15.09.2014.

ни» – в засаду попал один из сыновей Джалалуддина, отвечавший за финансирование сети.

Попытки возобновить переговорный процесс с талибами в 2014 г. успехом не увенчались. Разрозненные группы талибов, а также их союзники продолжали совершать дерзкие террористические акты. Особенный резонанс получила атака диверсантов, большинство из которых оказались узбеками, на крупнейший в стране аэропорт в Карачи в начале июня.

После этого в пакистанском общественном мнении произошел перелом. Большинство партий поддержало решение правительства начать армейскую операцию против боевиков, окопавшихся в Северном Вазиристане. Помимо местных талибов в этом агентстве, как отмечалось выше, долгое время находились штабные центры организации Хаккани, Исламского движения Узбекистан и ряда других связанных с Аль-Каидой боевых групп.

В середине июня 2014 г. началась операция пакистанской армии по «зачистке» агентства, получившая название «Зарб-е-азб» (Меч Пророка). По утверждению военных, которые нельзя проверить ввиду ограничений на присутствие журналистов и наблюдателей, в ходе завершившейся в основном к осени операции были убиты около 1000 боевиков. Премьер Пакистана Н. Шариф в начале октября 2014 г. посетил агентство в сопровождении начальника штаба армии, чтобы продемонстрировать установление контроля центральных властей над самым «заповедным» уголком полосы племен, откуда велась диверсионно-террористическая война как против Пакистана, так и Афганистана⁵⁷.

Между тем, в Афганистане в 2014 г. состоялись выборы президента. Они прошли в два тура без участия в них бывшего президента Х. Карзая. Афганским талибам не удалось помешать проведению ни первого тура выборов в апреле, ни второго – в июне. Отдельные вылазки не помешали весьма высокой активности избирателей. Результаты второго тура выборов вызвали споры двух

---

⁵⁷ Все это, однако, не сделало лишними новые ракетные удары американцев по долине Шавал в Северном Вазиристане. В результате был убит лидер новой организации Аль-Каида индийского субконтинента и руководитель пропакистанской фракции ТТП // AQIS leader, 'good' Taliban commander killed in Pakistan's tribal areas // The Long War Journal, 11 Oct. 2016.

претендентов на победу – одержавшего верх в первом туре А. Абдуллы и победившего во втором – А. Гани. Ситуация грозила выйти из-под контроля, что было бы выгодно Талибану. Видимо учитывая это обстоятельство и под давлением США, пригрозившим вывести все войска и прекратить предоставление помощи, оба кандидата согласились на произведенный при участии ООН пересчет голосов, а затем и пришли к согласию в отношении дележа власти. Ашраф Гани в конце сентября был приведен к присяге как новый президент Афганистана, а Абдулла Абдулла занял специально созданный пост главы исполнительной власти. На следующий день после вступления в должность Гани подписал соглашение о стратегическом партнерстве с США, которое позволяет им избежать «нулевого варианта», т.е. полной эвакуации своих войск из страны, и обязывает и впредь оказывать финансовую и технико-организационную поддержку властям в Кабуле.

Заключение. Перспективы развития ситуации в Афганистане и Пакистане. Судьба государств.

Как нам представляется, было бы неправильно рассматривать события в Афганистане и связанные с ними процессы в Пакистане в отрыве от общей активизации радикализма и экстремизма в значительной части государств мусульманского мира. Конечная цель исламистов остается неизменной – достижение власти и установление теократического государства. Достигается это, как военными, так и политическими способами. В Египте Братья-мусульмане пришли к власти выборным путем. В целом ряде соседних с ним стран действуют вооруженные группировки (Аш-Шааб, Боко Харам, Аль-Каида аравийского полуострова, Фронт ал-Нусра и другие), являющиеся порождением и ответвлениями Аль-Каиды. В еще более радикальную и грозную силу превратилась летом 2014 г. отделившаяся от Аль-Каиды группировка под названием Исламское государство Ирака и Сирии (Леванта), или просто Исламское государство.

Террористические группировки проникают уже в немусульманские страны, например, в Индию. В европейских государствах, в России имеются тайные джихадисты, пополняющие ряды исламских боевиков вышеупомянутых террористических групп. Афганские талибы и их собратья из Пакистана также получают материальную и моральную поддержку извне. Афганские талибы, как и раньше, ныне пополняют свои ряды за счет добровольцев из Пакистана, некоторых арабских, а также центральноазиатских государств. Важно отметить при этом, что в век глобальных и региональных информационных войн и коммуникационно-компьютерной техники, доступной даже для малограмотной части населения мусульманского ареала, террор превратился в одно из главных средств достижения политических целей. Диверсионно-террористическая война охватила различные уголки мира, в частности, Афганистан, истерзанный бедствиями, продолжающимися много десятилетий подряд, и втягивающийся в «афганскую воронку» Пакистан.

Современная ситуация в Афганистане двойственна. С одной стороны, она достаточно стабильна. Экономика, по официальным данным, с 2001 г. продолжает подъем (в 2013 году рост ВВП составил 12%), но подъем базируется в основном на внешних источниках. За 2003–2010 гг. Афганистан получил от доноров более 67 млрд. долл. За последующие три года стране выделили, очевидно, еще более 20 млрд. долл. и в целом за весь период Кабул получил около 100 млрд. Однако, по распространенным оценкам, 40% помощи возвращается окольно государствам-донорам, а значительная часть полученной помощи расхищается. Все же, благодаря внешнему фактору, определенные успехи были достигнуты в строительстве дорог и средств коммуникации, жилищном строительстве в городах, некоторых отраслях местной промышленности и в сфере услуг, в том числе в образовании, включая женское образование.

С другой стороны, уровень жизни основной массы населения остается крайне низким. Как это отмечалось нами во введении к книге, душевой доход по ППС немного превышает 1000 долл. США, а по обменному курсу 600 долл. Официально, более трети людей находится за чертой бедности, безработица охватывает 30–40 % рабочей силы. Препятствиями для развития остается высокий уровень коррупции, неэффективность государственной машины. Импорт превышает экспорт в три раза. За счет импорта, составляющего 65% от ВВП, обеспечиваются почти все инвестиции, удовлетворяется значительная часть потребностей государства и частных лиц.

В 2014 г. немалый ущерб экономике нанесла неопределенность с перспективами развития страны, вызванная долгое время сохранявшимся тупиком в процессе выборов нового президента.

Национальное хозяйство в целом остается в Афганистане по преимуществу аграрным, традиционным, в ряде обширных районов оно базируется на выращивании опийного мака, сборе конопли и использовании доходов от продажи наркотического сырья. К дуализму городской экономики и экономики сельской добавляется дуализм легальной и нелегальной (черной или серой) экономик.

Та же двойственность характеризует положение в сфере безопасности. С одной стороны, ситуация, как будто, далеко не катастрофична. Крупных боестолкновений за последние годы не было, но число жертв от терактов стабильно растет. За первую половину 2013 г. погибло, по данным ООН, 1319 афганцев. Это на 23% больше, чем за аналогичный период предшествующего года. Увеличение числа жертв диверсий и террористических атак талибов, наблюдающий-

ся второй год подряд, может быть оценен и как достаточно скромный, учитывая, что ответственность за поддержание безопасности по большей части уже перешла в руки местных сил – национальной армии, спецслужб и полиции, и как существенный, поскольку талибы наращивают способность наносить удары и, вполне возможно, приберегают силы, чтобы развернуть диверсионно-террористическую войну в полной мере после ухода в конце 2014 – начале 2015 г. основной массы войск международной коалиции.

Двойственностью отличается также политическая ситуация в Афганистане и международное положение страны. С одной стороны, продолжается, на поверхности явлений, хорошо организованный политический процесс. Однако значительная часть населения, прежде всего сельского, отчуждена от власти, и именно на нее, на ее недовольство коррупцией, бюрократизмом, увеличивающимся разрывом в доходах и стандартах жизни опирается непримиримая оппозиция – талибы и другие боевики-джихадисты.

Подчеркнем, что на нижнем ярусе общественно-политической жизни, о котором мы говорили во введении, сохраняются условия, благоприятные для талибов. Там сохраняются, хотя, как правило, в несколько усеченном и искаженном виде, традиционные институты низовой демократии. Определенное значение имеют кланово-племенные отношения, народные собрания (*джирги*), авторитет старейшин и т.п. Талибы в отдельных случаях опираются на них, в других изменяют, приспособливая под себя. Там, где необходимо, талибы инкорпорируют старейшин, перетягивают их на свою сторону, а где это оказывается невозможно - расправляются с ними. Террор и страх перед террором – главное оружие джихадистов и сторонников возрождения всемирного халифата (об их планах и инструментах воздействия, отраженных в «конституции» и «кодексе поведения» см. приложение) . Что касается верхнего яруса политики, то отметим, что как внутри-, так и внешнеполитическое положение Афганистана двойственно. С одной стороны, властям в Кабуле оказывается всяческое международное содействие, об экономической стороне этой поддержки уже шла речь выше. С международно-политической точки зрения режим пользуется полным признанием. Первый круг помощников и доброжелателей охватывает США, их союзников по НАТО, Японию, богатые арабские государства. Второй круг включает почти все соседние и территориально смежные государства. Наиболее крупными среди них являются Россия, Казахстан, Китай, Индия и Саудовская Аравия. Непосредственные соседи – Паки-

тан, Иран, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан – дружно выступают за нынешние власти в Кабуле. Регионально-международные организации (Лига арабских государств, Организация исламского сотрудничества и др.) тоже едины в поддержке процесса перемен, не затрагивающего основ нынешнего вполне демократического афганского режима. Тех же позиций придерживаются, разумеется, ООН и все международные структуры безопасности и развития.

И вместе с тем, подпольная, невидимая сфера международных отношений – против Кабула. Она формируется из двух частей - негосударственных игроков, экстремистских, террористических организаций, Аль-Каиды и подобных ей, а также из части секретных служб некоторых государств, которые имеют собственную повестку дня в отношении Афганистана, преследуют свои цели, не совпадающие с целями поддержки нынешней структуры и формы власти.

Международное положение для Афганистана, было все последние годы достаточно благоприятным, но с течением времени изменится, скорее всего, в худшую сторону. После вывода войск США и их союзников по НАТО и вне НАТО по борьбе с терроризмом, финансовые потоки, направляемые в Афганистан, видимо, сократятся, уменьшится численность советников и консультантов, присутствие которых обеспечивает часть активности на внутреннем рынке, сократятся программы помощи неправительственных организаций и т.п. Сокращение иностранного анклава в экономике может дать небольшой позитивный эффект, т.к. сделает хозяйственное развитие менее «искусственным», зависимым от внешних факторов, но если, вслед за иностранцами, из Афганистана начнет уходить национальный бизнес, увеличится отъезд интеллигенции, положение превратится в крайне тяжелое.

Впрочем, после ухода Запада, скорее всего, далеко не полного, можно ожидать рост активности других государств, не заинтересованных в катастрофическом ухудшении обстановки. Может, в частности, существенно усилиться активность Китая, а также Индии и, не в последнюю очередь, России. Видимо, увеличится роль других стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в первую очередь Казахстана и Узбекистана, и самой этой организации, а также ОДКБ¹.

Суммируя, вновь обратим внимание на двойственность ситуации и перспектив ее изменения. Этот дуализм сказывается и на прогнозах развития, немалое число которых представлено в отечественной

---

¹ См: М.Р. Арунова. ШОС и афганская проблема. М., 2012.

и зарубежной литературе². Анализ разного рода экспертных материалов выявляет три основных сценария.

Первый из них – благоприятный для нынешнего режима и международной безопасности. Он предполагает укрепление позиций нынешней власти в Кабуле внутри страны, на мировой и региональной аренах. Сценарий предполагает сохранение сложившейся осенью 2014 г. системы распределения командных ролей между президентом А. Гани и главой исполнительной власти А. Абдуллой, наполнение конкретным содержанием необычной конструкции дуумвирата при сохранении влияния и особых позиций за бывшим президентом Х. Карзаем, проведение выборов в парламент в 2015 г. и установление конструктивного в целом взаимодействия между законодательной и исполнительной ветвями власти. Укреплению режима будет способствовать присоединение к процессу примирения новой группы лидеров Талибан, освобожденных из американских и пакистанских тюрем. Предполагается постепенное улучшение экономического положения и ситуации в сфере безопасности. Последнее может быть достигнуто благодаря успешным антитеррористическим действиям афганских национальных сил безопасности (армии, полиции, правоохранительных структур). АНСБ с октября 2012 г. уже несут основное бремя борьбы с террористами, а их численность превысила 350 тыс. чел. (на армию приходится около 200 тыс.).

Сценарий исходит из предпосылки о бесперебойном получении Афганистаном военно-экономической помощи США (в первые два года не менее 4 млрд. долл. в год) и ряда других развитых экономик, а также военно-технического содействия при посредничестве остающихся американских военнослужащих (примерно 10 тыс. чел) и военных из стран НАТО (2,5 тыс.). Существенное значение для стабилизации обстановки будут иметь эффективные действия авиации США, включая беспилотников, против талибов и Аль-Каиды в афганской пограничной племенной зоне.

Однако и по этому сценарию правящий ныне в Кабуле режим не сможет осуществлять контроль над всей территорией страны.

---

² См. например: Афганистан и Пакистан: Современное состояние и перспективы развития. Отв.ред. М.Р.Арунова. М., 2012; Афганистан после 2014: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегия России. М., РИСИ, 2013; Тренин Д., Кулаков О., Малашенко А., Топычканов П. Афганистан после вывода войск международной коалиции: угрозы, риски и вызовы для Российской Федерации. М., Московский центр Карнеги, апрель 2014; Cordesman A.H. The Forces Shaping Transition in Afghanistan: 2014–2016. Wash.: Center for Strategic and International Studies, August 2014; Cordesman A.H. Transition in Afghanistan and Pakistan. Wash.: CSIS, Aug 20, 2014; Josclyen T. Al-Qaeda in Afghanistan and Pakistan: An Enduring Threat // The Long War Journal, May 20, 2014.

Он и сегодня не владеет ситуацией в стратегически важных сельских областях – в Кандагаре, Гильменде, Забуле, Урузгане и др. на юге, в Большой Пактии, Кунаре, Нуристане на востоке. Особенно велико значение фактического контроля Талибан над положением в основных центрах выращивания опийного мака и конопли, таких, например, как округ Сангин провинции Гильменд. Считается, что теневые органы власти, назначенные талибами, существуют, по меньшей мере, в 11 пуштунских провинциях, а также в ряде округов и уездов других провинций. По некоторым оценкам, под властью талибов ныне находится 40–60% сельской местности Афганистана. При этом талибы имеют влияние не только в пуштунских ареалах, но и вне его, в частности, в провинциях Парван, Сари-Пуль, Фарьяб и даже в хазарейских Бамиане и Гхоре³.

При неоспоримых успехах в сфере безопасности правительство должно будет обеспечить благоприятный климат для занятия предпринимательской деятельностью в городах и пригородных районах, содействовать повышению производительности в аграрном секторе. Сценарий предполагает достижение реального прогресса в социальной сфере – увеличение количества школ, в том числе женских и в сельской местности, а также больниц и амбулаторий.

Показателем успеха будет осуществление ряда крупных экономических проектов при участии КНР (разработка Айнакского месторождения и железнодорожных путей для вывоза руды), Индии (осуществление серии гидротехнических и ирригационных проектов, разработка месторождений железной руды), Ирана (расширение иранского порта Чабахар на Персидском заливе с увеличением потока грузов через него в Афганистан) и Пакистана (развитие порта Гвадар на Аравийском море близ Ормузского пролива и сооружение дорог, соединяющих его с Афганистаном). Новый импульс при благоприятном развитии событий может получить проект сооружения газопровода ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия) и линий передачи электроэнергии из стран Центральной Азии (Таджикистана и Кыргызстана) в Южную Азию (Афганистан и Пакистан), известный сегодня как CASA-1000. Помимо этого, может быть осуществлена передача электроэнергии из Узбекистана в Афганистан. Предполагается существенное увеличение взаимной торговли между Афганистаном и республиками Центральной Азии. Можно предположить постепенное усиление

---

³ Афганистан после 2014 г., с. 28.

присутствия российского капитала на афганском рынке и участие РФ в борьбе с производством и незаконным вывозом наркотиков.

Второй сценарий – неблагоприятный, возвращение к власти Талибан. Этот вариант станет возможным и при выполнении условий заключенного в конце сентября 2014 г. американо-афганского соглашения о стратегическом партнерстве. Сохранение 10-тысячного контингента американских войск позволит АНСБ чувствовать себя более уверенными, ввиду того, что американцы смогут осуществлять поддержку с воздуха (бомбардировщики и БПЛА). Хотя в задачу остающихся международных сил не будет официально входить проведение боевых и контртеррористических операций, они будут к ним при необходимости прибегать. Но возможности относительно небольшого контингента будут ограничены проблемой собственной безопасности. Не стоит и говорить, что без предусматриваемых соглашением ежегодных американских дотаций на содержание афганской армии, полиции и других правоохранительных структур, вся система национальной безопасности обречена на проседание и развал. Предполагается в этом случае переход значительного числа афганцев, прошедших обучение с помощью иностранных инструкторов в АНСБ, на сторону талибов.

Второй сценарий предполагает, что зимой–весной 2015 г. талибы начнут перемещение своих баз и штаб-квартир из Пакистана в Афганистан. Наиболее жаркие бои развернутся уже летом–осенью следующего года. Основной удар будет направлен, как и в 2006 г., на взятие под контроль Кандагара и других областей пуштунского юга (Большого Кандагара). Поддерживаться наступление на юге будет скоординированными действиями организации Хаккани и других группировок на востоке в направлении Джелалабада и Гардеза. Боевые действия талибов, при возможном участии отрядов Хезб-е ислами, будут вести и на севере, в районе Кундуза и Мазари-Шарифа, т.е. в областях, непосредственно примыкающих к Центральной Азии.

Согласно этому сценарию, относительно нормальная мирная жизнь может сохраниться в близкой перспективе (два-три года) в отдельных наиболее крупных городах запада страны, в Герате, в ее центре (в Хазараджате), на узбекском севере и таджикском северо-востоке. В зависимости от остроты борьбы с талибами, нормализация будет более или менее устойчивой с постепенным переходом инициативы в руки талибов.

Хотя контроль за городами на близкую перспективу в один-два года останется за нынешним правительством, затем, а не исключено,

что и раньше указанного срока, в Кабуле и других крупных городах, начиная с Кандагара, Джелалабада, Гардеза, Газни, утвердится движение Талибан, которое будут действовать, вероятно, в тесной связи с международными и региональными (ближнесреднеазиатскими) исламистскими экстремистами. Не исключена при этом постепенная «талибанизация» режима как переходная форма к полному контролю талибов.

Заметим, что в случае осуществления второго сценария серьезно увеличатся возможности талибов и их союзников из числа крайних исламистов распространить свою пропаганду и вооруженную активность на север, в республики Центральной Азии. Усиление талибов вызовет рост активности подрывных вооруженных групп в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и даже на юге Казахстана. Наиболее крупной среди них считается ИДУ (иногда называемое также Исламское движение Туркестана), но известно о еще не менее 10 экстремистских организаций, включая Хизб-ут Тахрир, Союз Исламский джихад и др.

Полная победа талибов в Афганистане выведет их на границы с государствами Центральной Азии. Их союзники, прежде всего, из числа узбекских боевиков, попытаются перейти границу и «взорвать» ситуацию по другую сторону от Аму-Дарьи. Наступление талибов вызовет волну беженцев и неминуемо втянет в конфликт соседей Афганистана и союзные с ними государства. На фоне кризиса в ряде стран Центральноазиатского региона исламистами будут предприняты попытки ослабить светский характер режимов. В регион начнут все более активно проникать радикальные исламские проповедники. Не исключено, что борьба между светскими и религиозными силами будет сочетаться со сложной игрой политических ревизионистов, в первую очередь, в ареале Узбекистан-Таджикистан.

Третий сценарий – неблагоприятный, фактический распад страны, талибанизация юга и востока Афганистана и северо-запада Пакистана. Ситуация по этому сценарию вернется к положению на середину 1990-х годов. Задачей талибов станет контроль не только над Джелалабадом и Кандагаром и, главное, Кабулом, но и подчинение запада, центра и севера. Промежуточный вариант при этом – фактический раскол, фрагментация страны с образованием талибских анклавов власти («исламистских княжеств») на юге и востоке страны, отделением находящегося под иранским влиянием западного, гератского, региона, а также в полной мере самостоятель-

ных севера («узбекского эмирата») и северо-восточного таджикского анклава с центром в Панджшере.

Третий сценарий предполагает серьезное осложнение обстановки в Южной Азии. Фактический распад Афганистана, безусловно, вызовет осложнение политической ситуации в Пакистане. Правящие круги этой страны, вероятно, попытаются установить эффективный контроль над пуштунским югом и востоком путем укрепления власти исламистов в противовес панпуштунским националистам. Исламабад постарается направить энергию радикальных сил против Индии, попробует подорвать стабильность в индийском Кашмире.

Вместе с тем, и сама обстановка в Пакистане может выйти из-под контроля властей. Особенно велика вероятность этого на пуштунском северо-западе страны. Пуштунский ареал, в первую очередь территории племен федерального и провинциального управления (ТПФУ и ТППУ), превратятся в зону контроля пакистанских талибов. Они преодолеют разногласия между собой и блокируются с родственными в идейном отношении силами как в Пакистане (на юге Панджаба), так и в более широком исламском регионе. Возникнет угроза фрагментации страны, ее раскола на региональные «куски» в виде свободного Белуджистана, независимого Пуштунистана, сельского Синда.

Третий сценарий ставит вопрос о безопасности пакистанского ядерного оружия и угрозе его применения в столкновении с Индией. Войну может вызвать осложнение обстановки в индийском Кашмире, а также в южных и западных регионах Пакистана. Исламабад при этом обвинит Нью-Дели в использовании своей агентуры в сепаратистских организациях и попытках подорвать государственное единство Пакистана.

Фрагментация Афганистана создаст напряженность и на западных рубежах страны. Иран попытается включить полуотколовшиеся западный, северный и центральный регионы (Герат, Бамиан, Гхор, Бадгис, Балх) в сферу своего влияния. Это откроет ему прямой выход на Туркменистан и Таджикистан. Одновременно Узбекистан, опираясь на Турцию, попытается укрепить позиции на севере Афганистана.

Раздираемая на части страна и по этому сценарию сохранит видимость целостности, но центральная власть превратится в номинальную. Кабул, будет напоминать осажденную крепость, либо городское поселение, поделенное на отдельные районы и кварталы,

закрепленные за группировками из разных регионов и областных центров.

Если учитывать время, когда экспертами давались оценки перспектив Афганистана, то самые пессимистические прогнозы приходятся обычно на 2010–2012 гг. В 2014 г., особенно ближе к его концу, суждения в отношении будущего страны после вывода основной части иностранных войск в целом стали более радужными. Тем не менее, недооценивать неблагоприятные сценарии, по-видимому, нельзя, какими бы невероятными они ныне ни казались. Прогнозы необходимо также соотносить с временным горизонтом. При краткосрочном срезе (2015–2016 гг.) вероятность осуществления трех вышеприведенных сценариев в процентах можно оценить как 65:30:5. В расчете на средний срок (2017–2021 гг.) соотношение, по нашему мнению, меняется на 40:30:30.

В заключение представляется необходимым вернуться к проблеме современного государства и традиционного общества и посмотреть через ее особенности на судьбу депрессивных стран мусульманского региона. К ним, безусловно, принадлежит Афганистан, а по многим параметрам и Пакистан. Состояние неустроенности, фрустрации характерное для средних слоев общества в этом ареале, обусловлено рядом базовых социально-экономических причин. Первая из них – нехватка рабочих мест в современном секторе экономики на фоне опережающего потребности увеличения рабочей силы. Вторая причина состоит в ухудшении экологических условий, деградации почв, нехватке воды для поливного земледелия, дефиците пресной воды для нужд населения. Третья – в хроническом недопроизводстве электроэнергии и вызванных этим перебоями в снабжении энергией городов и энергоемких производств.

Остроту демографической проблемы на примере Афганистана можно проиллюстрировать следующими цифрами. Оценка численности населения страны на 2014 г. колеблется в пределах 28–32 млн. Если брать только международные расчеты, Демографического управления ООН и Бюро цензов США, то число афганцев равно 31–32 млн. чел. Ожидается, что этот показатель в 2020 г. составит 36–37 млн., а в 2030 г. – 44–46 млн. чел. В конце 2000-х – начале 2010-х годов в Афганистане наблюдалась стагнация в сельском хозяйстве, нехватка продовольствия (пшеницы). Тогда как в аграрном секторе занято почти четыре пятых рабочей силы (79%), на него приходится только 20% ВВП. В городах проживает около 24 % жителей (часть горожан занята сельским трудом). Число горожан растет на 4,4%

в год, но увеличивается и количество проживающих вне городов. Крайне молодой является возрастная структура населения – средний возраст жителей по медиане равен 18 годам. В трудоспособный возраст вступает ежегодно около 800 тыс. мужчин и женщин. Безработными, т.е. испытывающими потребность в работе, остаются до половины молодых людей⁴.

Несколько лучше базовые социально-экономические показатели у Пакистана. Но и в этой стране крайне велико демографическое давление. Число жителей, по разным оценкам, уже превысило 200 млн. чел. и растет быстрыми темпами. В 2020 г. численность может достичь 225 млн., а в 2030 г. перейти за рубеж в 250–260 млн. чел. Демографические тенденции усугубят крайне неблагоприятную экологическую ситуацию. Количество пресной воды в расчете на одного жителя опустилось ниже критического уровня в 1 тыс. куб. м. По расчетам на достаточно близкую перспективу, оно может составить 600–800 тыс. куб. м., что непосредственно скажется на водоснабжении крупных городов и продуктивности земледелия⁵.

Социально-экологический кризис особенно остро сказывается на ситуации в наименее развитых областях страны, расположенных в основном к западу от долины р. Инд и ее притоков. Именно в этих областях наблюдаются, согласно сведениям о частично проведенной переписи населения 2011 г., наиболее высокие темпы демографического роста. Северо-западные, в основном пуштунские, и западные, белуджские, ареалы вызывают самое большое беспокойство в связи с положением в сфере безопасности. Наблюдающийся там отчасти уже и сегодня общественно-политический хаос, диффузия власти, связанная с бессилием государства (в качестве института узаконенного насилия) готово вылиться в перспективе в подлинную катастрофу для современной государственности.

При этом сильно разрастутся нижние этажи властной пирамиды. Возрастающую роль на местах станут играть новые лидеры из средних и низших слоев, получившие, как правило, религиозное образование и прошедшие соответствующую школу воспитания. Используя радикальную исламистскую идеологию, они потеснят традиционных лидеров (предводителей племен, старейшин кланов и родов) с господствующих позиций на нижнем ярусе общества и

---

⁴ Cordesman A.H. The Forces Shaping Transition, p.220, 222, 225–229; The World Factbook Afghanistan//<http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html> Assessed 03.06.2014

⁵ Подр. см: Белокреницкий В.Я. Социально-экологический кризис в Пакистане: история и современное состояние//История и современность. 2012, N. 1 (15), с. 164–179.

политики. Помимо экстремистской идеологии и практики, существенным мотивом деструктивных процессов станет криминализация экономики, рост негативных явлений, связанных с производством и контрабандой наркотиков, углубляющейся наркоманией. Свое лепту внесет коррупция среди местных чиновников, государственный рэкет и казнокрадство.

Итак, помимо горизонтальной (пространственной) фрагментации и Пакистану, и Афганистану со временем грозит все более явное вертикальное расслоение, отрыв верхних ярусов политики, экономики, общественной жизни от нижних. Двухъярусность будет во все большей степени характеризовать не только местный вариант капитализма с его четким подразделением на крупный и мелкий сектора, но и всю сферу общественно-политической активности. Сегмент крупных современных производственных и инфраструктурных предприятий, находящихся в государственном и корпоративном управлении, ориентирован в основном на внешние рынки, как с точки зрения инвестиций, так и сбыта. Определенные взаимосвязи с традиционным мелкомасштабным производством сохранятся, но преобладающим для сферы малых и мельчайших заведений (кустарных и домашних промыслов) будет по-прежнему внутренний, локальный рынок, растущий под влиянием преимущественно лишь демографического фактора. Разрезая общество географически и социально, эволюция экстенсивного типа закрепит депрессивные страны (Афганистан и Пакистан) на «плато эволюции» с низкими показателями, характеризующими условия жизни и человеческий капитал. Скопление на нижних ступенях общественной лестницы отрицательной энергии составит угрозу национальной и глобальной безопасности.

В то же время нельзя исключить в среднесрочной и долгосрочной перспективе подвижек позитивного характера. Их может обеспечить эффект восстановления хозяйства после разрушительной войны. Такого рода эффект наблюдался во многих странах на этапе выхода из мировых и гражданских войн, как в XX в., так и в более ранние эпохи. При этом главными условиями подъема становилось обычно утверждение сильной государственности как демократического, так и авторитарного типа. От перспектив укрепления Афганистана как единого централизованного государства, вне всякого сомнения, зависит реализация благоприятных сценариев его развития. Иными словами, ключ к решению социально-экономических проблем лежит в политической сфере и во многом зависит от ка-

честв лидеров, их способности подняться над местническими и эгоистическими интересами. Успех в политической области зависит и от качества принимаемых решений.

Сказанное об Афганистане, относится и к Пакистану. Хотя эта страна не испытала, в отличие от соседнего государства, тяготы военного времени, последствия афганской войны тяжело отразились на ее экономике и общественной жизни. За последнее десятилетие жители Пакистана (особенно северо-западного региона) понесли не менее тяжелые потери, чем афганское население. Хотя развитие экономики не прерывалось, оно происходило по большей части за счет экстенсивных факторов, в основе которых лежал исключительно быстрый демографический рост⁶.

Благоприятный сценарий развития для Пакистана может реализоваться при увеличении государственных и частных вложений в систему образования, в первую очередь женского, и повышение уровня профессиональной и научно-технической подготовки трудовых ресурсов. Большое значение имели бы и другие инвестиции в человеческий капитал, на основе чего может быть увеличена доля добавленной стоимости в производимой страной продукции, обеспечен прорыв в ряде современных высокотехнологичных секторов, ориентированных в силу специфики пакистанской экономики, прежде всего, на аграрную и аграрно-индустриальную базу.

Поступательная динамика в эволюции Пакистана, успешная борьба с опасными центробежными тенденциями во многом зависит, как и в примере с Афганистаном, от руководителей страны, точности и взвешенности принимаемых ими решений. Как и в Афганистане, многое будет зависеть также от функционирования всего верхнего яруса общественно-политической системы, от институтов формирующихся в рамках традиционной политической культуры гражданского общества и профессиональных корпораций.

---

⁶ См: *Каменев С.Н.* Экономическое развитие Пакистана. Макроэкономический анализ. М., 2014.

Документы Исламского Эмирата Афганистан.

На первый взгляд конституция талибов мало чем отличается от подобных документов других мусульманских стран, тем более, что она составлялась на основе прежних афганских конституций, пре-парированных в свете требований ислама.

Однако более внимательный анализ показывает, что во многих статьях, декларирующих права и свободы, скрывается стремление ограничить их и подчинить всю жизнь общества законам шариата. Красной нитью во всех статьях Основного Закона проходит установка на их «Исламский характер». Например: ст.5 (гл. I) объявляет исламский шариат единственным источником законности на территории страны, определяющим всю личную общественную жизнь людей.

Ст. 17 (гл. I) гласит, что Семья создается лишь на основе исламского права и морали.

Ст. 19 (гл. II) Свобода декларируется как естественное право человека, но не противоречащая «устоям ислама».

Ст. 39 (гл. II) Обучение женщин осуществляется в рамках шариата и регулируется особым законом.

Ст. 42 (гл. II) Соблюдение исламских законов – есть обязанность каждого мусульманина; призывы к неисламскому мышлению, то есть пропаганды иных убеждений и взглядов, запрещены. А нарушители будут наказаны согласно установкам шариата.

Ст. 52. (гл. IV), предоставляет лидеру талибов – «амир уль-муменину) всю полноту исполнительной, законодательной, судебной и военной власти, что делает его абсолютным авторитарным правителем.

Ст. 98–101 (гл. IX) определяющие внешнеполитический курс Эмирата полностью базируются на постулатах ислама, и в качестве определяющей цели выступают за сплочение мира ислама и единство мировой мусульманской общины, а джихад – провозглашается священной обязанностью каждого афганца.

Ниже прилагается текст конституции 2005 г.

Конституция Исламского Эмирата Афганистана (перевод с языка дари)¹

Преамбула «Кануне асаси» (Основной Закон) иначе «Осуле асаси» (Основные принципы), или «Асаснаме» (Основное послание), или «Дастур» (Инструкция, предписание); Этот документ имеет великое значение для каждой страны и руководствуясь им многое можно узаконить. Но для истинно исламской страны Основной Закон и другие законы и уложения должны полностью соответствовать шариату.

Повелитель правоверных Мулла Омар своим фирманом № 81 от 25 месяца сафара 1419 г. (15(16) апреля 1998 г.) распорядился, чтобы для укрепления шариатского строя в стране Верховный суд ИЭА и улемы рассмотрели бы все прежние Законы и уложения с точки зрения их соответствия шариату и убрали из них статьи нерелигиозного содержания и противоречащие шариату.

Исходя из этого указания много выдающихся улемов из разных районов страны подписались под этим указанием и собрались в Кабуле под председательством выдающегося маулави Нур Мухаммада «Сабета», Верховного судьи и руководителя Верховного Суда. 11 месяца саратана 1377 г. (2 июня 1997 года) собрание улемов начало свою работу. Они тщательно рассмотрели тексты прежних конституций всех предшествующих правительств Афганистана и то, что не соответствовало шариату, привели в соответствие с ним или совсем убрали.

Конституция Исламского Эмирата Афганистана была подготовлена и утверждена в качестве указания к действию ИЭА согласно шариату и ханафитскому мазхабу (толку).

2 месяца саратана 1425 г. (22 июня 2005 г.) данная конституция была подтверждена и вновь утверждена Высшим центральным советом ИЭА.

Глава I. Основные принципы

Статья 1. ИЭА – есть свободное, независимое, единое и неделимое государство.

Статья 2. Государственный строй ИЭА основывается на законах священного Корана (этого божественного указания Аллаха).

Статья 3. Религия народа Афганистана – священная религия Ислам.

Статья 4. Официальным религиозным толком (мазхабом) является ханафитский мазхаб.

---

¹ Без выходных данных, предположительно текст конституции опубликован в Пакистане.

Статья 5. Исламский шариат – единственный источник законности на всей территории страны, определяющий всю личную и общественную жизнь людей. Ни один закон, противоречащий шариату не будет издан, и не будет действовать.

Статья 6. В ИЭА – вся политическая, социальная, культурная, экономическая деятельность основывается на законах ислама. Политика законотворчества и упорядочения новой жизни общества основывается на указаниях Корана и сунны и точно соответствует ханафитской юриспруденции (фикх).

Статья 7. ИЭА – передает власть своему народу, благочестие которого есть первейшее достоинство.

Статья 8. Определение политической, социальной, культурной, экономической судьбы страны производится согласно законам исламского шариата.

Статья 9. ИЭА приглашает к благодеяниям, соблюдению принципа «следование добру и избегание зла», который есть взаимная обязанность каждого мусульманина и всего народа. Условия и пределы указанных принципов регулируются шариатом.

Статья 10. Воспитание каждого мусульманина, мусульманской семьи и подлинного исламского общества; усилия по укреплению единства общины мусульман и окончательное распространение границ исламского обучения есть главная задача ИЭА.

Статья 11. Пушту и дари – официальные и литературные языки Афганистана. Каждый из них используется в законотворчестве, делопроизводстве и документации, при написании книг, учебных пособий, в средствах массовой информации, в процессе преподавания языка и литературы. ИЭА приложит усилия в развитии этих языков. Каждый из них имеет хождение в своем языковом регионе.

Статья 12. ИЭА разработает и внедрит в практику специальные программы изучения арабского языка, языка Корана и исламской образовательной науки.

Статья 13. ИЭА в официальных и неофициальных медресе уделит особое внимание изучению арабских религиозных книг, подобно тому как это делали великие ханафитские улемы страны.

Статья 14. В основу календаря страны положена дата хиджры Пророка. Работа учреждений ИЭА базируется на лунном календаре. Пятница – всеобщий день отдыха, другие праздничные дни определяются законом.

Статья 15. Власть ИЭА основывается на централизованном управлении. Столица ИЭА – город Кабул.

Статья 16. Флаг ИЭА – горизонтальной формы, белого цвета, длина его 1,5 метра. Описание его и размеры, и герб определяются законом.

Статья 17. Семья – основная ячейка исламского общества. ИЭА упорядочит необходимые законы и программы, связанные с созданием семьи, укреплением семейных уз на основе исламского права и морали.

Глава II. Исламские права и обязанности народа.

Статья 18. Все подданные Афганистана, без дискриминации и привилегий, равны перед законом и обладают равными правами и обязанностями.

Статья 19. Свобода – естественное право человека при условии, что она не наносит ущерба свободе и чести других людей или общественному благу и безопасности всего общества, его мирной жизни и устоям исламских законов.

Статья 20. Невинность – главное условие общественной жизни. Обвиняемый в преступлении до тех пор, пока не вынесен окончательный вердикт компетентного суда считается невиновным.

Статья 21. Ни одно действие не может считаться преступлением, если только до совершения преступления, указания исламского шариата и законы не были введены в действие.

Статья 22. Никто не может быть незаконно наказан, если только до совершения преступления, уже действовали соответствующие указания исламского шариата и законы.

Статья 23. Никто не может быть преследуем или арестован, если только на этот счет нет указания закона.

Статья 24. Никого нельзя задержать или арестовать, если только нет решения компетентного суда или указания закона.

Статья 25. Преступление – поступок индивидуальный. Никакая другая личность не может быть преследуема, задержана, арестована и наказана.

Статья 26. Получение признания, свидетельских показаний от обвиняемого или другого лица путем устрашения, угроз или мучений запрещено. Признания полученные от обвиняемого таким путем недействительны.

Статья 27. В каждом случае, когда должностное лицо, для получения признания или свидетельства, прибегает к пыткам или отдает приказ об их применении, это лицо несет наказание согласно закону.

Статья 28. Обвиняемый лично или через адвоката имеет право, согласно закону, защищать себя.

Статья 29. Ни один афганец, обвиняемый в преступлении не может быть выдан иностранному государству.

Статья 30. Любой человек без причины понесший убытки от административного учреждения, имеет право вчинить иск и потребовать компенсации убытка и его возмещения через суд.

Статья 31. Ни один афганец не может быть осужден за лишение его гражданства, кроме законных случаев. Ни один афганец не может обладать гражданством, полученным в результате вступления в брак. Положение о приграничных племенах регулируется законом.

Статья 32. Свобода и тайна личной переписки, будь то в виде писем, телефонных переговоров, телеграфных сообщений или других средств связи, защищены от вмешательства. ИЭА не имеет права цензуры переписки, разве что по приговору компетентного суда или согласно статьям закона.

Статья 33. Личное жилище защищено от посягательства. Ни одно лицо, включая чиновников ИЭА, не имеет права без разрешения владельца или приговора компетентного суда, или если это ранее не было предусмотрено законом, войти в жилье или произвести там обыск.

Статья 34. Свобода мысли и слова, в рамках исламского шариата, защищены от вмешательства. Любой афганец имеет право в рамках закона излагать свои мысли устно, письменно или другим подобным образом.

Статья 35. Подданные Афганистана имеют право собираться вместе для обеспечения дозволенных законом целей без оружия и мирно, не доставляя неудобства другим людям.

Статья 36. Собственность защищена от посягательств. Собственность не может быть занята кем-либо, или насильно захвачена, если только на этот счет нет законного указания или решения компетентного суда. Жалобы относительно насильственного отторжения собственности расследуются по решению суда.

Статья 37. Труд есть право и обязанность каждого афганца, при условии, что он обладает силой и шариатской дееспособностью для выполнения работы. Отношения между работником и работодателем регулируются законом на основе справедливости. Принудительный труд, даже на пользу ИЭА, не допускается. Запрет на принудительный труд не противоречит законам, если он является общественным трудом, направленным на благо всего общества.

Статья 38. Введение начального обучения – обязательно. Развитие вторичного всеобщего, профессионального и высшего образования входит в компетенцию ИЭА и осуществляется бесплатно.

Статья 39. Обучение женщин осуществляется в рамках исламского шариата и регулируется специальным законом.

Статья 40. Никто не может, используя право, стать средством ущерба для других и угрозой общественному благу.

Статья 41. Сохранение завоеваний джихада, защита территории ИЭА, охрана национальной чести, есть обязанность каждого мусульманина. Все подданные Афганистана в соответствии с указаниями закона обязаны проходить воинскую службу.

Статья 42. Обязанностью всего народа Афганистана является полное соблюдение исламских законов в личной, семейной и общественной жизни, исполнение указаний настоящего закона и других документов ИЭА, а также соблюдение порядка общественной жизни, защита интересов Исламского Эмирата.

2) Призывы к неисламским идеям запрещены. Иностранцы и местные нарушители этого закона будут наказаны по шариату.

Статья 43. Ношение шариатского покрывала (хеджаб) обязательно.

Статья 44. Поданные Афганистана имеют право создавать частные религиозные медресе.

Статья 45. Просьба о создании общих и частных специализированных школ и нерелигиозных медресе решается соответствующим правительством.

Глава III. Исламский совет (шура).

Статья 46. Исламская шура – не является законодательным органом. Члены его назначаются повелителем правоверных (амир уль-муменин) из провинций согласно их градации: провинция 1 категории – 3 человека, 2-ой категории – 2 человека, 3-ей категории – 1 человек.

Статья 47. Члены исламской шуры назначаются из числа лиц, обладающих компетенцией «людей, умеющих решать и заключать договоры» (ахле халь ва акд).

Статья 48. Порядок работы и деятельности шуры определяется внутренним уставом.

Статья 49. Исламскую шуру возглавляет председатель, у которого есть заместитель и секретарь. Председатель шуры назначается амиром уль-муменином из числа ее членов.

Статья 50. Обязанности и компетенция исламской шуры заключается в следующем:

- 1 – утверждение законов.
- 2 – наблюдение над законностью деятельности учреждений ИЭА.
- 3 – принятие решений, связанных с спорными делами.
- 4 – утверждение плана работы кадрового состава, обычного бюджета и бюджета развития.
- 5 – принятие решений, касающихся мира и войны при участии высшего совета (шураи али), верховного суда и совета министров, под председательством амиром уль-муменина.
- 6 – утверждение международных договоров на уровне правительств с участием высшего совета, верховного суда и кабинета министров.
- 7 – утверждение генеральной линии политики правительства.
- 8 – интерpellация или получение ответов правительства.
- 9 – защита достижений, намерений и целей джихада.
- 10 – утверждение порядка предоставления и получения займов и безвозвратной помощи стран и международных организаций.

11 – когда амиром уль-муменин сообщит о желании уйти в отставку, он извещает об этом собрание, состоящее из верховного судьи, премьер-министра, председателя исламской шуры, после чего исламская шура в составе

верховного судьи, премьер-министра незамедлительно собирается и принимает решение.

12 – В случае смерти или отставки амир уль-муменина и отсутствия его завещания, до назначения нового амира его обязанности исполняет верховный судья.

13 – утверждение, согласно закону, порядка предоставления льгот иностранцам и создания крупных компаний тяжелой промышленности.

Статья 51. Каждый раз, когда один из членов исламской шуры или совета министров и их заместителей, а также судьи будут обвиняться в преступлении, ответственные чиновники доносят об этом соответствующему начальнику. После его решения обвиняемые преследуются и привлекаются к судебной ответственности. В случае если вина обвиняемого чиновника очевидна, он может привлекаться к судебной ответственности и без решения соответствующего начальника.

Глава IV. Амир аль-муменин.

Статья 52. Амир аль-муменин находится во главе ИЭА и обладает полномочиями в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти согласно данного документа и других законов.

Статья 53. Амир уль-муменин должен быть мусульманином, последователем ханафитского мазхаба, иметь афганское гражданство, быть рожденным от отца и матери афганских мусульман.

Статья 54. Указания амир уль-муменина, в рамках его конституционных обязанностей, являются первостепенными.

Статья 55. Прерогативы и обязанности амир уль-муменина следующие:

- 1 – Верховное командование исламской армией Афганистана.
- 2 – Назначение и отрешение от должности председателя совета министров и министров.
- 3 – Амир уль-муменин может передавать часть своих функций другому лицу.
- 4 – назначение министров, после их представления премьер-министром, утверждается исламским советом.
- 5 – назначение председателя верховного суда.
- 6 – назначение членов верховного суда с согласия председателя этого органа.
- 7 – согласие на назначение и утверждение судей
- 8 – согласие на повышение их в должности и выхода на пенсию чиновников и высших офицеров производится согласно положениям закона.
- 9 – утверждение послов и представителей ИЭА в зарубежных странах и международных организациях, согласие на принятие верительных грамот.
- 10 – вручение орденов, медалей, почетных знаков согласно установкам закона.

11 – объявление войны и мира, после утверждения этих решений исламской шурой.

12 – представление ИЭА в международном сообществе на уровне глав государств.

13 – подготовка проектов законов и издание законодательных актов.

14 – подписание международных контрактов и договоров, после решения исламской шуры.

15 – помилование, смягчение наказаний согласно законам шариата.

16 – утверждение проектов основного бюджета и бюджета развития.

17 – созыв чрезвычайного заседания кабинета министров.

18 – предоставление афганского подданства согласно установкам закона.

19 – выдача официального разрешения на печатание денежных банкнот и распространение их по предложению министерства финансов.

20 – объявление и прекращение состояния чрезвычайного положения в стране согласно указаниям Закона, после решения исламской шуры.

Статья 56. Денежное содержание амир уль-муменина, его расходы в сфере общественной собственности, а также его вознаграждение определяются законом.

Статья 57. Амир уль-муменин не может приобрести государственное имущество и общественную собственность лично для себя и своей семьи, или извлечь выгоду из сделки с ИЭА.

Статья 58. В отсутствие амир уль-муменина, лицо, которому передана компетенция амира, является исполняющим обязанности.

Статья 59. Амир уль-муменин перед законом несет такую же ответственность, как и другие подданные страны.

Статья 60. Хутба читается в мечетях во имя амир уль-муменина.

Глава V. Правительство.

Статья 61. Правительство состоит из председателя кабинета министров и министров, и является высшей исполнительной и административной властью, управляющей Эмиратом. Число министров и их служебные обязанности определяются законом.

Статья 62. Председатель совета министров должен быть мусульманином, последователем ханафитского мазхаба, иметь родителей мусульман.

Статья 63. Зарплата председателя кабинета министров и министров определяется законом.

Статья 64. В компетенции председателя совета министров входят следующие права и обязанности:

1 – он представляет собой правительство.

2 – его приказы имеют первостепенную силу на правительственном уровне в соответствии с законом.

3 – собрание министров осуществляется под руководством премьер-министра как объединенная комиссия.

4 – он может передавать часть полномочий одному из министров.

5 – подписание договоров и соглашений на уровне правительства.

6 – руководство правлением и упорядочение дел, исполнение их министерствами и самостоятельными управлениями в рамках правительства.

7 – одобрение назначений, повышение в должности, выход на пенсию, увольнение чиновников правительства согласно предписаниям закона.

Статья 65. Обязанности и компетенция правительства:

1 – реализация внутренней и внешней политики страны согласно предписаниям закона.

2 – регулирование деятельности министерств, самостоятельных управленческих подразделений и связанных с ними учреждений.

3 – принятие необходимых решений относительно исполнения дел и управления на основе законов, постановлений и установок исламского совета.

4 – подготовка законопроектов и постановлений правительства.

5 – разработка, регулирование и изменения бюджета ИЭА и предложения по этим вопросам исламскому совету.

6 – разработка и регулирование программ экономического и социального развития и принятие мер по их обновлению.

7 – наблюдение и контроль за банковскими операциями, соблюдением правительственных обязательств и предотвращением инфляции.

8 – регулирование дел, связанных с внутренними и внешними займами и утверждение их исламским советом.

9 – обеспечение безопасности и спокойствия на всей территории страны.

10 – заключение контрактов и договоров с иностранными государствами и международными организациями.

11 – принятие необходимых мер для искоренения моральных пороков в управленческой сфере.

12 – внедрение хеджаба согласно шариатскому праву.

13 – создание благоприятной обстановки для развития духовного, образовательного и культурного уровня подданных страны на основе учения ислама и его высших ценностей.

14 – укрепление и развитие исламского братства, национального единства, упрочение духа взаимопомощи и взаимной поддержки между людьми.

15 – создание исламской армии, ее укрепление, воспитание, рост и правильное регулирование под руководством властей Эмирага.

16 – упорядочение дел с отдыхом и лечением семей шахидов, инвалидов и раненых.

17 – упорядочение дел по приглашению беженцев, создание благоприятных условий для их возвращения и размещения, и их первоначальное материальное обеспечение.

18 – правительство как исполнительная власть Эмирата ответственно в своих действиях перед исламским советом и амир уль-муменином.

19 – правительство обязано претворять в жизнь окончательные судебные приговоры.

20 – разработка, приведение в порядок, введение законов ислама в практику в качестве основы обучения во всех учебных заведениях.

21 – защита собственности Эмирата и личной собственности от недозволенного посягательства.

22 – привлечение зарубежной помощи, без каких-либо условий, от государств и международных организаций для восстановления Афганистана.

23 – расширение и укрепление профилактической и лечебной медицины с целью защиты и улучшения здоровья общества.

24 – рассмотрение вопроса о найме иностранных специалистов.

Статья 66. Назначение и увольнение министров по предложению председателя правительства и с согласия амир уль-муменина.

Статья 65. Члены правительства во время исполнения своих обязанностей не могут работать в предприятиях Эмирата или осуществлять с Эмиратом сделки для получения прибыли.

Статья 68. Права и обязанности чиновников и работников Эмирата определяются законом.

Статья 69. Раскрытие преступлений и арест обвиняемых – обязанность полиции. Преследование и предъявление иска производится соответствующим управлением согласно закону.

Глава VI. Судопроизводство

Статья 70. Суд – независимое административное подразделение ИЭА, состоит из верховного суда и других судов. Состав и их компетенция определяются законом.

Статья 71. Суд в своем решении независим и обязан соблюдать справедливость и выносить обоснованное решение согласно шариату.

Статья 72. Окончательный вердикт суда обязан исполняться, кроме указа о смертной казни, которое зависит от решения амир уль-муменина.

Статья 73. В суде ИЭА судебное разбирательство осуществляется открыто. Если необходимо, секретное разбирательство, то оно определяется законом. Решение суда в иных случаях объявляется открыто. В своем решении судьи обязаны указать причины приговора, который они выносят.

Статья 74. Назначение председателя верховного суда с учетом его компетентности полностью находится в ведении амир уль-муменина. Заместители и начальники отделов с учетом их религиозности, учености, благочестия и полной осведомленности в судебных и правовых вопросах, по рекомендации председателя верховного суда, назначаются амир уль-муменином.

Статья 75. Судейский корпус назначается по предложению верховного суда и утверждается амир уль-муменином.

Статья 76. В случае, если судья обвиняется в преступлении, суд рассматривает дело судьи и после заслушивания доводов защиты подает амир уль-муменину предложение об его увольнении. Если это предложение утверждается амир уль-муменином, судья освобождается от своей должности.

Статья 77. Ни один закон ил служебная инстанция не может изъять дело из компетенции верховного суда и передать на рассмотрение другой инстанции.

Статья 78. Бюджет верховного суда составляется и передается правительством исламскому совету, который утверждает его.

Статья 79. К чиновникам и работникам верховного суда применяются те же законы, что действуют в отношении сотрудников других ведомств Эмирата.

Статья 80. В компетенцию судей, помимо расследования подобных дел, входит разрешение всех исков вчиняемых физическими или юридическими лицами, включая Эмират, выступающий в качестве истца или ответчика, и о своем решении объявляют Эмирату.

Статья 81. Перевод, повышение, выход на пенсию, отставки и приговоры судьям – все эти дела осуществляются верховным судом согласно закону.

Статья 82. Председатель и члены верховного суда в период исполнения своих служебных обязанностей никаких операций, связанных с получением прибыли, осуществлять не могут.

Глава VII. Управление.

Статья 83. Система управления ИЭА подразделяется на следующие управленческие категории: провинциальные, уездные, сельские, волостные и городские районы. Все они управляются и обеспечиваются правительством.

Статья 84. Создание административных единиц предлагается правительством и после согласования с исламским советом, предоставляется на подпись амир уль-муменину.

Глава VIII. Экономическая система и финансы.

Статья 85. Экономическая система ИЭА основывается на частной и эмиратской собственности. Эмират развивает экономику по этим двум направлениям, и руководствуясь законом укрепляет и поддерживает эту систему посредством составления программ.

Статья 86. 1 – Эмират обязан развивать и укреплять государственную казну и соблюдать исламские принципы при расходовании средств.

2 – сбор и расходование заката (налог в пользу бедных – *Р.С.*) и ушра (налог с военной добычи – *Р.С.*) производится согласно установок шариага.

3 – ликвидация и устранение всех видов операций, связанных с получением банковского процента и введение беспроцентной прибыли есть обязанность эмирата.

Статья 87. Эмират направит все ресурсы страны для экономического самообеспечения, искоренения отсталости и повышение уровня жизни народа, в рамках программ экономического и социального развития согласно основам шариата.

Статья 88. В Афганистане все дела, связанные с подземными залежами, рудники, леса, бесхозные пастбища, основные источники энергии, исторические ценности, сооружения телеграфной связи, большие плотины, порты, линии связи, крупная промышленность, радиостанции, аэропорты и тому подобное, регулируются отдельным законом с учетом высших интересов страны и соблюдением основ шариата.

Разрешение и преференции на создание типографий и печатание прессы выдаются согласно закону только поданным ИЭА. Инвестиции в частный сектор с целью использования лесов, пастбищ, источников энергии, покупка и продажа средств связи определяются законом.

Статья 89. В Афганистане деятельность представителей иностранных банков и организаций в рамках закона регулируются исламскими принципами.

Статья 90. Реформирование и изменение деятельности банков и приведение их в соответствие с экономическими законами ислама является обязанностью ИЭА.

Статья 91. ИЭА укрепляет и развивает деятельность кооперативных, производственных и распределительных учреждений в рамках исламских устоев, через соответствующие организации.

Статья 92. ИЭА с целью возрождения и развития сельского хозяйства, увеличения сельскохозяйственной и животноводческой продукции согласно закону окажет финансовую и техническую помощь крестьянам, владельцам земли и скота, а также окажет поддержку соответствующим управлениям в деле создания смешанных и частных хозяйств, благоустройстве неводеланных земель путем расширения системы орошения.

Статья 93. ИЭА согласно закону защитит и поддержит частное инвестирование местными и зарубежными лицами с целью развития национальной экономики в промышленной, торговой, строительной сферах, а также в области воздушных полетов, транспорта, сельского хозяйства и сфере услуг.

Статья 94. Правила продажи недвижимости отдельным лицам и политическим представительствам определяются законом.

Статья 95. ИЭА защищает любую собственность, будь она частной или общественного пользования. Любой человек является законным владельцем дозволенной продукции своего ремесла и труда. Законная собственность человека защищена законом от посягательства. Насильственное изъятие собственности осуществляется лишь согласно закону и по решению

компетентного судьи. Изъятие и завладение собственностью осуществляется согласно закону с целью обеспечения интересов общества и заранее компенсируется справедливой заменой.

Статья 96. В ИЭА эталоны, размер и виды налога и пошлины определяются на основе шариатского закона и социальной справедливости. Поданные ИЭА и иностранцы платят налоги и пошлины согласно закону.

Статья 97. ИЭА с целью охраны природных богатств и их разумного использования через свои ответственные департаменты по возможности предпринимает необходимые меры для защиты окружающей среды от загрязнения.

Глава IX. Внешняя политика.

Статья 98. Внешняя политика ИЭА основывается на светлом и драгоценном учении ислам, на устоях человеческих ценностей, обеспечении мира в обществе, политической независимости, целостности территории, выполнения эффективных и конструктивных планов по всеобщему миру и международному сотрудничеству.

Статья 99. ИЭА поддерживает и защищает Устав ООН, Организацию исламских государств, Движение неприсоединения, Декларацию прав человека и других принятых договоров и соглашений, до тех пор пока они не входят в противоречие с ценностями ислама и мирной обстановки в стране.

Статья 100. ИЭА на основе соблюдения прав каждого и взаимного уважения желает в свете шариата ислама, укреплять добрые отношения, расширять и расширять их со всеми народами мира, особенно с тем государством, который поддерживают в период джихада справедливые требования несчастного народа Афганистана.

Статья 101. ИЭА, исходя из принципа сопредельности стран, выступает за большее кооперирование и солидарность между соседними странами, за укрепление исламского братства и сплочение мира ислама, за единство мусульманской общины.

Статья 102. ИЭА уважает права всех народов мира и в рамках исламского шариата и осуждает любую агрессию против их прав и свобод.

Статья 103. ИЭА с целью защиты и обеспечения основных прав человека во всем мире, особенно защищает права угнетенных народов на свободу, выступает за разрешение региональных конфликтов на основе благоразумия и миролюбия, на принципах справедливости и исламского гуманизма, и осуждает любые силовые акции.

Статья 104. ИЭА выступает в поддержку разоружения, уничтожения оружия массового поражения, находящегося у современных мощных государств мира.

Статья 105. Подданные ИЭА за пределами страны находятся под покровительством эмирата, который защищает их шариатские права и интересы.

Глава X. Прочие установления

Статья 106. Внесение любых изменений, уменьшение или увеличение статей в данном законе осуществляется по предложению амир уль-муменина, совета министров, высшего совета верховного суда или определенного числа членов исламского совета и утверждения их на совместном собрании исламского совета, высшего верховного суда и совета министров.

Статья 107. С вхождением в силу этой конституции, основные законы прежних режимов полностью утрачивают силу и ликвидируются.

Статья 108. Комментарии к этой конституции входят в компетенции исламского совета.

Статья 109. Положения законов, принятых до этой конституции, считаются действительными, если они не нарушают законов священного ислама и ценностей, содержащихся в данной конституции.

Статья 110. Настоящая конституция состоит из 10 глав и 110 статей, и считается вступившей в силу с даты ее публикации в официальной газете.

«Лаиха» – «Кодекс поведения муджахидов-талибов»¹

В мае 2010 г. руководство ликвидированного в 2001 г. Эмирата талибов на территории Афганистана опубликовало обновленный, третий (первый был в 2006 г.) вариант так называемого «Кодекса поведения муджахидов», в котором бывшие талибы отныне именуются муджахидами – «борцами за веру». Этот документ (Лаиха) подписан имамом (первосвященником) и «повелителем правверных» муллой Омаром. На деле это означает, что глава талибов сосредоточил и законодательно закрепил в своих руках военную и духовную власть как первый шаг на пути воссоздания желаемого им, но все еще иллюзорного, военно-теократического государства – Исламского Эмирата талибов. Объединение в руках муллы Омара всех ветвей власти дает ему возможность выстроить жесткую вертикаль центральной власти. Все указы авторитарного правителя муллы Омара военными, гражданскими и духовными лицами согласно «Лаиха» должны выполняться беспрекословно.

Рассмотрим подробнее некоторые положения этого кодекса.

¹ “International Review of the Red Cross”, Geneva, Switzerland, vol. 93, № 881, March 2011, p. 81-120.

Главное, на что кодекс нацеливает муджахидов – это непримиримая война против «рабского правительства» Кабула. Для достижения победы муджахидам рекомендуется осуществлять следующие меры:

- убеждать противника сложить оружие и присоединиться к бойцам, ведущим джихад;
- командирам и бойцам вменяется в обязанность вербовка военных и правительственных чиновников и представление гарантий их безопасности;
- рекомендуется доброжелательно относиться к местному населению, действовать согласно нормам исламской этики и морали, чтобы «завоевать сердца и умы простых мусульман»;
- не разрешается врываться в дома жителей и производить обыски;
- муджахидам не следует ввязываться в местные конфликты, возникающие между племенами на этнической расовой или территориальной почве;
- им рекомендуется привести стиль своей одежды, прическу, обувь в соответствие с теми правилами, которые действуют в той или иной области, что позволит муджахидам незаметно и безопасно перемещаться среди местных жителей;
- для укрепления морального духа и чести муджахидов им запрещается: курить, содержать в лагерях несовершеннолетних юношей, собирать подати с местных жителей, похищать людей с целью выкупа;
- за захваченных в плен местных или иностранных противников брать выкуп запрещается. Они могут быть обменены только на пленных талибов. Только по решению имама Омара они могут быть казнены или помилованы;
- муджахиды не должны подвергать пленника пыткам. Только имам имеет право определять меру наказания;
- любая добыча, в том числе денежные ценности, добытые в ходе боев у иностранных агрессоров делятся согласно шариату между бойцами, захватившими ее. Согласно шариату $\frac{1}{5}$ часть (хомс) поступает в казначейство руководства движения, т.е. мулле Омару. Полученные без боя ценности сдаются в общую казну (байт-уль-маль) движения;
- использовать террористов-шахидов допускается лишь при осуществлении крупных терактов, наносящих серьезный урон противнику.

Комментарий:

Опубликованный в 2010 г. Кодекс предусматривал также ряд организационных мероприятий. Например, руководство талибов-муджахидов не дожидаясь окончания войны, заранее готовило почву для создания собственных административных органов в

Исламском Эмирате. Так, на подконтрольных им в конце 2000-х годов территориях создавались, по утверждению Кодекса, органы самоуправления, а также шариатские суды.

В районах, где по информации Кодекса уже действовали законы Исламского Эмирата назначался начальник, у которого был штат из военных и гражданских советников. Согласно Кодексу, шариатские трибуналы из 3-х судей решали все вопросы по законам шариата.

Шариатские трибуналы имели право выносить смертные приговоры лицам, уличенным в шпионаже, а также гражданским лицам, сотрудничающим с агрессорами и доставляющими «неверным» топливо и продукты питания.

В провинциях, где условия это позволяют, создавались специальные комиссии из 5 человек, которые с назначенным начальником района должны были контролировать деятельность военных и гражданских органов.

Итак, анализ «Кодекса поведения муджахидов» позволяет выделить два главных его направления: тактическое и стратегическое. Тактически руководство талибов-муджахидов призывалось вести активную пропаганду и практику, чтобы привлечь на свою сторону «сердца и умы» простых людей и пополнять свои ряды добровольцами. Однако стратегически курс был направлен не на установление мира в стране, а на продолжение джихада против тогдашнего правительства и иностранного воинского контингента. Никаких упоминаний о возможности переговоров и достижения компромисса в Кодексе не содержалось.

«Лаиха» пропагандировался руководством движения Талибан как документ, освященный высшей волей Всемогущего Бога и составленный в свете шариата Пророка. Вместе с тем, скрупулезный анализ этого документа с позиции его соответствия шариату и мусульманскому праву, проведённый М. Муниром, крупным специалистом по праву, деканом факультета шариата и права Международного Исламского Университета в Исламабаде, привел его к выводу, что Лаиха во многом не отвечает требованиям шариата и даже противоречит им.

Автор комментария и перевода Конституции и Кодекса поведения – Р. Р. Сикоев.

Contents

Introduction.....	5
Chapter 1. Ethnic, social and religious roots of the Afghanistan Taliban Movement. Struggle for power with the Mujahedin	15
Chapter 2. Power structure in the Islamic Emirate of Afghanistan. Peculiarities of the religious and judicial policy	54
Chapter 3. Islamic economy of the Taliban. The legal system. The policy in the field of Education, Repressions.....	89
Chapter 4. Foreign policy and international ties of the Islamic Emirate. The foreign invasion. Defeat and expulsion of the Taliban from Afghanistan to Pakistan.	123
Chapter 5. Transformation of the Pushtun areas of Pakistan into the Taliban safe haven. The revival of the Afghan talibs. The Pakistani Taliban Movement	158
Conclusion. Prospects of the situation evolving in Afghanistan and Pakistan. Fate of the states	186
Supplement. Documents of the Islamic Emirate of Afghanistan	199

Научное издание

**Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Руслан Романович Сикоев**

**Движение Талибан и перспективы
Афганистана и Пакистана**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Компьютерная верстка О.Н. Морозовой

Подписано в печать 07.11.2014. Печать офсетная.
Бумага офсетная 80 гм². Формат 60x90^{1/16}
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 300 экз. Заказ № 863.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А.В. Сарасьев
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46
Тел.: (495) 726-31-69; (495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Рис. 1. Этническая карта Афганистана и Пакистана.

Рис. 2. Территория племен федерального управления (ТПФУ) Пакистана.